

ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Алек Д. Эпштейн

**ИЗРАИЛЬ И ПРОБЛЕМА
ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ:
ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА**

Москва 2005

Научное издание

Алек Д. Эпштейн

ИЗРАИЛЬ И ПРОБЛЕМА ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ: ИСТОРИЯ И
ПОЛИТИКА

М., 2005, 214 стр.

Dr. Alek D. Epstein

Israel and the Palestinian Refugee Problem: History and Politics
Moscow: Institute of the Middle Eastern Studies, 2005

Исследование, на котором базируется книга, проведено при поддержке и содействии Фонда им. Лесли и Веры Келлер и Объединения «Jerusalem Summit», за что автор выражает искреннюю благодарность руководителям этих организаций, д-ру Ави Беккеру и Дмитрию Радышевскому.

Автор также выражает благодарность д-ру Виктории Либной, руководителю Академической программы по преподаванию еврейской истории, философии и общественных наук на русском языке Открытого университета Израиля, инициировавший проект подготовки книг по истории Палестины/Эрец-Исраэль в период британского мандата и в годы формирования израильской государственности.

ISBN 5-89394-147-0

ISBN 5-89394-147-0

© Институт Ближнего Востока

© Алек Д. Эпштейн

Об этой книге

Проблема палестинских беженцев представляется на сегодняшний день едва ли не самой болезненной из тех, с которыми приходится сталкиваться общественным и политическим деятелям с обеих сторон, ищущим пути к урегулированию арабо-израильского конфликта. При этом каждая из сторон выстроила вокруг проблемы беженцев целую систему мифов, которые следует подвергнуть скрупулезному анализу. В данном исследовании впервые на русском языке делается попытка обобщить известные на сегодняшний день исторические факты, стремясь максимально беспристрастно восстановить картину происходивших в конце 1940-х годов и впоследствии событий. Привлекая значительное количество архивных исторических документов (хронологически покрывающих более чем восьмидесятилетний период – от начала британского мандатного правления до переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе в 2000–2001 гг.) и опубликованных впоследствии работ, автор книги, известный израильский историк и социолог, исследует, как возникла проблема палестинских беженцев, и почему на протяжении пятидесяти с лишним лет она не только не была решена, а лишь обострилась. Автором выдвинут ряд новых гипотез и тезисов, меняющих традиционное видение анализируемых событий и позволяющих по-новому понять место палестинской диаспоры в системе региональных и международных отношений.

Книга адресована специалистам-международникам, дипломатам, историкам, политологам, востоковедам, всем, кто интересуется историей и сегодняшними реалиями арабо-израильского противостояния.

Об авторе

Алек Д. Эпштейн – историк, социолог и востоковед, ведущий русскоязычный специалист по истории и политологии Израиля и арабо-израильского конфликта. В 1997 г. он защитил написанную на языке иврит магистерскую диссертацию об истории пацифизма и нравственного сопротивления в Израиле, а в 2001 г. – докторскую диссертацию о взаимоотношениях интеллектуальной и политической элит в Израиле (обе были подготовлены и утверждены в Еврейском университете в Иерусалиме). С 1999 г. и по настоящее время он преподает на кафедре социологии и политологии Открытого университета Израйля, в Центре Чейза Еврейского университета в Иерусалиме и в Институте стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автор книги «Бесконечное противостояние. Израиль и арабский мир» (Москва, 2003; в киевском издании книга озаглавлена «Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке»), редактор и один из авторов сборников статей «Миграционные процессы и их влияние на израильское общество» (Москва, 2000), «Общество и политика современного Израйля» (Москва – Иерусалим, 2002), «Идеология еврейской национальной жизни в современном мире» (Москва – Иерусалим, 2003), «Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии» (Москва, 2004), «Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе» (Москва, 2004), а также курсов Открытого университета Израйля «Становление израильской демократии» (в четырех книгах, Тель-Авив, 2001) и «Общество, экономика и культура Израйля» (в четырех книгах, Тель-Авив, 2002–2003). Автор более сотни научных и публицистических работ, а также многочисленных газетных статей, опубликованных в 1998–2005 гг. в десяти странах на четырех языках. Как лектор, исследователь и эксперт сотрудничает с рядом научных, образовательных и общественных организаций. Выступал на многочисленных международных научных конференциях в России, Израиле, Германии, Норвегии, Китае и других странах. На израильском радио РЕКА ведет еженедельный цикл передач «Из истории еврейского национального движения и Государства Израиль».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава I	
ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА	11
Глава II	
ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СИОНИСТСКИМ ДВИЖЕНИЕМ И АРАБСКИМИ ЛИДЕРАМИ ПАЛЕСТИНЫ	23
Глава III	
ПЛАНИРОВАЛИ ЛИ ЛИДЕРЫ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ИЗГНАНИЕ АРАБОВ ИЗ ПАЛЕСТИНЫ/ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ?	34
Глава IV	
ЕВРЕЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПАЛЕСТИНСКИЕ АРАБЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	57
Глава V	
ЗАВЕРШЕНИЕ БРИТАНСКОГО МАНДАТА, АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1947–1949 ГОДОВ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ	72
Глава VI	
В ПОИСКАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРИПЕТИИ НА ФОНЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	106
Глава VII	
ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ: ПОЗИЦИИ ИЗРАИЛЯ И АРАБСКИХ СТРАН	129
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
ПРИМЕЧАНИЯ	173

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга суммирует исследовательскую работу автора, посвященную проблеме палестинских беженцев. Особое внимание уделено эпохе, предшествовавшей созданию Государства Израиль, Войне за Независимость и последующим десятилетиям, когда, собственно, эта проблема и возникла в том виде и тех масштабах, которые превращают ее сегодня не только в краеугольный камень будущего палестино-израильского и арабо-израильского урегулирования, но и в один из ключевых вопросов современной политики.

Как представляется, проблема палестинских беженцев не имеет решения, приемлемого для конфликтующих сторон. Весьма сомнительно, что ее вообще можно решить как в ближайшем, так и в отдаленном будущем. Не исключено, что эта проблема относится к числу тех, которые беспокоят дипломатов и политиков до той поры, пока вследствие исторических событий не теряют актуальность, переходя в ведение историков.

Подход ООН к палестинской проблеме, состоящий в том, что беженцами считаются все потомки палестинцев, покинувших родные места вследствие арабо-израильских войн, привел к тому, что численность людей, зарегистрированных в соответствующем агентстве, выросла с нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов человек и число это с каждым годом продолжает расти. Следует отметить, что подход этот касается исключительно палестинцев. Верховный комиссариат ООН по делам беженцев, который занимается всеми прочими этническими группами, полагает беженцами представителей первого поколения покинувших родные места и именно этим людям предоставляет помощь. Их детям и внукам, родившимся в эмиграции, предлагается самостоятельно обустроить свою жизнь. Никакие претензии на компенсации или право на возвращение не относятся к десяткам и сотням миллионов людей, покинувших свои страны на протяжении XX века. Только палестинцам мировое сообщество и представляющая его ООН готова предоставить права, которых лишены все прочие бежен-

цы ушедшего столетия: китайцы и немцы, японцы и русские, поляки и югославы, индусы и пакистанцы, тибетцы и ирландцы, иракские арабы и турецкие курды, не говоря уже о жертвах африканского трайбалистского геноцида и этно-конфессиональных конфликтов в странах ЮВА и Африканского Рога. Причин этому несколько.

Во-первых, решение проблемы беженцев в этом случае потребовало бы столь значительных финансовых ресурсов, что вероятность принятия такого подхода, как Великими державами, так и прочими странами, причастными к ее разрешению, равнялась бы нулю, а гипотетическая решимость международной бюрократии оплачивать этот подход за счет наличных средств, привела бы к немедленному банкротству ООН. Палестинцы же в середине XX века были сравнительно небольшой группой, на базе которой бюрократы соответствующих служб ООН возвели механизм образцово-показательной заботы о беженцах. По прошествии ряда лет структура эта, в полном соответствии с законами Паркинсона, превратилась в механизм благоустройства самих бюрократов, в теории заботящихся о беженцах. Впрочем, поскольку значительную часть ее аппарата составили палестинцы, эта организующая и распределяющая прослойка палестинского общества оказалась действительно благоустроенной, причем благоустроенной пожизненно.

Во-вторых, ни одно государство современного мира, вне зависимости от того, относится ли правящий режим к категории тоталитарных, авторитарных, монархий, теократий или демократий нельзя даже заподозрить в готовности обсуждать с кем-либо проблему возвращения беженцев в том ее формате, который был изначально предложен для беженцев палестинских. Единственным исключением стал Израиль, повышенная готовность которого к дискуссиям на международной арене, касающихся ключевых вопросов его будущего, связана не столько с реалиями его существования в качестве государства, сколько с рефлексиями политического истеблишмента и особенностями исторического пути еврейского народа. Ни одна национальная элита мира, кроме израильской, не будет обсуждать изначально тупиковую проблему, приемлемого решения которой для страны, которую эта элита представляет, не существует. Именно поэтому таких вопросов ни международные посредники, ни международные бюрократы, ни с кем, кроме израильтян, всерьез и не обсуждают. Справедливые сетования на то, что в

ООН Израиль превратился в «еврея среди наций» хороши до той поры, пока не приходится спросить, какую роль в этом сыграли израильские истеблишмент и СМИ, в первую очередь левые.

В-третьих, проблема палестинских беженцев уникальна, поскольку именно в этом случае «агрессор» на протяжении десятилетий проявляет единственную в своем роде сдержанность в применении силы к «угнетенным». Обвинения в адрес израильтян со стороны стран Третьего мира, большая часть которых накопила огромное количество собственных «скелетов в шкафу», включая геноцид в отношении миллионов невинных жертв, совершенный на глазах «мирового сообщества», при полном его безразличии, неуместны. Отечественным дипломатам, предлагающим очередной рецепт «мирного урегулирования» не следует забывать о немцах и японцах, изгнанных из Пруссии и с Дальнего Востока по окончании Второй мировой войны. Европейцам и американцам – о вчерашней Югославии и сегодняшнем Ираке. Война неизменно сопровождается человеческими трагедиями, однако палестинцам, столкнувшимся с израильтянами, повезло много больше, чем тем, кто попал в лагерь, расположенные на территории арабских стран.

Представляется крайне сомнительным, что палестинская проблема будет решена в традиционном ключе, предполагающем, что решение это будет произведено за счет Израиля, в рамках либо двусторонних переговоров, либо всеобъемлющего арабо-израильского урегулирования. Полувековой опыт показывает, что урегулирование отношений с Израилем может быть произведено его арабскими соседями только под давлением США, в рамках выстраивания миропорядка, отвечающего интересам Вашингтона. Палестинский вопрос по-прежнему является для них не столько задачей, требующей практического решения, сколько платформой для демонстрации арабской и исламской солидарности на антиизраильской основе. Предложения израильтян о решении палестинской проблемы за счет еврейских средств и имущества, оставленного в арабском мире, не говоря о землях, принадлежащих Еврейскому Агентству на территории сегодняшних соседей Израиля, арабскими правительствами не обсуждались, как не обсуждался и вопрос о законодательной и экономической интеграции палестинцев в арабском мире.

Сегодня ясно, что в арабском мире палестинским беженцам не удастся ассимилироваться так же, как не удастся вернуться на территорию Израиля. Массовая «ползучая иммиграция», в процессе которой они пытаются попасть в Израиль, вступив в брак с израильскими арабами так же бесперспективна для этого, как и нелегальная трудовая иммиграция и в конечном счете приведет скорее к тому, что Израиль избавится от большей части собственных арабов, за счет территориального обмена населенных ими районов на еврейские поселения. Весьма сомнительно, смогут (и захотят) ли беженцы вернуться на территорию Палестинского территориального образования, даже если представить себе, что после размежевания с Израилем оно может быть экономически жизнеспособно. Власти ПНА на протяжении десяти лет уходили от решения проблемы беженцев на контролируемой ими территории. Обитатели лагерей – чужие даже для жителей соседних поселений, расположенных в одном из двух главных палестинских территориальных анклавов, не говоря уже о проблеме совместимости жителей Газы и Западного берега. Единственное место в регионе, где палестинцы могли бы найти работу, которая позволила бы им преодолеть экономический кризис – Израиль. Место это, однако, за годы интифады потеряно окончательно – оно занято иностранными рабочими, воспользовавшимися плодами глобализации. Румынские, польские и китайские строители, тайландские сельскохозяйственные рабочие, филиппинские медсестры и африканские портовые грузчики заняли палестинские рабочие места и не отдадут их, тем более, что израильские работодатели, уставшие от террора и политического противостояния, поддерживают их в этом.

Существует единственный выход, который может способствовать решению проблемы палестинских беженцев. Это консолидация самих палестинцев для решения собственных проблем с опорой на собственные силы. Выход этот потребует отказаться от международной благотворительности, развратившей беженцев и люмпенизовавшей миллионы палестинцев. Им неизбежно придется ограничить коррупцию руководства и демилитаризовать инфраструктуру ПНА, остановить преступность и справиться с воинствующими исламистами. Им, как народу, придется перерасти палестинскую революцию, а для этого в первую очередь превратить систему образования и СМИ из механизма разрушения, воспитывающего детей и под-

ростков как смертников-шахидов, в систему, создающую рабочие места и способствующую налаживанию конструктивных отношений с соседями, включая Израиль. Если палестинские лидеры смогут сформулировать для себя задачу национального возрождения, как задачу созидательную, взяв в этом пример с евреев, у палестинского народа есть будущее, а проблема беженцев решится в процессе строительства этого будущего самими палестинцами и за собственный счет. Если не смогут – они останутся людьми без будущего.

Сегодня значительная часть палестинцев – жители лагерей беженцев, с присущей им безработицей, высоким уровнем криминала, враждебностью соседей. Однако, палестинская интеллектуальная элита не только наиболее образованная в арабском мире, но и выделяется этим на мировом фоне. Ситуация палестинцев в точности воспроизводит состояние еврейского народа, который полтора века назад состоял из интеллектуалов мирового уровня и подавляющей их массы малограмотных и нищих жителей восточноевропейских местечек. Евреи свой национальный очаг построили и отстояли в войнах. Палестинцы доказали, что они могут воевать. Строить им еще предстоит научиться.

Евгений Сатановский
Президент ИБВ

Глава I

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

Проблемы, касающиеся истории формирования палестинской диаспоры, ее настоящего и будущего, представляются на сегодняшний день едва ли не самыми болезненными темами, с которыми приходится сталкиваться общественным и политическим деятелям с обеих сторон, ищущим пути к урегулированию арабо-израильского конфликта. Палестинцы требуют «восстановления исторической справедливости» и возвращения миллионов людей, которых они называют беженцами, на те земли, на которых их предки проживали до первой арабо-израильской войны 1947–1949 годов. Подавляющее же большинство израильтян убеждены, что подобное развитие событий превратит Израиль в двунациональное еврейско-арабское государство, и, учитывая высокую рождаемость в арабском секторе – в преимущественно арабское государство, жизнь в котором еврейского меньшинства будет фактически невозможной. При этом степень ответственности сторон за трагические события, произошедшие в 1947–1949 годах, остается предметом далеко не беспристрастных дискуссий.

В конце 1947 года арабы составляли более двух третей населения подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль, в их частной собственности находилась большая часть земель. Отказываясь принять план раздела страны, выдвинутый и утвержденный ООН, и признать легитимность существования Израиля, пять арабских стран сразу же после обнародования Декларации независимости еврейского государства открыли против него военные действия; в действительности же боевые действия начались еще раньше, сразу после принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о разделе Палестины/Эрец-Исраэль 29 ноября 1947 года. В течение примерно четырнадцати месяцев (с конца ноября 1947 г. по конец января 1949 г.) численность арабского населения Палестины/Эрец-Исраэль сокра-

тилась примерно в четыре раза: большая часть жителей покинула свои дома и бежала в соседние арабские страны. Одним из самых тяжелых последствий этой социально демографической катастрофы (именно так – словом «накба» [«катастрофа»] – именуется в арабской историографии война 1948–1949 годов) стала проблема палестинских беженцев, разделенных, проживающих в соседних государствах и лишенных значительной части своего имущества. В последующие годы память об этой трагедии стала одним из краеугольных камней всей национальной истории палестинского народа. Борьба за право на возвращение рассеянного в странах диаспоры народа стала едва ли не стержнем всего палестинского национального движения. Именно в среде палестинской диаспоры возникли практически все политические организации палестинских арабов, именно из этих организаций вышли едва ли не все нынешние лидеры Палестинской администрации. Иными словами, после начала создания палестинской государственности именно лидеры из диаспоры стали играть в этом процессе ведущую роль. Совершенно очевидно, что многолетний опыт жизни в странах рассеяния оказывает громадное влияние на психологию и политическую линию этих государственных деятелей, основных «нюсмейкеров» сегодняшней региональной, а во многом и общемировой, политики.

Более того, как свидетельствуют непосредственные участники арабо-израильских переговоров, именно вопрос о путях решения проблемы палестинских беженцев привел к провалу саммита в египетском городе Таба в январе 2001 года¹. Как известно, именно эти переговоры стали последним раундом продолжавшегося восемь с половиной лет процесса ближневосточного урегулирования по «модели Осло». С тех пор Израиль и палестинцы говорят языком пушек, взрывов военных и гражданских объектов, точечных бомбардировок и террора, а предлагаемые политические инициативы имеют преимущественно «односторонний» характер, по крайней мере, на декларативном уровне. Именно поэтому важность детального рассмотрения возникновения проблемы палестинских беженцев выходит далеко за рамки сугубо научной дискуссии. В предлагаемой вниманию читателей книге делается попытка обобщить известные на сегодняшний день исторические факты, стремясь максимально беспристрастно восстановить картину происходивших в конце 1940-х годов и впоследствии со-

бытий. Именно честный подход, не обходящий острые углы и болезненные для каждой из сторон вопросы, может способствовать поиску решения этой, одной из самых трудных в современной дипломатии, проблемы. Книга, подобная этой, не может не включать в себя и историко-политологический обзор поисков путей решения проблемы беженцев. Значительное количество исторических документов и опубликованных впоследствии работ привлекается с целью понять, почему на протяжении пятидесяти с лишним лет никакого решения проблемы палестинских беженцев так и не было найдено.

Утверждения палестинских представителей о том, что именно провал переговоров по проблеме палестинских беженцев во многом предопределил крах «мирного процесса» в целом, побуждает насколько возможно глубоко понять специфику этого, весьма и весьма непростого, вопроса. Это особенно важно еще и потому, что требования о «праве на возвращение» палестинских арабов, живущих в странах диаспоры, вновь и вновь оказываются на повестке дня. В официальном документе Палестинской национальной администрации, посвященном причинам провала переговоров, говорится: «Очевидно, что не может быть всеобъемлющего урегулирования палестино-израильского конфликта без разрешения одного из основных его компонентов: положения с палестинскими беженцами»². Заявления официальных представителей ООП носят чрезвычайно патетический характер: «Палестинцы не должны стать первым в истории народом, вынужденным отказаться от своего права на возвращение»³. 15 августа 2003 года Набиль Шаат (Nabil Shaat), бывший министром иностранных дел и в правительстве Махмуда Аббаса, и в правительстве Ахмеда Куреи, в ходе своего выступления в Бейруте подчеркнул требование палестинской стороны, касающееся возвращения палестинцев диаспоры в те города Израиля и Палестины, где они (а, как правило, не они, а их родители, деды и прадеды) проживали до войны 1948–1949 годов. «Мы не видим иного решения для сынов нашего народа, помимо возвращения на родину. Это возвращение будет носить безоговорочный характер, и будет включать в себя массовую иммиграцию в будущее Палестинское государство, в палестинские города и палестинские деревни, ... в еврейское государство, независимо от того, где человек предпочтет поселиться – в Хайфе или в Шхеме», – провозгласил Набиль Шаат⁴. Член палестинского кабинета избрал

именно Ливан, арабское государство, лишаящее десятки тысяч палестинских беженцев элементарных гражданских прав, для того, чтобы выдвинуть достаточно провокационную декларацию о неотъемлемом праве палестинцев, покинувших свои дома в 1948 году, и их многочисленных потомков на «возвращение» в Хайфу. Хотя на сегодняшний день около 70% зарегистрированных беженцев живут вне лагерей (см. приложение 1 в конце книги), в Ливане и в Газе большая часть беженцев до сих пор живет именно в лагерях, где условия жизни очень тяжелые. В Иордании, Сирии и на Западном берегу (в Иудее и Самарии) большая часть лиц, имеющих статус беженца, живет вне лагерей. Как отмечалось выше, именно проблема «права на возвращение» стала едва ли не основным препятствием на пути к достижению соглашения о мирном урегулировании в ходе переговоров в Кемп-Дэвиде в июле 2000 года и, в еще большей степени, в Табе в январе 2001 года. По всем остальным, также чрезвычайно болезненным пунктам, стороны сумели выработать взаимоприемлемые параметры соглашения, тогда как расхождения в вопросе о «праве на возвращение» явились тем фактором, который, в конечном итоге, сорвал переговоры⁵. Гилад Шер (Gilad Sher), который занимал в ту пору пост руководителя канцелярии главы правительства Израиля, писал в своих мемуарах: «Э. Барак на данном этапе уже пришел к убеждению, что Я. Арафат не только не хочет, но и не может продвигаться в направлении какого бы то ни было соглашения, в основном из-за проблемы беженцев»⁶. Совершенно очевидно, что речь идет о центральной проблеме, находящейся в самом сердце конфликта, и едва ли можно будет добиться прочного мира, не достигнув согласия по этому вопросу. Как выразился обозреватель ведущей израильской газеты «Ха'арец» Акива Эльдар, «если приходится ожидать, что с возобновлением контактов, направленных на окончательное урегулирование конфликта, палестинцы продолжат настаивать на возвращении беженцев, то в этом случае новый всплеск вооруженного противостояния представляется неизбежным»⁷.

Даже наиболее ярые сторонники соглашений Осло среди израильских политиков, и, в частности, Шимон Перес (Shimon Peres), а также депутаты Кнессета от леворадикального блока МЕРЕЦ (недавно переименованного в партию ЯХАД) Йосси Сарид (Yossi Sarid) и Ран Коэн (Ran Cohen), осудили высказывания Набиля Шаата о праве палестинцев диаспоры на воз-

вращение в города, находящиеся на суверенной территории Государства Израиль. Они заявили, что отвергнут любое политическое соглашение, включающее в себя право палестинцев диаспоры на возвращение в Израиль, поскольку оно способно не только поставить под угрозу еврейский характер государства, но и подорвать основополагающий принцип урегулирования – территориальное разделение между двумя народами⁸. Йосси Бейлин (Yossi Beilin) ответил на высказывание Набиля Шаата следующим образом: «Палестинцы прекрасно знают, что им не будет предоставлено право на возвращение, в рамках которого они смогут беспрепятственно иммигрировать в Израиль. Ни один серьезный политик в Израиле не пойдет на это»⁹. 2 января 2001 г. в газете «Ха'арец» было опубликовано совместное заявление ряда деятелей культуры, в котором они выразили однозначное несогласие с идеей предоставления палестинцам, проживающим за пределами Израиля, «права на возвращение» на его территорию. По их утверждению, «предоставление подобного права означало бы уничтожение Государства Израиль»¹⁰.

Проблема беженцев и их потомков является ярким примером практически непреодолимых расхождений между израильскими и палестинскими лидерами. По утверждению автора редакционной передовицы газеты «Ха'арец», «даже наиболее активные сторонники соглашений Осло полагают, что в обмен на отказ евреев от права на возвращение в Хеврон, палестинской стороне следует отказаться от права беженцев на возвращение в Хайфу»¹¹. Ряд министров обусловили свою поддержку создания Палестинского государства во временных границах (как следует из «Дорожной карты») отказом палестинцев от «права на возвращение»¹². В противовес этому, среди палестинцев даже те политические деятели, которые считаются относительно умеренными (как, например, Набиль Шаат), выдвигают требование о предоставлении палестинцам диаспоры, покинувшим места своего проживания в 1947–1949 гг. и после Шестидневной войны (1967 г.), права на возвращение в деревни и города в Израиле в качестве условия для мирного урегулирования любого рода. Тот факт, что данная тема неизменно оказывалась в центре любых интенсивных переговоров, которые до сих пор вели между собой конфликтующие стороны, свидетельствует о неизбежности появления этой темы в эпицентре любых будущих контактов между палестин-

цами и израильтянами. Учитывая весь размах того этоса, который выстроили палестинцы вокруг, мягко говоря, далеко не бесспорного «права на возвращение», представляется очевидным, что вопрос о судьбе беженцев и их потомков будет играть критическую роль в арабо-израильском противостоянии еще долгие годы.

Работа над темой настоящего исследования была начата несколько месяцев спустя после провала переговоров в Табе. За прошедшие с тех пор годы мы совместно с иерусалимским историком и социологом Михаилом Урицким, моим коллегой на первом этапе проведения данного исследования, изучили многие сотни книг и статей, опубликованных по данной проблеме (и смежным с ней вопросам) в разных странах. Различные фрагменты данной книги были опубликованы в России, Израиле и в Канаде журналами «Космополис», «Диаспоры», «Время искать», «Новый век», «Форум», газетой «Вести», Интернет-сайтом Международной ассоциации деятелей еврейского образования и культуры «Эхо», а также (по-английски и на иврите) изданиями Всемирного еврейского конгресса и объединения «Jerusalem Summit» (двум последним организациям я особенно признателен за поддержку и содействие). Эти публикации вызвали полемику, которую нет причин игнорировать, и я искренне благодарен своему соавтору (точнее было бы сказать – соавторам, ибо одна из статей была написана нами совместно с моей дипломницей, выпускницей ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова Анастасией Листопадовой) и редакторам этих журналов, давшим нам возможность обнародовать первые результаты наших изысканий. Приходится констатировать, что историки, социологи и политики, посвятившие свои работы исследованию возникновения проблемы палестинских беженцев и предлагавшимся путям ее разрешения, которые так и не привели к какому-либо результату, редко когда брались за перо, не имея изначально сформулированной концепции «правых» и «виноватых». В отдельных сочинениях на роль «невинных жертв» безоговорочно определялись палестинские арабы, а на скамье подсудимых оказывалось не только Государство Израиль и его военное и политическое руководство, но и лидеры еврейского национального движения в догосударственный период. В других трудах, напротив, виноватыми оказываются все, кто угодно («двуличные» англичане, «предавшие палестинских арабов» лидеры арабских стран, «безответственные» руково-

дители самих палестинских арабов и т.д.), но не израильские руководители. Фактически, политико-идеологические пристрастия историков (за редкими исключениями) предопределяли те выводы, которыми завершались их работы.

Нельзя сказать, что эта тема не интересовала исследователей – напротив, они обратились к ней значительно раньше политиков и дипломатов. Достаточно упомянуть едва ли не самого известного из израильских так называемых «новых историков» Бенни Морриса (Benny Morris), книга которого «Возникновение проблемы палестинских беженцев, 1947–1949», вышедшая на иврите и на английском языках еще в середине 1980-х годов, вызвала бурную дискуссию в научных кругах. Несмотря на впечатляющее количество привлекаемых им материалов, Б. Моррис не дает сколько-нибудь однозначного ответа на вопрос о вине той или иной стороны в возникновении проблемы беженцев, однако сам факт критического переосмысления этой темы, бывшей на протяжении многих лет одним из табу в израильских исторических и общественных исследованиях, вызвал в полном смысле слова бурю среди местной интеллигенции. Б. Моррис не был первым израильским автором, поднявшим эту тему: в декабре 1984 г. в Хайфе на иврите была опубликована брошюра Чарльза Кеймана (Charles Kamen), озаглавленная «После трагедии: арабы в Государстве Израиль, 1948–1950», две главы которой (вторая и четвертая) были целиком посвящены проблеме палестинских беженцев. Однако в то время как работа Ч. Кеймана вышла весьма ограниченным тиражом, книга Б. Морриса, опубликованная спустя три года в престижной серии книг по истории Ближнего Востока в издательстве Кембриджского университета, вызвала поистине всемирный резонанс, благодаря чему именно Б. Моррис до сих пор считается «первооткрывателем» этой непростой темы. С тех пор были опубликованы десятки книг и статей, в которых предлагаются различные версии и интерпретации событий более чем полувековой давности. Среди них и вышедшие в 2001 г. в престижных университетских издательствах сборник статей «Война за Палестину: Переписывая историю 1948 года» и книга известного израильского историка, профессора Хайфского университета Йоава Гелбера (Yoav Gelber) «Палестина, 1948 год: война, бегство и возникновение проблемы палестинских беженцев», давшие импульс новому витку полемики по данному вопросу.

В классической израильской историографии первая арабо-израильская война, не без оснований именуемая Войной за независимость, представляется как неизбежная, хотя и трагическая закономерность. Факт одновременного нападения на Израиль армий пяти арабских государств, а в еще большей степени – военная победа Израиля над ними, служит наглядным подтверждением тезиса о мужественном противостоянии еврейского Давида и арабского Голиафа. Эта война отложила столь большой отпечаток на коллективное самосознание израильтян, что все, пережившие ее, стали именоваться «поколением 1948 года», героический ореол которого заслуженно сохранялся на протяжении нескольких последующих десятилетий.

Невозможно, однако, игнорировать опубликованные впоследствии мемуары и свидетельства, однозначно свидетельствующие о том, что в конце 1947 года, как до, так и после принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о разделе Палестины/Эрец-Исраэль, ни тогдашний король Египта Фарук, ни тогдашний король Трансиордании Абдалла не планировали нападения на Израиль. Скорее напротив: их взаимная ненависть была столь высока, что существование между руководимыми ими странами государства-буфера, коим, согласно утвержденной ООН карте, становился Израиль, очень их устраивало. Можно с высокой степенью вероятности предположить, что если бы король Абдалла не принял, под давлением внешних обстоятельств (а именно: иерусалимского муфтия Хадж-Амина эль-Хусейни, с одной стороны, не смирившихся со своим вынужденным уходом из ближневосточного региона британцев, с другой, и правителей Сирии и Ирака, с третьей), решения об интервенции в Палестину/Эрец-Исраэль, что, в случае успеха этой компании, привело бы войска трансиорданского Арабского легиона к границам Египта, подобного решения не принял бы и король Фарук, не без оснований опасавшийся резкого усиления войск Абдаллы у своих границ. В такой ситуации антиизраильское вторжение было бы значительно менее масштабным (без участия руководимого британскими офицерами Арабского легиона), в него были бы вовлечены максимум три страны, одна из которых, к тому же, не граничила с Израилем (Ирак), линия фронта проходила бы только на севере страны (в районе границы с бывшими французскими подмандатными территориями), и война, скорее всего, была бы значительно менее болезненной для Израиля и закончилась бы зна-

чительно быстрее. Так чем же была война, получившая в Израиле название Войны за независимость: всеобщим, согласованным нападением армий пяти арабских стран на еврейское государство, или же войной между Трансиорданией и Египтом, проходившей на расположенной между ними территории Палестины/Эрец-Исраэль (подобно тому, как Сталин и Гитлер расчленили Польшу не столько с целью аннексии Польши как таковой, сколько для создания форпоста своим далеко идущим планам дальнейших завоевательных походов)? История, как гласит расхожее утверждение, не знает сослагательного наклонения, а потому едва ли имеет большой смысл дискуссия о том, что было бы, если бы король Абдалла самоустранился от участия в нападении на Израиль в 1948 году, подобно тому, как самоустранился его внук, король Хусейн, от участия в сирийско-египетском нападении на еврейское государство в октябре 1973 года, но, с другой стороны, правомерно ли представлять как неизбежную закономерность то, что было следствием цепи событий и факторов, которых вполне могло и не быть?

Ответ на вопрос о том, против кого выступили подчиненные Абдалле войска Арабского легиона, также не представляется очевидным. Совершенно очевидно, что иерусалимский муфтий сделал все, от него зависевшее, чтобы побудить Абдаллу, изначально отнюдь не стремившегося к этому, принять участие в экспансионистском походе арабских армий. С другой стороны, совершенно очевидно и то, что Абдалла совершенно не был филантропом, намеревавшимся преподнести Палестину/Эрец-Исраэль, или какую-либо часть ее, завоеванную его войсками, в дар муфтию. В результате, именно палестинские арабы (а не, допустим, Израиль) стали главной жертвой вторжения трансиорданского Арабского легиона, хотя едва ли войну 1948 года правомерно характеризовать как иордано-палестинскую.

Каковы бы ни были ответы на эти вопросы (вспомним Бертрама Рассела: «Всемирная история есть сумма всего того, чего можно было бы избежать»), представляется совершенно очевидным, что анализ отношений сионистского ишува с правителем Трансиордании является совершенно необходимым для понимания причин и последствий Войны за независимость. Именно решение Абдаллы об участии в экспансионистском походе 1948 года привело к тому, что эта война проходила именно так, как проходила. В отличие от короля Хусейна, горько

сожалевшего о своем участии в войне 1967 года, стоившем ему территорий Западного берега (Иудеи и Самарии), у короля Абдаллы не было причин постфактум сожалеть о своем вступлении в войну. Итоги войны его вполне устраивали: независимое палестинское государство, во главе с ненавистным ему иерусалимским муфтием, не было создано; довольно большие территории Западного берега, вопреки решению Генеральной Ассамблеи, оказались под его контролем; и, пожалуй, главное: под суверенитетом Трансиордании, опять же, вопреки решению Генеральной Ассамблеи об интернационализации контроля над «вечным городом», оказались святыя места Иерусалима, что было крайне важно для представителя древнейшей Хашимитской династии, которая в середине 1920-х годов в войне с Ибн-Саудом потеряла контроль над Меккой. И начало войны 1948 года, и ее завершение зависели от Абдаллы больше, чем от любого другого арабского правителя. При этом на протяжении нескольких десятилетий, как до этой войны, так и после ее завершения, переговоры сионистских лидеров с Абдаллой были более насыщенными и интенсивными, чем с кем-либо из арабских лидеров того времени. Именно поэтому анализу этих судьбоносных для создававшегося еврейского государства контактов в контексте системы международных отношений того времени в настоящей книге уделено немало страниц.

Следует отметить, что каждая из сторон выстроила вокруг проблемы палестинских беженцев и их возможного права на возвращение целую систему мифов, и в свете той чрезвычайной важности, которая придается этой теме, следует детально рассмотреть их, отнесясь от идеологической предвзятости любого рода. Степень ответственности, которую несет каждая из сторон за трагические события 1947–1949 годов, все еще является предметом бурной полемики. Исследования данной проблемы по-прежнему зачастую обусловлены политическими воззрениями их авторов, так как любая интерпретация исторических фактов в ту или иную сторону практически неизбежно приводит к определенным выводам, носящим актуальный характер. Поэтому крайне важно вернуться к первоисточникам первой половины XX столетия и на их основе постараться ответить на ряд вопросов. Действительно ли, как утверждают палестинцы, Израиль несет полную ответственность за возникновение проблемы беженцев? Каковы были планы и позиции

лидеров еврейского национального движения до и после принятия резолюции ООН о разделе Палестины/Эрец-Исраэль, и какой линии придерживались лидеры палестинских арабов, а также руководство США, в тот же самый период? Какую политику проводили израильские власти по отношению к арабскому меньшинству в 1947–1949 годах, на различных этапах борьбы за будущее Палестины/Эрец-Исраэль? Все ли беженцы (или большинство из них) были изгнаны израильской армией, или же они покинули свои дома в силу иных причин и при иных обстоятельствах? В какой степени арабские лидеры ответственны за происшедшее? Насколько возможно обстоятельные ответы на вышеперечисленные вопросы могут подготовить фактическую базу для дальнейшего изучения проблемы палестинского исхода и поиска попыток ее хотя бы частичного разрешения.

Следует заметить, что проблема палестинских беженцев во многом порождена расхождением в восприятии происшедших событий между двумя вовлеченными в конфликт сторонами. Известный израильский историк Йоав Гелбер не без оснований утверждает, что едва ли не основная проблема состояла в том, что, когда палестинские арабы обратились в бегство, они были уверены: по окончании военных действий им предстоит вернуться в свои дома. Возвращение беженцев на территории, покинутые ими в ходе войны, являлось обычной практикой на Ближнем Востоке на протяжении многих поколений, в то время как в западных странах на протяжении многих лет наблюдалась иная картина. Поэтому евреи, большая часть которых прибыла в Израиль из стран Европы, не признавали право на возвращение палестинских беженцев и отрицали за ними какие-либо права на покинутые ими в ходе войны территории. Подобная установка, в корне отличающаяся от тех воззрений, которые приняты на Востоке, ярко проявилась в высказывании первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона (David Ben-Gurion, 1886–1973): «В военное время понятие собственности теряет всякий смысл».

Прежде чем приступить к описанию событий 1947–1949 годов, в ходе которых сотни тысяч арабов, проживавших на территории будущего еврейского государства, в массовом порядке снялись с насиженных мест, историки стремятся выяснить, было ли подобное развитие событий ожидаемым с точки зрения лидеров еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль, и если да, то насколько желательным оно им представлялось. Может

показаться, что мнения сионистских лидеров по поводу возможного выселения арабских жителей с земель, на которых когда-нибудь в неизвестно насколько далеком будущем может возникнуть еврейское государство, не имеют непосредственного отношения к данной теме. Ведь до 1947 года, когда об основании еврейского государства можно было лишь мечтать, подобные идеи не могли иметь какого-либо практического применения. Тем не менее, этот вопрос важен по двум причинам. Во-первых, кажущиеся современникам «отвлеченные размышления» пользующихся авторитетом лидеров нации зачастую создают определенный идеологический настрой, который передается всему обществу и претворяется в жизнь в тот момент, когда это становится возможным, порой – спустя много лет после того, как эти размышления были впервые сформулированы и обнаружены. Во-вторых, высказывания тех или иных лидеров еврейского национального движения зачастую используются арабскими и солидаризирующимися с ними авторами в пропагандистских целях в качестве доказательства того, что несправедливость, совершенная по отношению к палестинским арабам, являлась спланированным и продуманным на государственном уровне действием, а не более или менее спонтанно произошедшим побочным явлением действительности военного времени, как это утверждала «классическая» израильская историография. Михаэль Палумбо (Michael Palumbo) и Нур Масалха (Nur Masalha), посвятившие теме палестинских беженцев целые монографии, утверждают, что массовое бегство арабов в 1948 году стало результатом спланированной политики массовой депортации целого народа, которая, в свою очередь, была логической кульминацией полувековых усилий, планов и идеологических построений. По их мнению, использование грубой силы для изгнания палестинских арабов «под покровом» Войны за независимость стало возможным благодаря тому, что на протяжении десятков лет основоположники сионизма создавали идеологическое обоснование такого изгнания. Попытке доказать этот тезис посвящены первые главы книг обоих авторов¹³. Именно поэтому тема эта заслуживает особого внимания. Однако прежде всего нужно хотя бы вкратце проанализировать соотношение сил между арабами и евреями, жившими в Палестине/Эрец-Исраэль в период, предшествовавший созданию Государства Израиль.

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СИОНИСТСКИМ ДВИЖЕНИЕМ И АРАБСКИМИ ЛИДЕРАМИ ПАЛЕСТИНЫ

В июле 1922 года, когда Лига Наций официально утвердила мандат на управление Палестиной/Эрец-Исраэль, предоставленный британцам на международной конференции в Сан-Ремо, в стране проживали около шестисот тысяч арабов и всего восемьдесят тысяч евреев. Будущее этой территории было крайне туманным: подмандатная территория – не колония, согласно Уставу Лиги Наций, держатель мандата не обладал безраздельной властью над вверенными ему территориями, напротив, ему вменялось в обязанность оказывать местным общинам содействие в управлении страной до тех пор, пока они не будут готовы к обретению независимости. Иными словами, полномочия страны – держательницы мандата носили исключительно временный характер, срок мандатного правления должен был когда-либо завершиться, однако ни в одном из постановлений не было сказано, когда именно. Эта ясность относительно того, что британское правление является временным, при полной неопределенности касательно конечной точки этого временного промежутка, была важным фактором, стабилизовавшим социально-политическую обстановку в стране. Каждая община – и арабская, и еврейская – знала, что настанет день, когда британцы покинут Палестину/Эрец-Исраэль, и должна была как-то к этому подготовиться, не имея ни малейшего представления, случится это через год, через десять лет или через полвека.

Вопрос о том, какая форма политического устройства возникнет в Палестине/Эрец-Исраэль после ухода мандатных властей, также оставался открытым. Будет ли это арабское государство, где евреям, как национальному меньшинству, будут гарантированы те или иные права, либо это будет, наоборот, еврейское государство, в соответствии с духом статьи второй Постановления о мандатном правлении в Палестине,

гласящей: «Мандатный уполномоченный будет нести ответственность за создание в стране таких политических, административных и экономических условий, которые наилучшим образом обеспечат создание еврейского национального дома»? А может быть, в будущем речь пойдет о едином еврейско-арабском государстве, либо унитарном, либо федеративном? Подобная «размытость» представлений об окончательном статусе Палестины/Эрец-Исраэль провоцировала каждую из сторон на действия, направленные на создание необратимых последствий, с которыми тогда, когда вопрос о будущем страны окажется на повестке дня, невозможно будет не считаться.

Несмотря на то, что отдельные авторы утверждают, что Постановление о мандатном правлении в Палестине носило ярко выраженный просионистский характер¹⁴, в нем ни разу не фигурирует понятие «еврейское государство», а лишь заимствованное из письма министра иностранных дел Великобритании А.Дж. Бальфура (Arthur James Balfour, 1848–1930) лорду Л.У. Ротшильду (Lionel Walter Rothschild, 1868–1937), известного как «Декларация Бальфура», понятие «национальный дом для еврейского народа» («a national home for the Jewish people»). Как известно, в Декларации Бальфура ничего не говорится о том, что такое «национальный дом», каков его статус – будет ли это еврейское государство, еврейская автономия (политическая или национально-культурная), либо же речь идет о некоем «духовном центре», «очаге» развития языка иврит и национальной культуры. Очевидно, что каждый из вышеперечисленных сценариев предусматривал весьма различное развитие событий, неодинаковым образом затрагивая палестинских арабов: если при создании еврейского государства им оставалось довольствоваться ролью национального меньшинства, то в «духовном центре» им вполне мог принадлежать и политический суверенитет. Кроме того, Декларация Бальфура никак не определяет территориальные границы будущего «национального дома для еврейского народа», и оставалось совершенно неясным, идет ли речь о всей территории Палестины/Эрец-Исраэль или только о какой-либо (какой?) ее части. На конференции в Сан-Ремо, прошедшей в 1920 году, в сферу британского мандата были переданы, в том числе, и территории к востоку от реки Иордан, на которых год спустя британцами было создано государство Трансиордания; еврейским иммигрантам было запрещено селиться в нем. Каково было значение этого

решения для будущего Палестины/Эрец-Исраэль? Значило ли создание арабского государства Трансиордания на большей части территории, переданной под британское мандатное управление, что на всей остальной территории в будущем (как компенсация) будет создано еврейское государство, либо же, наоборот, подобно тому, как на восточном берегу Иордана было создано арабское государство, арабское государство будет создано и к западу от реки Иордан? Или, может быть, территория к западу от Иордана будет разделена в какой-либо пропорции (какой?) между арабами и евреями?

Ни евреи, ни арабы, ни даже британцы не представляли себе в начале 1920-х годов, какое политическое будущее ждет Палестину/Эрец-Исраэль. В этих условиях каждая из сторон прикладывала все возможные усилия для того, чтобы максимально увеличить свои шансы на обретение политического суверенитета в послемандатный период. Важно подчеркнуть, что сами мандатные власти не имели ясного и четкого видения желаемой для них будущей политической ситуации: понимая важность Палестины/Эрец-Исраэль не только как страны, на карте которой значатся святые для христианского мира города Иерусалим, Назарет и Вифлеем, но и как региона, находящегося на пересечении торговых путей между Европой, Азией и Африкой, как «ворот» от Средиземного моря к нефтяным полям Среднего Востока, англичане не знали ни сколько они планируют пробыть в Палестине/Эрец-Исраэль, ни на каких условиях они будут готовы уйти из нее. В этих условиях лидеры каждой из населявших страну национальных общин пытались повлиять на политику мандатных властей, максимально корректируя ее в свою пользу. С первых дней своего правления в Палестине/Эрец-Исраэль британцы оказались втянутыми в водоворот противостояния между палестинскими арабами и еврейским национальным движением.

Постановление о мандатном правлении в Палестине сформулировано в терминах, не предполагавших наличие межнациональной напряженности между населявшими страну общинами. Так, процитированная выше статья вторая этого документа гласила, что «страна – держатель мандата будет нести ответственность за создание в Палестине таких политических, административных и экономических условий, которые наилучшим образом обеспечат создание национального дома для еврейского народа», а также «обеспечит защиту гражданских и рели-

гиозных прав всех жителей Палестины, независимо от расовой и религиозной принадлежности». Иными словами, предполагалось, что создание национального дома для еврейского народа совместимо с защитой прав жителей Палестины иной расовой и религиозной принадлежности. Статья шестая Постановления о мандатном правлении декларировала, что мандатная администрация «будет обеспечивать наиболее благоприятные условия для еврейской иммиграции», «обеспечивая защиту прав и статуса других групп населения». На практике британские власти почти сразу же обнаружили, что возложенные на них обязанности являются несовместимыми между собой. Политические лидеры палестинских арабов выступали резко против еврейской иммиграции и создания в стране национального дома для еврейского народа, рассматривая и англичан, и евреев как «крестоносцев XX века», которых необходимо как можно быстрее изгнать с «арабского» Ближнего Востока. Надежды некоторых еврейских лидеров (будущего первого президента Израиля Хаима Вейцмана, будущего первого министра иностранных дел Моше Шарета и других) договориться с арабскими националистами о мирном сосуществовании и совместных действиях против британских властей по тем или иным причинам оказались тщетными.

Следует отметить, что глава военной разведки британских войск в Каире бригадный генерал Гилберт Клайтон (Gilbert Clayton), изначально бывший противником Декларации Бальфура¹⁵, еще в мае 1919 г. предупреждал вышестоящие инстанции о том, что строгое соблюдение англичанами этой Декларации может вызвать резкое сопротивление со стороны палестинских арабов. По его словам, «палестинским арабам нужна эта территория, и они будут изо всех сил сопротивляться еврейской иммиграции всеми доступными им методами, включая акты насилия»¹⁶. Эти опасения были весьма небеспопеченными.

Уже в конце февраля 1920 г., одновременно с нарастанием напряженности на севере страны, арабы провели серию антиссионистских демонстраций в городах и некоторых селах. В этих демонстрациях проявилось воодушевление палестинских арабов по поводу объявленной коронации Фейсала (1885–1933) как будущего короля объединенной Сирии (включающей, с его точки зрения, и Палестину). В начале марта, на следующий день после коронации Фейсала, Палестину/Эрец-Исраэль охватила новая волна демонстраций, которые на этот раз со-

проводились многочисленными вспышками насилия. На этих демонстрациях произносились речи и выкрикивались лозунги в поддержку Фейсала, за арабский суверенитет и против сионизма. Обстановка была очень напряженной, и евреи Иерусалима всерьез опасались предстоящих в начале апреля мусульманских религиозных торжеств.

Беспорядки начались в Иерусалиме 4 апреля 1920 г., после того, как в город прибыли мусульманские паломники из Хеврона. Они толпились у Яффских ворот, размахивали портретами Фейсала и выкрикивали лозунги в поддержку арабской независимости и объединения Сирии. Беспорядки нападали на евреев как внутри Старого города, так и за его пределами, неподалеку от Яффских ворот. Беспорядки продолжились и на следующий день и утихли лишь 6 апреля. Пятеро евреев были убиты и около двухсот ранены. С арабской стороны погибло четыре человека; около двадцати были ранены, почти все от огня, открытого британскими военными и полицейскими. Большинство жертв среди евреев оказались из Старого города, поскольку командование «Хаганы» [отрядов еврейской самообороны] предположило, что арабы не будут нападать на религиозных жителей этой части Иерусалима, никак не связанных с сионистским движением, а направят свои атаки против еврейского населения новых районов Иерусалима. Основываясь на этом прогнозе, «Хагана» расположила своих бойцов в других районах. Однако наиболее серьезные беспорядки произошли именно в Старом городе. Некоторые утверждают, что организаторы демонстраций намеренно направляли туда толпу; другое объяснение состоит в том, что британские полицейские не позволили праздничной процессии двигаться по обычному маршруту, в направлении Шхемских ворот, и тогда арабы ворвались в Старый город через Яффские ворота.

Год спустя произошли новые беспорядки на националистической почве. 1 мая 1921 г. евреи, проживавшие в городе Яффо, подверглись нападению со стороны арабов. На следующий день погромы перекинулись и на окрестные населенные пункты, охватив в течение нескольких дней Петах-Тикву, Хаде-ру и Реховот. Два небольших района Петах-Тиквы – Кфар-Саба и Эйн-Хай – были оставлены местными жителями и разрушены до основания. В ходе описываемых событий погибло 47 евреев (практически все – в Яффо и его окрестностях) и 146

были ранены. Среди арабов погибло 48 человек, и 73 было ранено. Только достаточно запоздалое вмешательство британских сил, которые действовали жестко и решительно, остановило беспорядки. Абсолютное большинство убитых и раненых среди арабов являлись жертвами столкновений именно с армией и полицией.

Между волной насилия в апреле 1920 г. в Иерусалиме и беспорядками мая 1921 г. прошел всего год. Однако в промежутке между этими событиями ситуация в Палестине/Эрец-Исраэль принципиально изменилась¹⁷.

Фейсал, инаугурация которого на трон короля Сирии (включавшей в себя также и Палестину) вызвала значительный ажиотаж среди палестинских арабов, в июле 1920 г. был изгнан французами из Дамаска. После этого воплотить идею о Палестине как части «Великой Сирии» стало практически невозможно: в Сирии правили французские, а в Палестине/Эрец-Исраэль – британские мандатные власти, имевшие весьма напряженные отношения между собой. В этих условиях арабские националисты в Палестине начали собственную борьбу за независимость и суверенитет, воспринимая еврейское национальное движение как своего основного конкурента.

В Палестине/Эрец-Исраэль военная администрация сменилась гражданским правлением. Место военных, симпатизировавших преимущественно арабам, занял Верховный комиссар Герберт Сэмюэл (Herbert Samuel, 1870–1963), еврей по происхождению, который, по небезосновательному мнению арабов, симпатизировал целям сионизма. В период пребывания Герберта Сэмюэля на посту Верховного комиссара численность еврейского населения в стране удвоилась (с 55 тысяч в 1919 г. до 108 тысяч в 1925 г.), было создано более пятидесяти новых еврейских населенных пунктов. В течение одного года, между апрелем 1920 г. и маем 1921 г., в Палестину/Эрец-Исраэль прибыло более десяти тысяч евреев, которые приобрели тысячи дунамов земли. Сионистская организация получила официальное признание, были созданы органы местного самоуправления и основан Верховный раввинат. Иврит был признан одним из трех официальных языков Палестины/Эрец-Исраэль.

Однако каково бы ни было отношение Г. Сэмюэля к еврейскому национальному движению, он был и оставался официальным представителем британских властей, ставивших превыше всего необходимость соблюдения спокойствия и право-

порядка на подмандатной территории. Британские власти не могли не отреагировать на произошедшие беспорядки. Чтобы предотвратить подобные инциденты в будущем, они объявили о значительных изменениях в своей политике.

Уже 14 мая 1921 г. Г. Сэмюэл объявил о временном прекращении приема репатриантов. Прекращение репатриации явилось шагом навстречу одному из основных требований арабского населения Палестины/Эрец-Исраэль. На протесты евреев по этому поводу Г. Сэмюэл отвечал, что репатриация будет возобновлена только после воцарения спокойствия в регионе.

3 июня 1921 г. (в день рождения тогдашнего короля Британии Георга V) Г. Сэмюэл выступил с программной речью, в которой по-новому изложил основные положения британской политики в Палестине/Эрец-Исраэль. Что касалось еврейской иммиграции, он заявил, что ее масштабы «должны быть приведены в соответствие с экономическими возможностями Палестины», не конкретизируя при этом, кем и как именно будут измеряться эти «возможности». Эта витиеватая формулировка позволила британцам чем дальше, тем больше накладывать ограничения на иммиграцию, при этом сохраняя свободу маневра и полный контроль над ситуацией. Говоря о Декларации Бальфура, Г. Сэмюэл заверил арабов, что в ней говорится всего лишь о том, что «евреи, как рассеянный по всему миру народ, сердце которого обращено в сторону Палестины, смогут найти в ней прибежище, и некоторым из них будет дана возможность ... прибыть в Палестину, дабы содействовать ее процветанию на благо всех ее жителей». Важно отметить, что в своей речи Г. Сэмюэл заменил использованный в Декларации Бальфура термин «национальный дом» термином «прибежище», что в корне меняло представление о роли евреев в будущем политическом устройстве Палестины/Эрец-Исраэль. Г. Сэмюэл также объявил о том, что не будет создано еврейское правительство, наделенное полномочиями по управлению мусульманско-христианским большинством, и что все без исключения жители страны примут равное участие в формировании органов власти.

Эти положения были зафиксированы в опубликованной в июне 1922 г. так называемой «Белой книге Черчилля» – первом из серии представленных парламенту Соединенного Королевства отчетов о политических мероприятиях британских властей в Палестине/Эрец-Исраэль. В этом документе Уинстон

Черчилль (Winston Churchill, 1874–1965), годом ранее во второй раз назначенный на пост министра колоний, сформулировал тезис, согласно которому Декларация Бальфура предусматривала «не провозглашение всей Палестины еврейским национальным очагом, но создание такого очага на территории Палестины». «Белая книга» ставила перед собой цель развеять опасения арабов касательно роли Сионистской организации в управлении Палестиной/Эрец-Исраэль. Статья четвертая Постановления о мандатном правлении гласила, что Сионистская организация получит «статус официальной организации, в задачи которой входят консультации и сотрудничество с Администрацией Палестины в тех экономических, социальных и других вопросах, которые могут повлиять на создание еврейского национального дома, на интересы еврейского населения Палестины и ... на развитие страны в целом». «Белая книга Черчилля» проясняла, что сфера деятельности Сионистской организации (после 1929 г. – созданного под ее эгидой Еврейского агентства) ограничивается еврейской общиной, и что процитированная выше четвертая статья Постановления о мандатном правлении «не предоставляет ей права принимать какое бы то ни было участие в правительстве Палестины». «Белая книга Черчилля» пресекала любую возможность истолкования понятия «национальный дом» как «еврейское государство».

События 1920–1922 годов способствовали формированию модели, которая неоднократно воспроизводилась в мандатный период: арабы прибегали к насильственным методам в борьбе против евреев (и мандатной администрации); после этого назначалась комиссия по расследованию причин беспорядков; комиссия излагала свои выводы по поводу случившегося; исходя из этих выводов, британское правительство выработывало новую политическую линию в отношении палестинского вопроса. В 1920–1930-е годы при помощи насилия арабы добились значительных результатов в политической сфере, однако так и не смогли выработать конструктивную позицию, адекватную региональной политической ситуации.

Отношение лидеров еврейского и арабского национальных движений к изменениям в политике Великобритании в отношении Палестины/Эрец-Исраэль было и оставалось весьма различным. Сионистские организации с болью и горечью констатировали изменения в британской политике, но каждый раз, пусть и с оговорками, принимали новую политику и продолжали

конструктивное сотрудничество с мандатными властями, надеясь добиться максимум того, что было достижимо в складывающейся ситуации. Арабские националисты, со своей стороны, раз за разом отвергали все компромиссные предложения британцев, требуя создания арабского государства на всей без исключения территории Палестины. Можно предположить, что причиной столь различного политического поведения еврейской и арабской общин были различия в их историческом опыте. Евреи, прибывшие в Палестину/Эрец-Исраэль из стран рассеяния, на протяжении многих столетий жили под властью иных народов и привыкли адаптироваться по обстоятельствам, исходя из тех возможностей, которые им предоставлялись. Напротив, с конца двенадцатого века мусульмане были в стране на положении правящего большинства, и для них было новым и странным соизмерять свои политические устремления с чужестранцами, оказавшимися хозяевами «их» страны.

Подобное отношение сторон отчетливо проявилось уже в их реакциях на «Белую книгу Черчилля»: Исполнительный комитет Сионистской организации неохотно согласился с изложенной в ней политической программой, тогда как лидеры палестинских арабов полностью отвергли ее. Так продолжалось на всем протяжении британского мандата: арабские волнения приводили к созданию комиссий по расследованию, выводы которой заставляли Лондон корректировать свою палестинскую политику, все дальше и дальше отходя от принципов Декларации Бальфура. После инициированных арабами в августе 1929 г. беспорядков в Иерусалиме и Хевроне, в ходе которых были убиты и ранены более пятисот евреев, а порядок был восстановлен только благодаря прибытию английского военного подкрепления из Египта, вызванного первым секретарем мандатной администрации сэром Гарри Чарльзом Люком (Harry Charles Luke, 1884–1969), Британия направила в Палестину/Эрец-Исраэль Комиссию по расследованию (ее официальное название – Commission on the Palestine Disturbance of August 1929) в составе трех членов парламента от разных партий (консервативной, лейбористской и либеральной) во главе с судьей сэром Вальтером Шоу (Walter Shaw), в недавнем прошлом бывшим Верховным судьей в Сингапуре. В отчете, поданном Комиссией Шоу британскому правительству, утверждалось, что основной причиной «ненависти и вражды», которую арабы испытывают к евреям, является еврейская иммиграция

и приобретение сионистскими организациями арабских земель. Летом 1930 г. похожий отчет был составлен по просьбе британского правительства отставным офицером сэром Джоном Хоуп-Симпсоном (John Hope-Simpson, 1868–1962). В августе 1930 г. правительство Великобритании, основываясь на этих отчетах, опубликовало «Белую книгу Пасфильда» (названную по имени тогдашнего министра колоний Сиднея Уэбба, лорда Пасфильда, Sydney Webb, the Lord Passfield, 1859–1947), значительно ограничившую еврейскую иммиграцию. Арабское восстание 1936–1937 годов привело к созданию новой комиссии (Palestine Royal Commission) – на этот раз ее возглавил лорд Эрл Пиль (Earl Peel, 1867–1937), но наибольшим влиянием пользовался в ней оксфордский профессор Реджиналд Купленд (Reginald Coupland, 1884–1952). Комиссия заслушала более ста тридцати свидетелей, среди которых были как евреи, так и арабы. Отчет комиссии, опубликованный в июле 1937 г., призывал к разделу Палестины/Эрец-Исраэль на два государства: еврейское и арабское. Небольшая часть территории, а именно коридор, соединяющий Иерусалим с Яффо, должен был остаться под британским контролем. Хотя этот план предусматривал создание арабского государства на более чем 80% территории Палестины/Эрец-Исраэль, лидеры еврейского ишува приняли, а арабские представители категорически отвергли его. В 1938 г. для того, чтобы умиротворить растущее арабское недовольство британским правлением, правительство назначило новую комиссию – на этот раз во главе с сэром Джоном Вудхэдом (John Woodhead) – для проверки осуществимости плана раздела Палестины/Эрец-Исраэль согласно рекомендациям Комиссии Пила. В отчете, опубликованном осенью 1938 г., Комиссия Вудхэда (Palestine Partition Commission) констатировала, что из-за сопротивления арабов идее раздела Палестины/Эрец-Исраэль осуществить его не представляется возможным. Год спустя началась вторая мировая война, и палестинский вопрос сошел с повестки дня. После окончания войны, в 1947 г., новый план раздела Палестины/Эрец-Исраэль был предложен полномочной комиссией ООН; и он был, хоть и с тяжелым сердцем, принят еврейской общиной – но отвергнут палестинскими арабами. Раз за разом условия предлагавшегося мирного соглашения были менее благоприятными для палестинских арабов: в 1937 г. им предлагалось создать государство на более чем 80% всей территории подмандатной Пале-

стины/Эрец-Исраэль, в 1947 г. – на 45%, в 2000 г. (на переговорах в Кемп-Дэвиде и в Табе) – на примерно 21–22% (около 92–95% территорий Иудеи и Самарии, а также весь сектор Газа). Палестинские лидеры последовательно отвергали все эти (и им подобные) предложения, в результате чего палестинское арабское государство не создано до сих пор, хотя в учебниках, по которым занимаются палестинские школьники, оно не только фигурирует как субъект международного права, но и занимает всю территорию подмандатной Палестины; существующего уже более пятидесяти пяти лет Государства Израиль на палестинских картах нет вообще. Нежелание политической элиты палестинских арабов пойти на компромисс в какой-либо форме, жесткая позиция «все – или ничего», и ныне, как и восемьдесят с лишним лет назад, приводит к краху все новых и новых витков переговорного процесса. За прошедшие десятилетия в мире произошли грандиозные изменения, однако непримиримая политика большинства палестинских арабских лидеров в отношении сионистского движения была и остается практически неизменной.

Глава III

ПЛАНИРОВАЛИ ЛИ ЛИДЕРЫ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ ИЗГНАНИЕ АРАБОВ ИЗ ПАЛЕСТИНЫ/ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ?

В работах многих историков, опубликованных в последние двадцать лет, утверждается, что сионистские лидеры чуть ли не с первых шагов еврейского национального движения вынашивали планы по изгнанию арабского населения с территории Палестины/Эрец-Исраэль; достаточно упомянуть в этой связи книги Михаэля Палумбо «Палестинская катастрофа» (Лондон, 1987), Нура Масалхи «Изгнание палестинцев: концепция «трансфера» в сионистской политической мысли» (Вашингтон, 1992), Нормана Финкельштейна «Образы и реалии израильско-палестинского конфликта» (Лондон, 1995), статьи Бенни Морриса и недавно скончавшегося Исраэля Шахака¹⁸. Данное обвинение является чрезвычайно важным для палестинских лидеров, поскольку оно якобы доказывает, что возникновение проблемы палестинских беженцев вовсе не обуславливалось нежеланием арабов принять выдвинутый ООН план раздела Палестины/Эрец-Исраэль и вторжением арабских армий в Израиль сразу же после провозглашения им своей независимости. Арабским авторам важно возложить всю тяжесть вины на Израиль и его лидеров, и для этой цели им требуются в качестве конкретных примеров видные представители сионистского движения, которые якобы вынашивали планы по изгнанию арабского населения задолго до обсуждения этого вопроса в ООН и вторжения арабских армий на территорию еврейского государства.

В этой связи палестинские исследователи и израильские «новые историки» раз за разом упоминают имя Исраэля Зангвиля (Israel Zangwill, 1864–1926), который, по их утверждению, еще в начале XX века, в период османского владычества, указал на необходимость изгнания арабов с территории Палестины/Эрец-Исраэль. Намерения обвинителей полностью понятны: они пытаются доказать, что еще на начальных этапах становления сионистского движения его лидеры выработали

стратегический план, в рамках которого предполагалось осуществить трансфер арабского населения, проживающего на территории Палестины/Эрец-Исраэль. Знаменитое высказывание И. Зангвилья «Земля без народа – народу без земли», свидетельствует, якобы, о пренебрежительном отношении сионистских лидеров к сотням тысяч арабских жителей Палестины/Эрец-Исраэль. По словам известного историка, профессора Тель-Авивского университета Аниты Шапира (Anita Shapira), «это высказывание пользуется чрезвычайной популярностью, в особенности у тех, кто стремится опорочить сионистское движение и заявить, что вся концепция Т. Герцля основывалась на ошибочной предпосылке, согласно которой Эрец-Исраэль полностью безлюдна и ожидает прибытия евреев для того, чтобы «ожить»¹⁹. С И. Зангвилья начинается свое описание спорадических идей еврейских интеллектуалов о превращении Палестины/Эрец-Исраэль в государство исключительно еврейского народа и израильский историк Шабтай Тевет (Shabtai Teveth)²⁰. М. Палумбо, который вынес этот лозунг в заголовок первой главы своей монографии, и Н. Масалха утверждают, что подобное видение реальности было расистским по своей природе, выражая всю степень пренебрежения основоположников еврейского национализма по отношению к арабскому населению Палестины²¹.

Есть ли основания для таких утверждений? Изучение биографии Исраэля Зангвилья, а также его сочинений, свидетельствует о том, что подобные обвинения носят полностью вымышленный характер. И. Зангвиль, который всю свою жизнь прожил в Британии и лишь однажды побывал в Палестине/Эрец-Исраэль как турист (в 1897 году), не только не имел никакого отношения к органам самоуправления еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль, но, самое главное, вовсе не являлся сторонником создания еврейского государства именно в этой стране. Хотя бы поэтому весьма сомнительно, что его идеи – какие бы они ни были – могли оказывать значительное влияние на идеологию прибывших преимущественно из России и Польши лидеров социалистического сионизма, которые, собственно, и сыграли ключевую роль в создании Государства Израиль. И. Зангвиль являлся одним из наиболее ярых сторонников плана создания еврейского государства в Уганде, и после того, как этот план был отвергнут VI Сионистским конгрессом в 1903 году, демонстративно поки-

нул Сионистскую организацию. Исраэль Зангвиль, совместно с впоследствии погибшем в лагере смерти Трешлинка писателем и религиозным мыслителем Хиллелем Цейтлиным (1871–1942), лидером социалистического направления в сионизме Нахманом Сыркиным (1868–1924), а также некоторыми другими интеллектуалами и общественными деятелями, занимался поисками территории, находящейся за пределами Эрец-Исраэль и способной послужить национальным домом для повсеместно преследуемого еврейского народа. На протяжении многих лет И. Зангвиль вел интенсивные переговоры, направленные на создание еврейского государства в любой доступной для этой цели части света, в частности, в Турции, Аргентине, Техасе и северной Африке. Наподобие многих современных интеллектуалов, И. Зангвиль мечтал о переустройстве мира и тщательно спланированном перемещении еврейского народа из густонаселенных стран в малозаселенные районы, подходящие для развертывания широкомасштабной поселенческой деятельности, и верил, что в рамках общемировых реформ можно будет решить также и еврейскую проблему²². И. Зангвиль решительно отвергал идею создания двунационального государства, в котором евреи будут проживать бок о бок с другим народом. По его словам, «если собираются предоставить землю народу, лишенному родины, то было бы просто глупо допускать пребывание на этой земле двух народов. Одно из двух: либо для евреев подыскивается другое место обитания, либо аналогичные шаги предпринимаются в отношении наших соседей»²³. В свете той ситуации, которая сложилась в начале XX века, и неудачи, постигшей переговоры Т. Герцля с оттоманскими властями, И. Зангвиль (по крайней мере, до провозглашения декларации Бальфура в ноябре 1917 года) полагал, что решение еврейской проблемы следует искать в другой точке земного шара, за пределами Палестины/Эрец-Исраэль. Как отмечает историк Гидеон Шимони (Gideon Shimoni), автор наиболее масштабного на сегодняшний день труда, посвященного сионистской идеологии, на VII Сионистском конгрессе «присутствовала также небольшая группа делегатов, самыми заметными среди которых были Исраэль Зангвиль и еврейский писатель Хиллель Цейтлин, утверждавшие, что Эрец-Исраэль в меньшей степени подходит для решения еврейской проблемы, нежели другие территории. После того, как VII Сионистский конгресс в 1905 году все же принял решение ультимативно

связать будущее сионизма с Эрец-Исраэль, эти делегаты, выступая единым блоком, покинули ряды Сионистской организации». Под руководством Исраэля Зангвилья и при содействии нескольких сионистских организаций социалистического толка, которые отвергали принудительную связь с Сионом как проявление «буржуазного романтизма», было основано «Еврейское территориальное общество»²⁴.

Еврейская энциклопедия, выходившая в Петербурге в 1908–1913 гг. (цитируемый ниже седьмой том вышел в 1910 г.) – то есть, еще при жизни И. Зангвилья, за десятки лет до возникновения проблемы палестинских беженцев, описывала его политические взгляды следующим образом (стиль оригинала сохранен, орфография приведена в соответствие с современными нормами):

«На Шестом [Сионистском] конгрессе И. Зангвиль выступил горячим сторонником проекта об Уганде, так как, собственно говоря, он никогда не был настоящим палестинцем [так в тексте!] и стоял на почве территориализма [так в тексте!], являясь крайним сторонником идеи чартера²⁵. В обоих этих отношениях Угандийский проект его вполне удовлетворял. В промежуток времени между VI и VII Конгрессами, когда все внимание Сионистской организации было сосредоточено на этом проекте, и когда начали вырастать группы чистых территориалистов, доходивших в своих воззрениях до принципиального отрицания Палестины как страны еврейского будущего, И. Зангвиль занимает первое место в ряду сторонников нового, территориалистического направления и горячо агитирует за принятие английского предложения. Он, однако, не отказывается окончательно от Палестины, но видит в ней лишь конечную цель. На Седьмом [Сионистском] конгрессе И. Зангвиль является уже более крайним территориалистом. Он настаивает на принятии Угандийского проекта ... Когда же Конгресс отклонил проект и решительно высказался против всяких попыток отвлечь внимание сионистов от Палестины, И. Зангвиль оставил Сионистскую организацию и в Базеле же основал «Еврейскую территориалистическую организацию» (ЕТО), окончательно порвавшую с сионизмом и Палестиной. Дальнейшая общественная деятельность И. Зангвилья протекает в рядах этой организации. Став на точку зрения чистого чартеризма, он видит возможность осуществления территориалистических планов лишь в дипломатических переговорах с державами относитель-

но уступки евреям территории с правом на полную автономию. Он вступает в сношения со многими европейскими и американскими правительствами и предлагает конференции ЕТО, состоявшейся в Лондоне в 1907 г., более десятка проектов еврейского поселения в различных частях света. Однако, конкретных результатов эти переговоры не дали. ... [Впоследствии] организуется эмиграция в Галвестон, для содействия которой И. Зангвиль добыл значительные средства у английских и американских финансистов-евреев. После революции 1908 г. в Турции И. Зангвиль вступил в переговоры с местным и центральным турецким правительством об уступке ЕТО области Киренаики в Северной Африке. И. Зангвиль послал экспедицию для обследования этой страны... В 1909 г. И. Зангвиль вступил в переговоры с Турцией относительно [массового переселения евреев] в Месопотамию»²⁶.

Совершенно очевидно, что абсурдно представлять основоположником идеологии насильственного выселения арабов из Палестины/Эрец-Исраэль человека, совсем не настаивавшего на еврейской иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль и выступавшего за создание еврейского государства там, где есть такая возможность, в том числе и в самых экзотических уголках планеты. Нет ни малейших оснований для изображения И. Зангвиля «духовным отцом» и «вдохновителем» идеи трансфера, как это делают некоторые израильские, арабские и американские историки. Несмотря на относительно второстепенную роль И. Зангвиля в сионистском движении, рассмотрение этого вопроса носит принципиальный характер и с точки зрения историографии палестино-израильского конфликта в целом, и с точки зрения возникновения проблемы палестинских беженцев, в частности. В работах М. Палумбо, Н. Масалхи, Б. Морриса и других авторов Исраэль Зангвиль предстает ключевой (хотя и едва ли не единственной) фигурой, призванной продемонстрировать «истинные намерения» сионистского руководства в отношении арабского населения Палестины/Эрец-Исраэль в период, предшествовавший британскому мандату. Следует отметить, что до того, как в 1936 г. местные арабы подняли антиеврейское и антибританское восстание, сама идея перемещения арабского населения из каких-либо частей Палестины/Эрец-Исраэль занимала крайне незначительную нишу в сознании и мышлении сионистских лидеров.

Чтобы установить, являлось ли массовое бегство палестинских арабов в 1947–1949 годах желанным с точки зрения еврейских лидеров сценарием, и в какой мере их программы и публичные выступления поощряли подобное развитие событий, необходимо ответить на ряд вопросов. Во-первых, что именно подразумевалось под «насильственным переселением» («трансфером») и соответствовало ли это событиям, произошедшим во время войны 1947–1949 гг.? Во-вторых, когда и почему эта тема удостоилась внимания со стороны еврейского руководства? В-третьих, какое место в иерархии приоритетов сионистского движения занимала идея «трансфера», как с политической, так и с моральной точки зрения?

Палестинские авторы (Валид Халиди, Нур Масалха и другие), равно как и израильские леворадикальные «новые историки» (в данной области исследований к ним, кроме уже упоминавшегося Бенни Морриса, в последние годы, впрочем, пересмотревшего свои взгляды, следует отнести преподавателя кафедры международных отношений Хайфского университета Илана Паппе и профессора кафедры международных отношений Оксфордского университета Ави Шлайма), утверждают, что идея насильственного переселения арабов из Палестины/Эрец-Исраэль оформилась в сознании лидеров сионистского движения задолго до того, как подобное развитие событий стало реальностью. Так, например, в статье «Замечания по поводу сионистской историографии и идеи трансфера в 1937–1944 годах» Б. Моррис пишет, что эта идея «укоренилась в идеологии сионизма с момента его возникновения, и подтверждения этому можно отыскать уже в дневниках Теодора Герцля, а также в речах и в статьях таких сионистских деятелей, как Исраэль Зангвил, Менахем Усышкин и Артур Руппин»²⁷. (Отметим в скобках, что ни один из упомянутых здесь политических деятелей не дожил до провозглашения Государства Израиль в мае 1948 г. и последовавшего вслед за этим нападением на него армий пяти арабских государств). Б. Моррис не приводит, однако, ни одной цитаты из многочисленных печатных трудов этих авторов, выдвигая, но не аргументируя своего рода «теорию конспирации»: «в большинстве случаев эти идеи выражались только в личных разговорах, частных письмах и закрытых собраниях»²⁸; доказательства этого тезиса в работе Б. Морриса отсутствуют. Единственная цитата, приводимая им, взята из дневника основоположника политического сионизма Теодора

Герцля (Theodor Herzl, 1860–1904), где говорится о согласованном переселении арабского населения, которое должно осуществляться с «максимальной осторожностью». И, действительно, подобно тому, как в последнее десятилетие своей жизни Т. Герцль мечтал о массовом переселении всех евреев мира в будущее еврейское государство в кратчайшие сроки, он мечтал и о том, чтобы на территории этого государства евреи были бы абсолютным национальным большинством, что, в случае создания еврейского государства в Палестине/Эрец-Исраэль (это, как известно, было не очевидно и для самого Т. Герцля), требовало переселения проживавших там арабов на другие территории. Однако в 1895 году само предположение о том, что возникновение еврейского государства произойдет в сколько-нибудь обозримом будущем, равно как и о том, что евреи со всего мира в массовом порядке начнут съезжаться в это государство, представлялось более чем утопичным. Поэтому высказывания общественных деятелей XIX века по поводу выселения арабов с территории будущего еврейского государства не могут считаться «планированием» даже с большой натяжкой. Кроме того, нужно учитывать тот факт, что тогдашний политический контекст во многом отличался от современного и это, разумеется, накладывало свой отпечаток на употреблявшуюся политическими и общественными деятелями терминологию. Известный израильский правовед, мыслитель и государственный деятель Амнон Рубинштейн (Amnon Rubinstein) пишет в этой связи: «Следует отметить, что постсионисты берут на вооружение термины новейшего времени и периода после второй мировой войны (когда колонии интенсивно освобождались от своих европейских господ, а европейские державы от своих колоний) и задним числом относят их ко временам Т. Герцля и начала еврейского заселения Эрец-Исраэль. Эта в корне ошибочная установка автоматически ведет к тому, что сочинители исторических трудов судят один мир в терминах и понятиях другого»²⁹.

Фактически никто из основоположников сионистской идеологии – как в ее либеральной (например, Теодор Герцль и Макс Нордау), так и в социал-демократической (например, Дов-Бер Борохов) версиях – не писал ни в одном из своих многочисленных сочинений о насильственном перемещении арабов из Палестины/Эрец-Исраэль. Действительно, основоположники сионизма надеялись, что настанет день, и благодаря массовой

еврейской иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль евреи станут в ней национальным большинством и смогут построить государство, основанное на интеграции в нем представителей национальных и религиозных меньшинств, однако ни о каком выселении (и уж тем более – насильственном) оттуда арабского населения речь не шла.

Палестинские исследователи, равно как и израильские «новые историки», утверждают, что еще до войны 1947–1949 гг. «идея трансфера вынашивалась руководителями еврейского ишува (во главе с Д. Бен-Гурионом), а также командирами Армии обороны Израиля»³⁰. Им важно доказать, что руководство еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль тщательно спланировало трансфер арабского населения, тогда как условия военного времени служили всего лишь прикрытием для осуществления политической линии, оформившейся, якобы, еще в те далекие дни, когда сионистское движение находилось в самом начале своего пути. По утверждению Бенни Морриса, «когда в 1947–1948 годах разразился кризис, который, впоследствии, перерос в гражданскую войну с арабскими жителями Палестины/Эрец-Исраэль, а затем – в широкомасштабное вооруженное противостояние с арабскими странами, политическое и армейское руководство намеренно и осознанно, или же под воздействием обстоятельств, воплотило в жизнь эту идею»³¹.

Так ли обстояло дело в действительности? Несет ли сионистское движение ответственность за возникновение и распространение идеи трансфера арабского населения с территории Палестины/Эрец-Исраэль? Палестинские, а также некоторые израильские историки приложили немало усилий, дабы отыскать какие-либо высказывания, сделанные еврейскими лидерами в период британского мандата, которые могли бы служить подтверждением тезиса о том, что идея трансфера укоренилась в идеологии сионизма с момента его возникновения. И в самом деле, в этот период, когда после Декларации Бальфура еврейское государство перестало быть всего лишь красивой мечтой, и возникла необходимость в выработке конкретной политической линии, подобные высказывания могли бы иметь особый вес. Интересно, однако, отметить, что все выдержки из публичных выступлений руководителей еврейского ишува, которые приводятся Бенни Моррисом в подтверждение данного тезиса, приходятся на десятилетие, предшествую-

вавшее войне 1947–1949 гг., и не случайно: до 1937 года тема «трансфера», а точнее – «обмена населением», практически не поднималась. Отчет британской Королевской комиссии под руководством лорда Эрла Пиля, сформированной для расследования причин начавшегося в 1936 году арабского восстания, в корне изменил отношение сионистских лидеров к этой проблеме. Сам же Бенни Моррис отмечает, что «идея трансфера удостоилась в сионистских кругах публичного, или отчасти публичного, обсуждения только в июле 1937 года, когда Королевская комиссия под руководством лорда Пиля выдвинула эту идею в качестве одного из своих предложений и, тем самым, придала ей легитимный характер»³². Следует отметить, что Комиссия Пиля не просто рекомендовала трансфер в качестве возможной опции в том случае, если стороны достигнут взаимной договоренности, а настаивала на его осуществлении, даже если это потребует применения силы. «Следует приложить все усилия», – говорилось в отчете, – «чтобы заручиться согласием на обмен населением, однако если согласие все же не будет достигнуто, трансфер арабов, проживающих на территориях, расположенных в границах еврейского государства, будет произведен насильственно»³³. Другими словами, в противовес тому, что утверждает леворадикальными «новыми историками», изучение исторических материалов со всей очевидностью показывает: идея трансфера появилась на Ближнем Востоке по инициативе британских мандатных властей и не была инициирована лидерами сионистского движения.

Следует подчеркнуть, что план по осуществлению насильственного трансфера предложили именно британцы, тогда как ведущие сионистские лидеры, в том числе будущие руководители Государства Израиль, в том числе первый премьер-министр страны Давид Бен-Гурион и первый президент Хаим Вейцман (Chaim Weizmann, 1874–1947), в корне отвергали подобную идею. Оба они полагали, что обмен населением должен носить добровольный характер. Так, например, в ходе заседания Мандатной комиссии Лиги Наций в августе 1937 г. тогдашний британский министр колоний Уильям Ормсби-Гор (William Ormsby-Gore, 1885–1964) предлагал использовать силу, дабы осуществить обмен населением, выражая надежду, что, в конечном итоге, арабы согласятся покинуть еврейское государство добровольно. Однако сионистские лидеры придерживались иной позиции: ближе к концу 1937 г. Хаим Вейцман направил

Мандатной комиссии письмо, содержащее следующие строки: «Мы, разумеется, не собираемся прибегать к силе или совершать какие-либо насильственные действия в отношении арабов: только те, кто захочет покинуть еврейское государство, будут эвакуированы»³⁴. По мнению Х. Вейцмана, следовало поощрять эвакуацию арабского населения, но ни в коем случае не принуждать к ней. Поощрение могло бы осуществляться, по словам Д. Бен-Гуриона, посредством «обеспечения рабочих мест для палестинских арабов за пределами еврейского государства»³⁵.

«Новые историки» полностью игнорируют обстоятельства, сопровождавшие обсуждение идеи «обмена населением» еврейским руководством Палестины/Эрец-Исраэль. В отчете, составленном Комиссией Пиля и опубликованном в июле 1937 года, предлагалось разделить западную часть Палестины/Эрец-Исраэль между двумя странами – арабским государством, объединенным с Иорданией, которое, согласно этому плану, должно было занять около восьмидесяти пяти процентов от общей площади Палестины/Эрец-Исраэль, и еврейским государством на оставшейся территории. С целью устранения будущих очагов конфликта между двумя народами Комиссия Пиля предложила произвести обмен населением между еврейским и арабским государствами. Как справедливо отмечает живущий и работающий в Лондоне израильский историк Эфраим Карш (Efraim Karsh), «идея трансфера как конкретная политическая программа никогда не выходила за пределы выдвинутых Комиссией Пиля предложений – там она родилась, и там же была похоронена»³⁶.

С целью детального анализа всех последствий возможной реализации выдвинутого британскими властями плана, руководство Еврейского агентства создало в ноябре 1937 г. «Комиссию по обмену населением», состоявшую из девяти человек. Комиссия, однако, была распущена летом 1938 г., после того, как стало ясно, что идея трансфера является совершенно бесплодной, и не только из-за решения англичан отказаться от своих первоначальных предложений. Как отмечает израильский историк Шабтай Тевет, идея трансфера не упоминалась ни в одном из десятков документов, отчетов и меморандумов, которые были представлены руководством Еврейского агентства еще одной королевской комиссии, Комиссии Вудхэда (1938), направленной на Ближний Восток для изучения различных вопросов, связанных с разделом Палестины/Эрец-Исраэль³⁷.

Комиссия Вудхэда отметила в своем отчете: «Еврейская сторона заявила нам о своем неприятии любого решения, носящего принудительный характер»³⁸.

Это может показаться парадоксальным, но наиболее резко против трансфера арабского населения высказывался именно Владимир (Зеев) Жаботинский (1880–1940), которого не только палестинские авторы зачисляют в лагерь наиболее последовательных сторонников подобного решения³⁹. В своей статье, которая была опубликована в газете «Ха'Ярден» 13 августа 1937 г., В. Жаботинский писал, что идея трансфера является больше чем проявлением простой «безответственности». Его слова по этому вопросу носят вполне однозначный характер: «Болтовня по поводу «перемещения» арабов – это проявление безответственности, ... ведь с точки зрения евреев подобный шаг является преступлением. Нам следует позаботиться о том, чтобы евреи как можно скорее отвергли эту отвратительную идею со всей возможной брезгливостью. Мы хотим оказаться в большинстве, но это вовсе не означает выдворения меньшинства за пределы страны». Решительное неприятие В. Жаботинским идеи трансфера имело как морально-ценностную, так и рационально-прагматичную основу: он опасался, что подобный шаг послужит «прецедентом» для изгнания евреев из Европы. Кроме того, он не видел ни малейшей практической и моральной пользы в том, чтобы, следуя предложениям Комиссии Пиля, перемещать арабское население из одной части Палестины/Эрец-Исраэль в другую⁴⁰. Следует отметить, что В. Жаботинский противился трансферу «как добровольному, так и принудительному, как полному, так и частичному»⁴¹.

В своем знаменитом эссе «О железной стене», написанном в 1924 г., В. Жаботинский писал: «Вытеснение арабов из Палестины, в какой бы то ни было форме, считаю абсолютно невозможным»⁴². Как отмечал много лет спустя известный политолог Шломо Авинери (Shlomo Avineri), «Жаботинский со своей нравственной убежденностью стоял за то, чтобы в будущем еврейском государстве, где арабы составят меньшинство, они получили все гражданские права как индивидуумы»⁴³. Если впоследствии, во второй половине 1930-х годов, его взгляды и изменились, то это произошло не только под влиянием арабского восстания и отчета Комиссии Пиля, но и под влиянием пактов, заключенных в Европе в 1938–1939 годах. Так, после заключения пакта Молотова – Риббентропа он пи-

сал, что «если возможен трансфер народов прибалтийских стран, то возможно и перемещение палестинских арабов», добавляя, что Ирак и Саудовская Аравия могли бы принять их⁴⁴. Идею массового перемещения палестинских арабов в Ирак Жаботинский обсуждал, например, с американским бизнесменом еврейского происхождения Эдуардом Норманом (Edward Norman, 1900–1950) 2 декабря 1937 года⁴⁵.

Факт состоит в том, что идея переселения арабов с территорий, на которых планировалось создать еврейское государство, равно как и идея переселения евреев с территорий, на которых планировалось создать арабское государство, оказалась на повестке дня по инициативе мандатных властей. Британские официальные представители заявили по поводу отчета Комиссии Пилля, что они полностью поддерживают содержащиеся в нем рекомендации и видят в них именно ту политическую линию, которую Британия намерена проводить в Палестине/Эрец-Исраэль⁴⁶. В этой ситуации и сионистское руководство после длительных колебаний вынуждено было принять отчет Комиссии Пилля, хотя его рекомендации предусматривали передачу арабам большей части территории Палестины/Эрец-Исраэль, включая важнейший для еврейской истории город Хеврон, второй по значимости после Иерусалима, и отторжение от будущего еврейского государства всего Иерусалима, несмотря на то, что евреи составляли в нем большинство населения⁴⁷ (британцы предполагали оставить город под собственным управлением). Хотя план раздела Палестины/Эрец-Исраэль, предложенный Комиссией Пилля, был чрезвычайно далек от ожиданий сионистских лидеров, они после длительных колебаний и дискуссий поддержали его.

Как отмечалось выше, в соответствии с этим планом будущее еврейское государство должно было занять около пятнадцати процентов от общей территории Палестины/Эрец-Исраэль, простирающейся к западу от реки Иордан. Уже 9 июля 1937 г. британский еврейский еженедельник «Jewish Chronicle» опубликовал статью, озаглавленную следующим образом: «Кошмарный план Королевской комиссии». Авторы статьи подвергли резкому осуждению предложения Комиссии Пилля и охарактеризовали их как попытку превратить «еврейский национальный очаг» в «еврейское национальное кладбище». Выработанный комиссией план явился предметом ожесточенной полемики на Двадцатом Сионистском конгрессе, который

начал свою работу в Цюрихе 2 августа того же года. Обсуждаемая тема носила столь судьбоносный характер, а дебаты были столь яростными, что, впервые в истории сионистского движения, заседания конгресса проходили за закрытыми дверями, без участия представителей прессы⁴⁸. В числе противников раздела Палестины/Эрец-Исраэль в соответствии с планом Комиссии Пиля были председатель Национального Земельного фонда Менахем Усышкин (1863–1941), бывший в свое время одним из наиболее последовательных противников плана создания еврейского государства в Уганде (собственно, именно он возглавлял оппозицию этому плану на VII Сионистском конгрессе), лидеры сионистского движения в США Стивен Вайз (Stephen Wise, 1874–1949) и Абба Хиллел Силвер (Abba Hillel Silver, 1893–1963), Владимир Жаботинский и его соратники по ревизионистскому лагерю, религиозные сионисты из движения «Мизрахи», а также представители социалистической организации «Ха'шомер ха'цаир» (последние верили в возможность сотрудничества между еврейским и арабским рабочим классом и поэтому враждебно относились к идее раздела как таковой). В. Жаботинский написал об отчете Комиссии Пиля, что он является «прекрасным примером того, как подобного рода документ может простираться на четыреста страниц и при этом оставаться не более, чем фельетоном»⁴⁹. М. Усышкин также однозначно высказался против предложенного комиссией обмена населением. По его словам, «мы не стремимся изгонять из страны ни одного араба; мы не стали бы этого делать, даже если бы у нас была такая возможность. У нас, как у нации, есть право на эту землю, и, разумеется, таким же правом обладают арабы, которые живут на ней на протяжении сотен лет»⁵⁰.

После длительных колебаний выводы Комиссии Пиля принял и известный ученый и общественный деятель Артур Руппин (Arthur Ruppin, 1876–1943), возглавлявший в 1925–1929 г. миротворческую организацию «Брит Шалом» [«Блок мира»], выступавшую за создание двунационального еврейско-арабского государства в Палестине/Эрец-Исраэль. А. Руппин отмечал, что взаимное переселение евреев и арабов должно носить исключительно добровольный характер. По его мнению, арабы, желающие остаться в местах своего проживания, которые войдут в состав еврейского государства, должны будут обрести в нем статус полноправных граждан. 27 июля 1937 г. А. Руппин записал в своем дневнике: «Я не знаю, испытывал ли кто-нибудь

такие же, как и я, затруднения в этом вопросе, прежде чем согласился на этот план... Я не думаю, что он нереализуем, однако он чрезвычайно непросто. Вследствие тех трудностей, которые сопряжены с его реализацией, нам придется смириться с тем фактом, что триста тысяч арабов останутся нашими гражданами. Следует учесть, что евреи во всем мире являются меньшинством, и поэтому мы должны будем служить примером того, как следует обращаться с меньшинствами»⁵¹.

Среди тех еврейских лидеров, которые в целом приняли рекомендации Комиссии Пиля, были и те, кто отвергал ту его часть, которая касалась возможного «обмена населением» между двумя будущими государствами – еврейским и арабским. Так, в ходе заседания правления Еврейского агентства известный писатель, публицист и землевладелец Моше Смилянский (1874–1953) заявил: «Если бы мне сказали, что у арабских фермеров отберут землю и переместят их в какое-либо другое место, я бы сказал: оставьте их в покое, пусть живут в еврейском государстве, вместо этого лучше дайте нам полтора миллиона дунамов земли в Негеве»⁵² (согласно карте Комиссии Пиля, вся территория пустыни Негев должна была отойти к арабскому государству).

Голда Меир (Golda Meir, 1898–1978), ставшая впоследствии министром иностранных дел и главой правительства Израиля, предпочла не высказывать свое личное отношение к плану Комиссии Пиля из-за убежденности в заведомой невозможности его реализации. «Нам поведали о массовом переселении арабов. Неужели арабы уже дали на это свое согласие? Может быть, они согласились вести переговоры на эту тему? – патетически вопрошала Голда Меир и констатировала: Все эти разговоры являются пустыми иллюзиями, и не более. Было бы справедливо, если бы богатые арабские землевладельцы отказались бы от Палестины в нашу пользу. Однако нужно их согласие и их добрая воля»⁵³. Менахем Усышкин также был среди ярких противников идеи массового переселения: «Когда я услышал из уст доктора Х. Вейцмана о трансфере трехсот тысяч арабов, а также о том, что правительственная комиссия поддержала подобный план – я сказал себе: Господи, до какой же степени распространился этот психоз среди самых высокопоставленных людей»⁵⁴.

В итоге из 484 депутатов Двадцатого Сионистского конгресса 160 проголосовали против принятия этого плана, 299

проголосовали в его поддержку, и еще 6 воздержались. Речь, произнесенная Давидом Бен-Гурионом 7 августа, в значительной мере способствовала принятию плана большинством делегатов конгресса. Д. Бен-Гурион также не скрывал своего неудовлетворения от выдвинутых британцами инициатив, однако полагал, что их следует поддержать, «чтобы обрести независимость в вопросах репатриации». Другими словами, жесткие ограничения в вопросах еврейской иммиграции (оставшиеся в силе и в годы Холокоста, из-за чего Палестина/Эрец-Исраэль оставалась практически закрытой для евреев и в страшные годы гитлеризма) явились тем фактором, который заставил сионистское руководство принять план раздела, предложенный Комиссией Пилля, невзирая на многочисленные оговорки. Нет ни малейших оснований утверждать, как это делает палестинский исследователь Валид Халиди (Walid Khalidi), что план, который оставлял более 80% территории Палестины/Эрец-Исраэль, включая Иерусалим, за пределами еврейского государства, «выражал сионистскую позицию»⁵⁵. Расстояние между позицией, изложенной в отчете Комиссии Пилля, и устремлениями сионистского руководства было огромным.

Следует отметить, что, в противовес утверждениям палестинских авторов и леворадикальных «новых историков», Давид Бен-Гурион, бесспорный лидер Еврейского агентства и будущий первый премьер-министр и министр обороны Государства Израиль, отнюдь не стремился к изгнанию арабского населения за пределы Палестины/Эрец-Исраэль. Нур Масалха, к примеру, заявляет, что Д. Бен-Гурион «никогда не принимал в расчет возможность существования арабского меньшинства в качестве неотъемлемой части еврейского государства, что предполагало бы наличие долгосрочных программ, направленных на его интеграцию»⁵⁶. Бенни Моррис полагает, что «начиная со второй половины 1930-х годов большинство руководителей ишува, включая Д. Бен-Гуриона, стремились к созданию еврейского государства без арабского меньшинства, или же с максимально малочисленным арабским меньшинством, и поддерживали идею трансфера, воспринимавшегося ими как приемлемое средство для решения данной проблемы»⁵⁷. Подобные утверждения извращают подход Давида Бен-Гуриона к арабской проблеме и заслуживают тщательного рассмотрения с критических позиций.

Д. Бен-Гурион весьма четко сформулировал свою позицию еще в своей книге «Мы и наши соседи», которая увидела свет на иврите в 1931 году. В ней он высказался следующим образом: «Если бы сионисты стремились занять место нынешних жителей страны, то их идеология представляла бы собой крайне опасную утопию, таящую в себе разрушительные и реакционные тенденции. В действительности же устремления и реальные возможности сионистов заключаются не в том, чтобы грабить награбленное, а в освоении тех земель, которые не были возделаны местными жителями, и которые они не в силах возделывать самостоятельно. Нежелательно и недопустимо изгонять из страны нынешних ее обитателей. Не в этом заключается призвание сионизма ... Мы обязуемся предоставить равные права нашим арабским соседям...»⁵⁸.

Д. Бен-Гурион сохранил верность этой позиции и когда принял решение поддержать предложенный Комиссией Пиля план раздела. Как отмечает Гидеон Шимони, «несмотря на те изменения, которые претерпело стратегическое мышление Д. Бен-Гуриона, и, невзирая на присущую ему тактическую маневренность, его фундаментальная идеологическая позиция по вопросу гражданских прав еврейского и арабского населения оставалась чрезвычайно последовательной»⁵⁹. Д. Бен-Гурион стремился создать в Палестине/Эрец-Исраэль конституционный режим, при котором евреи и арабы обладали бы равными правами как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Принцип, который должен был лечь в основу данного политического устройства, заключался в том, что ни один народ не имеет права подавлять другие народы⁶⁰. На заседании руководства Еврейского агентства в июле 1938 г. он произнес следующие слова: «Политика [будущего еврейского] государства в отношении арабских жителей должна быть направлена не только на предоставление им гражданских прав в полном объеме, но также и на их культурную, социальную и экономическую интеграцию, то есть на приведение жизненного уровня арабского населения в соответствие с теми показателями, которые наблюдаются среди еврейских граждан»⁶¹.

Д. Бен-Гурион принял предложения Комиссии Пиля после длительных и тяжелых колебаний. Следует подчеркнуть, что он дал свое согласие на передислокацию арабского населения исключительно в пределах территории британского мандата, то есть речь не шла о переселении арабов за пределы Пале-

стины/Эрец-Исраэль, а только в другие населенные пункты в самой Палестине/Эрец-Исраэль. Так, выдвинутая в 1936 г. идея перемещения палестинских арабов в Ирак на корню отвергалась Д. Бен-Гурионом. В ответ на пожелание одного из ораторов, чтобы «арабы когда-нибудь переправились в Ирак», в октябре 1936 г. Д. Бен-Гурион заявил: «Если мы скажем им [членам Комиссии Пиля], что арабам следует переправиться в Ирак или Иран, мы лишь усилим антиссионистскую позицию, и члены комиссии вернутся в Англию, будучи убежденными в том, что евреи стремятся изгнать арабов из страны. Нет сомнения, что этот путь ... приведет нас к катастрофе.... Необходимо объяснить миру, что мы не собираемся лишать арабов их права на существование, и это вполне можно доказать при помощи цифр»⁶². Его утверждение, что «никто в сионистском руководстве не предлагает выселять арабов из Эрец-Исраэль»⁶³, высказанное на сионистском конгрессе в феврале 1937 г., однозначно свидетельствует о его взглядах по этому вопросу. Шабтай Тевет, посвятивший многие годы изучению наследия Д. Бен-Гуриона, следующими словами суммировал результаты своего исследования: «С самого начала своей политической карьеры Д. Бен-Гурион не переставал клятвенно заверять, что “мы не собираемся изгонять арабов с их земель”, и что “мир не позволит еврейскому народу завладеть государством путем силы и грабежа”»⁶⁴.

Как заявил Д. Бен-Гурион еще в 1936 г., «необходимо объяснить, что мы вовсе не хотим лишать арабов права на существование»⁶⁵. Вместе с тем, Д. Бен-Гурион допускал возможность согласованного обмена населением между двумя суверенными государствами, которые предполагалось создать на территории Палестины/Эрец-Исраэль. Д. Бен-Гурион верил в то, что Британия способна претворить в жизнь выдвинутый Комиссией Пиля план, включая также и предложения, касающиеся обмена населением. При этом он неоднократно заявлял, что сионистское движение не может осуществлять подобную политику, и не имеет права даже предлагать такого рода вещи⁶⁶.

Следует подчеркнуть, что идея трансфера представлялась Д. Бен-Гуриону крайне проблематичным решением с моральной точки зрения. Еще до того, как был опубликован отчет Комиссии Пиля, руководство Еврейского агентства уже было осведомлено в общих чертах о его направленности, и Д. Бен-Гурион поспешил предупредить события, представив на рассмотре-

ние своих соратников альтернативный план раздела, разработанный им самим. Этот план не содержал и намека на трансфер палестинских арабов. Когда до Д. Бен-Гуриона дошли слухи о том, что Комиссия Пиля предлагает трансфер арабов из еврейского государства в арабское, он написал Моше Шарету (Moshe Sharett, 1894–1965): «Мне крайне трудно поверить в принудительное переселение, и столь же трудно поверить в то, что оно может быть добровольным»⁶⁷. Ш. Тевет описывает первоначальную реакцию Д. Бен-Гуриона на предложения Комиссии Пиля, неопровержимо доказывающую тот факт, что рекомендации британцев, касающиеся трансфера, застали его врасплох, и что до этого он и не помышлял о подобной возможности: «Он настолько затруднялся поверить в практическую ценность этого предложения, что не заметил его даже после того, как 7 июля 1937 г. четырехсотстраничный отчет в отпечатанном виде оказался у него в руках, и он читал его на протяжении трех дней и трех ночей. «При первом чтении я «проигнорировал» этот основной пункт, – объясняет он в своем дневнике, – вследствие убеждения, что подобная вещь нереализуема и все это не более, чем пустые слова». После этого последовала мучительная борьба с самим собой, которая продолжалась около месяца. Душевные переживания, связанные с предложениями Комиссии Пиля, нашли свое отражение в личном дневнике Д. Бен-Гуриона, а также в многочисленных письмах, которые он слал своим соратникам и друзьям»⁶⁸. Д. Бен-Гурион был убежден в том, что «места в стране хватит как для нас, так и для арабов»⁶⁹, и именно на этом принципе должно было, по его мнению, основываться любое соглашение между еврейскими и арабскими жителями Палестины/Эрец-Исраэль.

Пока Комиссия Вудхэда проверяла возможность осуществления тех рекомендаций, которые представила предыдущая комиссия, Д. Бен-Гурион выработал двадцать восемь принципов будущей еврейской государственности. Эти положения однозначно свидетельствуют о том, что Д. Бен-Гурион и не помышлял о насильственном выселении палестинских арабов. Более того, он предполагал, что большинство из них останутся в еврейском государстве в качестве полноправных граждан. Повестка дня заседания руководства Еврейского агентства от 7 июня 1938 г., на котором Д. Бен-Гурион представил сформулированные им двадцать восемь основополагающих принципов будущей государственности, включала в себя восемь

вопросов, одним из которых (а именно, шестым) был и вопрос о положении арабов в еврейском государстве. Из четырнадцати страниц убогистого текста протокола заседания лишь четыре строки затрагивали тему «добровольного переселения арабских рабочих и фермеров из еврейского государства в соседние страны», а тема трансфера не упоминалась вовсе. Представленный Д. Бен-Гурионом документ содержал девять пунктов, посвященных обеспечению прав меньшинств, и, прежде всего, арабского меньшинства, в будущем еврейском государстве: «Арабское меньшинство сможет пользоваться арабским языком не только в своих собственных воспитательных, религиозных или общинных учреждениях, но и во всех, без исключения, государственных институтах. Во всех округах, городах и деревнях, в которых большинство составляют арабы, все правительственные сообщения будут публиковаться на арабском языке» (положение 25); «Конституция Государства Израиль будет основываться на принципе всеобщего избирательного права, предоставляемого всем гражданам, независимо от их национальной, религиозной, половой или классовой принадлежности, на парламентском представительстве и на правительстве, несущем ответственность в равной степени перед всеми гражданами» (положение 19); «Еврейское государство будет защищать национальные и религиозные права меньшинств и обеспечивать свободу вероисповедания всех, без исключения, граждан и общин» (положение 21); и так далее⁷⁰.

Важно отметить, что переселение арабов, о котором порой вели речь лидеры еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль, вовсе не означало их насильственное изгнание. Давид Бен-Гурион, высказываясь по этому вопросу, не устал повторять, что речь идет не об изгнании, а о взаимно согласованном обмене населением, который должен был производиться без нанесения ущерба материальному положению переселяемых. Высказывания Д. Бен-Гуриона на различных этапах его политической карьеры свидетельствуют о том, что трагические события 1947–1949 гг. вовсе не являлись желанным, с его точки зрения, сценарием. Он, если и думал, то об обмене населением, аналогичном тому, который произошел между Грецией и Турцией по окончании первой мировой войны. Имелось в виду не выдворение арабов за пределы Палестины/Эрец-Исраэль, а передислокация двух народов – еврейско-

го и арабского – в рамках тех государств, которые планировалось основать на территории, на которую в 1920–1948 гг. распространялось действие британского мандата. При этом подобная передислокация должна была сопровождаться выплатой денежных компенсаций палестинским арабам (равно как и евреям), которые будут вынуждены сняться с насиженных мест. Кроме того, им должны были быть предоставлены земельные участки, сопоставимые по территории с теми, которые они оставят.

В связи со всем вышеизложенным чрезвычайно важно упомянуть заявления, сделанные Д. Бен-Гурионом перед лицом Специальной комиссии ООН по делам Палестины 8 июля 1947 г. Не следует забывать, что за три года до этого Лейбористская партия Великобритании предложила – без какого-либо предварительного согласования с лидерами сионистского движения – революционный план, призванный разрешить проблему Палестины/Эрец-Исраэль в рамках послевоенного урегулирования общемирового характера. На прошедших в Британии 28 июля 1945 г. всеобщих выборах Лейбористская партия одержала победу над консерваторами⁷¹, и ее многолетний (с 1935 года) лидер Клемент Эттли (Clement Attlee, 1883–1967) занял пост главы правительства. Таким образом, в 1947 г. речь шла о программе партии, находившейся у власти в государстве, которое все еще владело мандатом на Палестину/Эрец-Исраэль. Далее приводится выдержка из этой программы:

«Палестина. Здесь мы остановились на середине пути, разрываясь между противоборствующими тенденциями, однако не вызывает сомнений тот факт, что понятие «еврейский национальный очаг» лишается какого-либо смысла в том случае, если евреям не будет позволено прибывать в больших количествах в эту крошечную страну и, тем самым, способствовать формированию в ней еврейского большинства. Подобная постановка вопроса являлась оправданной до начала войны, а сейчас – оправдана тем более. В самой Палестине будет правильным, исходя из гуманитарных соображений, а также во имя скорейшего урегулирования конфликта, произвести трансфер арабского населения. Следует всячески поощрять арабских жителей к отъезду из страны по мере увеличения в ней еврейского населения. Необходимо предоставлять им щедрую компенсацию за их земли и тщательно подготавливать почву для их обустройства на новом месте. Арабы владеют многочисленными и об-

ширными территориями в других точках планеты. Им не следует отнимать у евреев право на небольшой участок земли, который по своим размерам уступает даже Уэльсу»⁷².

Д. Бен-Гурион отверг идею трансфера, невзирая на недвусмысленное предложение англичан. В ходе своего выступления перед лицом Специальной комиссии ООН по делам Палестины он самым решительным образом высказался против тех пунктов в программе Лейбористской партии Великобритании, которые призывали к эмиграции палестинских арабов в соседние арабские страны с тем, чтобы освободить место для евреев. «Мы отвергали его и раньше, – заявил Д. Бен-Гурион об этом проекте. – Мы не считаем возможным выселить из страны даже одного араба»⁷³.

Дилеммы, связанные с возможной необходимостью переселения арабов из Палестины/Эрец-Исраэль, в каком-то смысле были следствием опасения сионистских лидеров, что из-за массовой иммиграции евреев со всего мира небольшая территория Палестины/Эрец-Исраэль (площадь которой составляла лишь двадцать семь тысяч квадратных километров) просто не сможет стать домом для обоих народов. Однако надежды на большую волну иммиграции, которая во многом была следствием сделанного в ноябре 1917 г. заявления руководителя британского МИДа А.Дж. Бальфура о благосклонном отношении его страны к созданию «национального очага» еврейского народа в Палестине/Эрец-Исраэль, оправдались лишь частично. По этой причине опасения о перенаселенности Палестины/Эрец-Исраэль оказалась несбыточными, а основной проблемой стала борьба против вводимых британскими мандатными властями (в особенности – после начавшегося в 1936 году арабского восстания) все новых и новых ограничений еврейской иммиграции⁷⁴.

Поворотным моментом в отношении руководства еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль к идее трансфера палестинских арабов стал опубликованный в июле 1937 года отчет Комиссии Пиля: это отмечают и Эфраим Карш⁷⁵, и Валид Халиди⁷⁶. Последний, тем не менее, утверждает, что «подобная рекомендация не была целиком навязана британской стороной», поскольку «еще до опубликования отчета Комиссии Пиля Х. Вейцман обсуждал ее в ходе встречи с высокопоставленным представителем британского Министерства колоний, состоявшейся 19 июля 1937 г. Х. Вейцман сказал тогда, что

успех всего проекта зависит от того, готово ли британское правительство содействовать в полной мере выполнению всех рекомендаций комиссии»⁷⁷. Как бы то ни было, инициатива в этом вопросе исходила от англичан. Более того, отчет Комиссии Пиля являлся не просто рекомендацией: власти выступили с заявлением, что в них выражена именно та политическая линия, которую Британия намерена проводить на Ближнем Востоке. Еврейское руководство приняло изложенный в отчетах комиссии план, включая и идею обмена населением, при условии, что он будет происходить под надзором британских властей, действовавших на основании мандата, полученного от Лиги Наций. Хотя территория, отводившаяся Комиссией Пиля под будущее еврейское государство, была чрезвычайно мала и включала лишь узкую прибрежную полосу от Реховота на юге до Ливанской границы на севере, Изрезельскую долину и Галилею, число арабов, проживавших на этих территориях, заметно превосходило число евреев, проживавших на территории, отводившейся Комиссией Пиля под значительно большее территориально арабское государство⁷⁸. С целью детального анализа всех последствий возможной реализации плана Комиссии Пиля руководство Еврейского агентства создало в ноябре 1937 г. рабочую группу, однако в связи с категорическим отказом руководства палестинских арабов принять предлагавшийся британцами план раздела и последовавшего вслед за этим решения мандатных властей отказаться от его реализации, уже летом 1938 г. обсуждения возможных путей обмена населением были прекращены; в дальнейшем этот план не упоминался вовсе⁷⁹. Ближе к концу Второй мировой войны эта идея поднималась еще дважды: один раз – в 1944 г. – Лейбористской партией Великобритании (о чем упоминалось выше), а второй раз – в октябре 1945 г. – бывшим президентом США Гербертом Гувером (Herbert Hoover, 1874–1964). По утверждению В. Халиди, первый раз подобная рекомендация была якобы инспирирована Гарольдом Ласки (Harold Laski, 1893–1950), одним из крупнейших британских политологов, который был в 1945 г. председателем Лейбористской партии и состоял в переписке с Х. Вейцманом⁸⁰. Однако даже в том случае, если догадка В. Халиди верна, это не умаляет того факта, что инициаторами идеи частичного трансфера были не сионистские лидеры, а влиятельные представители англосаксонских демократий.

Британское правительство сообщило о том, что оно принимает отчет Комиссии Пиля в полном объеме. В пунктах 39 и 42 десятой части плана по разделу Палестины, выдвинутого комиссией, недвусмысленно предлагалось произвести обмен населением, а также землей, между двумя государствами – еврейским и арабским, которые предполагалось создать на территории Палестины/Эрец-Исраэль. Составители отчета отметили, что с 1931 г. в стране не проводилась перепись населения, однако на основании имевшихся в их распоряжении данных они заключили, что на территории будущего еврейского государства проживают 225 тысяч арабов, тогда как на территории, на которой планировалось создать арабское государство, проживают 1.250 евреев. Королевская комиссия предложила осуществить обмен населением между двумя государствами, аналогично тому, который произвели между собой Греция и Турция после подписания мирного договора на Лозаннской конференции в июле 1923 г. Лишь тогда сионистское руководство, поддержавшее после длительной и ожесточенной полемики план раздела, приступило к обсуждению возможных последствий реализации предложений, касающихся обмена населением. Когда же британские мандатные власти отказались от этой идеи, отказалось от нее и сионистское движение.

Таким образом, идея трансфера была выдвинута британцами, и даже в том виде, в котором она обсуждалась на третьем съезде Еврейского агентства (в ходе всех последующих, а также предыдущих съездов эта тема не затрагивалась), идея эта имела мало общего с тем, что произошло в действительности в 1947–1949 гг. Поэтому разговоры о «многолетнем планировании сионистскими лидерами трансфера арабского населения из своей страны» представляют собой очевидное искажение исторических фактов.

Глава IV

ЕВРЕЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПАЛЕСТИНСКИЕ АРАБЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Подробно представленное в предыдущей главе утверждение о том, что лидеры еврейской общины страны не вынашивали планов по изгнанию арабского населения с территории Палестины/Эрец-Исраэль, неизбежно влечет за собой вопрос: насколько проблема палестинских арабов вообще занимала сионистских лидеров, а также каковы были их ориентиры при выработке позиции по данному вопросу? Хотя в сионистском движении не было единства подходов по вопросу отношений с палестинскими арабами, и различные общественные деятели придерживались неодинаковых доктрин по арабскому вопросу, рассмотрение этой проблемы имеет громадное значение для понимания истоков и первопричин нынешнего противостояния между Израилем и палестинскими арабами.

Прежде всего, следует отметить, что до беспорядков 1929 г. большая часть представителей сионистского движения воспринимала существовавшие в подмандатной Палестине/Эрец-Исраэль реалии и, в особенности, «арабскую проблему», через призму тех представлений, которые оформились в конце предшествующего столетия. Во второй половине XIX века Палестина/Эрец-Исраэль являлась интегральной частью Османской империи и даже не представляла собой отдельной административной единицы (она входила в Дамасский округ). Поэтому активисты еврейского национального движения шестидесятых – семидесятых годов XIX века (так называемые «палестинофилы»), являвшиеся предтечей сионистского движения, а также первые сионисты, деятельность которых пришлась на период с 1882 по 1914 гг., могли надеяться на осуществление собственных чаяний исключительно в рамках каких-либо договоренностей с правителями Османской империи. Именно по этой причине Теодор Герцль, не без оснований

считающийся основоположником политического сионизма, направился в июне 1896 г. – то есть еще до Первого Сионистского конгресса – в Стамбул (Константинополь), где провел одиннадцать дней, безуспешно добиваясь встречи с султаном Турции Абдул Хамидом II (Abdul Hamid II, 1842–1919). Как отмечает известный историк Вальтер Лакер (Walter Laqueur), хотя те предварительные переговоры, которые он провел перед этим в Европе, прошли в достаточно теплой обстановке, Т. Герцль понимал, что «ключ к успеху (или к неудаче) находился в Константинополе; Т. Герцль решил отправиться туда прежде, чем попытает счастья в европейских столицах»⁸¹. Т. Герцль был принят великим визирем и министром иностранных дел Османской империи, однако султан отказался даже разговаривать с ним. На предложение, согласно которому «влиятельные еврейские финансисты» помогут Османской империи расплатиться с многочисленными долгами (достигшими 85 миллионов фунтов стерлингов⁸²), а взамен евреям будет предоставлено право на иммиграцию в Палестину/Эрец-Исраэль, Т. Герцлю был передан следующий ответ Абдула-Хамида II: «Когда мою империю расчленят, им, может быть, удастся заполучить Палестину даром. Но расчленить можно только труп империи – пока она существует, я никогда на это не соглашусь»⁸³. В 1898 г. Т. Герцль вновь посетил Константинополь, на этот раз – для состоявшейся 18 октября встречи с согласившимися принять его кайзером Германии Вильгельмом II (Wilhelm II, 1859–1941) и его министром иностранных дел князем Бернхардом фон Буловом (Bernhard Ernst von Bulow, 1849–1929), будущим рейхсканцлером. Обращаясь к своим титулованным германским собеседникам, Т. Герцль просил их предложить султану создать в Палестине/Эрец-Исраэль земельную компанию для переселения евреев под германским покровительством, рассматривая это как первый этап для создания в будущем в Палестине/Эрец-Исраэль еврейского государства. Как писал много лет спустя Б. фон Булов в своих мемуарах, сперва Вильгельм II с энтузиазмом отнесся к сионистской идее, поскольку он надеялся таким образом избавить Германию от радикально настроенных евреев – сторонников революционных идей, однако когда ему стало известно об отрицательном отношении султана к этому проекту, он также быстро охладел к нему⁸⁴. Сам султан Абдул-Хамид II впервые принял Т. Герцля 17 июня 1901 г.; затем в феврале и в июле 1902 г. Т. Герцль вновь посещал Кон-

стантинополь, однако султан категорически отказался открыть Палестину/Эрец-Исраэль для свободной еврейской иммиграции. В своем дневнике Т. Герцль писал, что султан выразил готовность открыть свою империю для еврейских иммигрантов при условии, что они станут подданными Оттоманской империи и будут расселяться во всех провинциях, кроме Палестины/Эрец-Исраэль⁸⁵. Показательно отметить при этом, что ни оттоманские, ни германские власти не аргументировали свою позицию возможным противодействием идее еврейской иммиграции со стороны местного арабского населения Палестины/Эрец-Исраэль. В период огромных многонациональных империй такие соображения не фигурировали на повестке дня. Арабский вопрос крайне редко (если вообще) упоминался как в ходе переговоров, так и в последующих записях Т. Герцля. В одной из своих речей в 1931 г. Х. Вейцман не без оснований отмечал: «Загляните в довоенную [то есть, до первой мировой войны] сионистскую литературу, едва ли вы найдете там хотя бы словечко об арабах»⁸⁶. Как пишет Вальтер Лакер, «Герцля арабы действительно не очень интересовали, хотя нельзя утверждать, будто он полностью их игнорировал. Он лично встречался с некоторыми арабами, а кое с кем из них даже поддерживал переписку»⁸⁷. Факт состоит в том, что до свержения Абдула-Хамида II в 1908 г. арабские националистические настроения не находили организованного политического воплощения, а арабы Палестины/Эрец-Исраэль не выделялись как отдельная нация. Процесс формирования национального самосознания палестинских арабов начался значительно позже – уже после прихода в страну британцев.

На начальных этапах сионистской иммиграции в Палестину/Эрец-Исраэль трения между местным арабским населением и новоприбывшими евреями происходили преимущественно на почве земельных отношений, а также значительных расхождений в том, что касалось поведенческих установок и методов ведения хозяйства. На рубеже двух столетий многие представители сионистского движения (к примеру, Артур Руппин, возглавлявший с 1908 г. Эрец-Исраэльское бюро Сионистской организации) признавали совершенные в этой области ошибки и искренне полагали, что если максимально сократить ущерб, наносимый арабским фермерам, выучить арабский язык и приспособиться к арабским обычаям, то напряженность между евреями и арабами существенно снизится. Уже в 1913 г. Ме-

нахем Усышкин предпринимал попытки побудить арабов к сотрудничеству, поскольку арабский мир «является естественным союзником и партнером евреев в мировой войне, которая ведется между Востоком и Западом»⁸⁸. Другой влиятельный сионистский лидер – Виктор Якобсон (1869–1934), руководивший с 1909 г. Константинопольским (Стамбульским) отделением Англо-Палестинского банка и бывший по совместительству представителем Сионистской организации в Константинополе, рассматривал еврейское национальное движение как часть широкомасштабного освободительного движения, идущего с Востока. В. Якобсон неоднократно пытался вступить в переговоры с арабскими представителями в турецком парламенте, хотя и заявлял о том, что эти переговоры не направлены против оттоманских властей. Во время своих контактов с арабскими лидерами он всячески подчеркивал, что те выгоды, которые арабы могут извлечь из сотрудничества с сионистами значительно превосходят возможный ущерб их локальным интересам в Палестине/Эрец-Исраэль⁸⁹. Подобный подход разделяли и лидеры так называемого рабочего движения, с начала 1920-х годов руководившие еврейским ишувом Палестины/Эрец-Исраэль. По мнению Д. Бен-Гуриона, «только у узких кругов правящей арабской верхушки есть эгоистические причины для того, чтобы бояться еврейской иммиграции и вызванных ею социально-экономических изменений»⁹⁰, широким же слоям арабских крестьян еврейская иммиграция и связанный с нею приток капитала принесет значительные выгоды – как в сфере организации новых рабочих мест, так и благодаря значительному расширению рынков сбыта производимой местными арабами сельскохозяйственной продукции. И, действительно, с 1922 по 1946 г. суммарный рост арабского населения Палестины/Эрец-Исраэль составил 118 процентов, и, за исключением Египта, был рекордным в арабском мире. Это объяснялось не только естественным приростом – за эти двадцать четыре года в Палестину/Эрец-Исраэль из соседних стран переселились около ста тысяч арабов. Как отмечает известный американский историк Говард Сакер (Howard Sachar), «их приток отчасти был связан с отлаженной административной системой мандата, но еще в большей степени – с экономическими возможностями, открывшимися в связи с еврейской колонизацией. Рост еврейского ишува оказывал благоприятное влияние на жизнь арабов, во-первых, косвенно – значительный вклад евреев в мандатный

бюджет позволял увеличивать инвестиции и в арабский сектор, а во-вторых, непосредственно – возникали новые рынки сбыта для арабской продукции, а до волнений 1936–1937 гг. – и рабочие места»⁹¹. В меморандуме, представленном в 1930 г. Лиге наций Исполнительным комитетом Собрания депутатов еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль, не без оснований говорилось о том, что осуществление сионистского проекта привело «к существенному улучшению уровня жизни также и всего остального населения страны». При этом, как отмечает израильский политолог Ицхак Галь-Нур (Itzhak Galnoor), «палестинские арабы описываются в этом меморандуме как некая совокупность индивидуумов или, в лучшем случае, как экономическое сообщество, лишенное каких бы то ни было национальных устремлений»⁹².

Примечательно, что, переезжая в Палестину/Эрец-Исраэль, арабы стремились поселиться в районах с высокой плотностью еврейского населения. Например, в 1930-е годы прирост арабского населения в Хайфе составил 87 процентов, в Яффо – 61 процент, в Иерусалиме – 37 процентов. Такой же процесс наблюдался в арабских городах, расположенных рядом с еврейскими сельскохозяйственными поселениями. Двадцатипроцентное увеличение числа арабов, занятых в промышленности, объяснялось исключительно потребностями широкомасштабной еврейской иммиграции. По словам Говарда Сакера, «арабы хорошо осознавали выгоды, которые предоставлял им ишув. Если бы арабские крестьяне не испытывали постоянного давления извне, вряд ли их отношение к сионистам было бы столь враждебным»⁹³.

Иными словами, лидеры сионистского движения и еврейского ишува не без оснований полагали, что евреи и арабы в Палестине/Эрец-Исраэль сумеют договориться между собой, и главная проблема состоит не в достижении договоренностей между ними, а в признании связи еврейского народа с Палестиной/Эрец-Исраэль со стороны правителей тех государств, в сферу влияния которых входила эта территория, то есть, Оттоманской империи (до декабря 1917 г.) и Великобритании (после декабря 1917 г.). Проблема палестинских арабов воспринималась как часть тех процессов, которые происходили далеко за пределами Палестины/Эрец-Исраэль, в то время как движущими силами этих процессов считались либо британцы (а также представители других влиятельных иностранных держав), либо правители или потенциальные лидеры арабских

стран. В этой связи наибольшую важность в глазах сионистских лидеров имели контакты с правителями Хиджаза (Саудовской Аравии), а позднее – Трансиордании (Иордании). Именно король Иордании Абдалла Бен аль-Хусейн (Abdullah Ibn-Husein, 1882–1951) воспринимался как наиболее важный потенциальный партнер, который бы мог гарантировать спокойствие и безопасность евреев Палестины/Эрец-Исраэль.

Абдалла, будущий король не существовавшей тогда Трансиордании, родился в Мекке в 1881 г. Его отец, шериф Хусейн Бен Али (Sharif Hussein bin Ali, 1853–1931) – Оттоманский правитель Хиджаза и Мекки в 1908–1916 гг., король Хиджаза в 1916–1924 гг., основатель династии Хашимитов, в период правления султана Абдула-Хамида II (то есть, до 1908 г.) проживал в Стамбуле под надзором Оттоманских властей; после революции младотурков ему было позволено вернуться в Мекку и занять пост Великого шерифа (эмира). В марте 1924 г. Хусейн, претендуя на лидерство в мусульманском мире, объявил себя халифом всех мусульман, но другие мусульманские страны не признали его, а эмир Неджда Ибн Сауд (Ibn Saud, 1880–1953) начал с ним войну за гегемонию на Аравийском полуострове. В этой войне Хусейн потерпел поражение; 5 октября 1924 г. вынужден был отречься от престола в пользу своего старшего сына Али, однако год спустя Ибн Сауд сверг и его, объявив себя «королем Хиджаза и Неджда». В 1932 г. Хиджаз и Неджд были объединены Ибн Саудом в одно государство – Саудовскую Аравию. После отречения Хусейн жил на Кипре и в Трансиордании, а его дети, Абдалла и Фейсал (Faysal I, 1885–1933), правили, соответственно, Трансиорданией и Ираком. Контакты с еврейскими лидерами поддерживали и Шериф Хусейн Бен Али, и Фейсал (с которым Х. Вейцман заключил 3 февраля 1919 г. известное соглашение⁹⁴), и Абдалла.

Абдалла получил частное начальное и среднее образование в Стамбуле, столице Оттоманской империи, и там проникся уважением к деловым и профессиональным достоинствам евреев, к их дарованиям в самых разных жизненных сферах. В 1907 г. назначен заместителем правителя Мекки, в 1909 г. – представитель от Мекки в Оттоманском (турецком) парламенте. С началом первой мировой войны вернулся в Мекку, в 1915 г. был доверенным посланником своего отца в контактах с английскими вооруженными силами в Египте. В 1916 г. принимал участие в военных действиях в составе арабской армии,

затем, при формировании так называемого Арабского правительства, был назначен министром иностранных дел. С вступлением французов в Сирию прибыл в Маан, а затем в Амман, и после переговоров с У. Черчиллем в Иерусалиме провозглашен в 1921 г. эмиром Трансиордании (эмират под британским мандатом). 11 апреля того же года сформировал правительство Эмирата Трансиордания⁹⁵.

В ходе контактов с представителями ишува Абдалла предлагал предоставить евреям широкую автономию в рамках будущего «семитского королевства», которое включало бы в себя Трансиорданию и Палестину. Это, конечно, было неприемлемо для подавляющего большинства сионистских лидеров, мечтавших о независимом еврейском государстве. Ситуацию осложнило также решение Британии исключить Трансиорданию из сферы действия «Декларации Бальфура» – решение, с которым многие в сионистском движении категорически не соглашались. После 1921 г. еврейским иммигрантам было запрещено селиться в Трансиордании и покупать земли на территории этого государства. Вместе с тем, на протяжении 1920-х годов были налажены определенные экономические связи между евреями Палестины/Эрец-Исраэль и Трансиорданией. Так, общественный деятель и промышленник Пинхас (Петр) Рутенберг (Pinhas Rutenberg, 1879–1942) в 1927 г. получил от иорданских властей концессию на строительство гидроэлектростанции в Нахараим, при слиянии рек Ярмук и Иордан. В 1929 г. другой инженер – выходец из России, Моше Новомейский (Moshe Novomeysky, 1873–1961), возглавлявший Палестинскую компанию по производству поташа, получил от властей Трансиордании право на разработку месторождений в районе Мертвого моря⁹⁶. У обоих сложились хорошие личные отношения с эмиром (впоследствии королем⁹⁷) Абдаллой.

В разное время с Абдаллой встречались практически все известные лидеры ишува и сионистского движения; насколько известно, первым был президент Сионистской организации Хаим Вейцман, который несколько раз встретился с Абдаллой во время визита последнего в Лондон летом 1922 года. В апреле 1926 г. Хаим Вейцман и руководитель Политического отдела Сионистской организации Фридрих Герман Киш (Friedrich Hermann Kisch, 1888–1943) посетили Амман и вновь встретились с Абдаллой (Ф.Г. Киш прежде встречался с Абдаллой и в Иерусалиме, и в Аммане)⁹⁸. В феврале 1931 г. Абдалла вновь при-

нял Ф.Г. Киша⁹⁹, а в марте 1932 г. – сменившего его Хаима Арлосорова (Chaim Arlosoroff, 1899–1933), которого сопровождали сотрудники Политического отдела Моше Шарет и Аарон Хаим Коэн (Aharon Chaim Cohen, 1907–1962)¹⁰⁰. В декабре 1933 г. М. Шарет вновь встретился с Абдаллой, на этот раз в Иерусалиме, а в феврале 1934 г. – в частном доме Мухаммеда аль-Анси (Muhammad al-Unsi), будущего начальника королевской канцелярии и заместителя премьер-министра Иордании, который, начиная с 1933 г. и до своей смерти в 1946 г., был наиболее доверенным лицом Абдаллы в контактах с представителями Еврейского агентства¹⁰¹. В апреле и сентябре 1934 г. Абдалла встречался с М. Шаретом в Аммане¹⁰², в июне – с Х. Вейцманом в Лондоне¹⁰³, в декабре того же (а также в феврале следующего) года гостем короля в его дворце в Аммане был А.Х. Козн¹⁰⁴. В июле 1935 г. и в ноябре 1936 г. М. Шарет вновь встречался с Абдаллой в Аммане¹⁰⁵. Прибыв в мае 1937 г. в Лондон на торжества, посвященные коронации нового британского монарха Георга VI, Абдалла вновь не упустил возможность встретиться с сионистскими представителями; на этот раз его собеседниками были директор строительной компании «Солель боне», вице-мэр Хайфы Давид Хакоэн (David Hacoen, 1898–1984), в будущем – председатель Комиссии по иностранным делам и обороне в Кнессете второго – шестого созывов, и член руководства «Хаганы» и муниципального совета Тель-Авива Дов Хоз (Dov Hoz, 1894–1940). Абдалла беседовал не только с влиятельными еврейскими лидерами, но и с просившими его о встрече менее известными представителями ишува. Так, например, в августе 1926 г. он крайне гостеприимно принял д-ра Шауля Мизана (Saul Mizan)¹⁰⁶, в ноябре 1932 г. – членов Исполкома Сионистской организации от религиозных партий Эммануэля Ноймана (Emmanuel Neuman) и Гешеля Фарбштейна (Heschel Farbstein, 1870–1948)¹⁰⁷, в 1936 г. – хайфского скрипача Йосефа Абилеа (Joseph Abileah, 1915–1994)¹⁰⁸. Показательно, что глава Трансиордании не прекращал контакты с представителями ишува и в тяжелый период 1936–1937 гг., когда Палестина/Эрец-Исраэль находилась на грани гражданской войны.

Переговоры между сторонами продолжались и в последующие годы. В этом контексте показательны слова Моше Шарета, сказанные на заседании одного из форумов Еврейского агентства 12 марта 1942 г.: «Поскольку известно, что он [речь

шла о короле Абдалле] поддерживает контакты с евреями, и что он в любом случае не является убежденным подстрекателем против евреев, [король] считает необходимым время от времени высказываться против подобных контактов, чтобы не вступать в конфликт с арабскими националистами. Ввиду того, что нам важно, чтобы он не отклонялся от политики компромисса [с сионистским движением], мы не заинтересованы ослаблять его позиции»¹⁰⁹.

С течением времени, однако, несовпадение интересов сионистского движения и Абдаллы становилось все более явным. С начала 1930-х годов Абдалла стремился усилить свое политическое влияние в Палестине/Эрец-Исраэль в надежде реализовать давний план – объединить под своей властью оба берега реки Иордан, то есть, включить территорию Палестины/Эрец-Исраэль в состав эмирата Трансиордания. Впоследствии он планировал включить в состав своего эмирата и Сирию, реализовав, таким образом, мечту о «Великой Сирии», о чем он недвусмысленно писал, например, в своем письме британскому Верховному комиссару в Палестине (этот пост он занимал в 1931–1937 гг.) сэру Артуру Уокеру (Arthur Grenfell Wauchop, 1874–1947) 22 февраля 1936 г., а затем говорил его преемнику, Гарольду МакМайклу (Harold MacMichael, 1882–1969), в конце июня 1940 г.¹¹⁰ Во время арабского восстания 1936–1939 гг. Абдалла искусно лавировал между всеми сторонами конфликта: евреями, палестинскими националистами и англичанами, однако основной его целью было и оставалось расширение собственных владений.

У самого Абдаллы не было проблем с легитимацией, ибо он принадлежал к одной из самых уважаемых в арабском мире династий, считаясь прямым потомком пророка Мухаммеда в 37-м (по другим версиям, в 40-м) колене. Хашимиты (букв. *потомки Хашима*) – ветвь знаменитого аравийского племени Курейш, подчинившего себе территорию вокруг города Мекки во II веке н.э. Постепенный рост могущества курейшитов позволил им стать серьезными претендентами на власть в Мекке. В 480 г. шейх Курейш по имени Кусей стал правителем города. Разрастаясь, племя начало делиться на ветви, родоначальником одной из которых считается внук Кусея Хашим, именуемый в генеалогическом древе иорданской королевской династии королем Мекки; от его имени пошло и название ветви. Внуки Хашима – Абдалла (отец пророка Мухаммеда), Абу Талиб

(отец халифа Али), Аббас (родоначальник халифской династии Аббасидов). От брака дочери пророка Фатимы и Али, приходившегося Мухаммеду двоюродным братом, родилось два сына – Хусейн и Хасан. Прямые потомки первого называются *сейиды* (господа, государи, владыки), второго – *шерифы* (благородные). Иорданские Хашимиты – представители шерифской ветви потомков пророка.

Серьезная проблема, однако, состояла в том, что Трансиордания многими, в том числе, и в арабском мире, рассматривалась как искусственное политическое образование, никогда прежде не существовавшее на карте мира. Столица Иордании – Амман – еще в начале XX века был совершенно заурядным провинциальным поселком. Три тысячи лет назад, в начале XII в. до н.э., этот город (называвшийся тогда Раббат-Аммон) был столицей аммонитского царства; статус города сохранился в вавилонский и ахеменидский персидский периоды. После разрушения Иерусалима в 586 г. до н.э. царем Вавилона Навуходоносором II, Раббат-Аммон принял немало бежавших из Иудеи евреев. При персидском царе Артаксерксе (правил в 464–423 гг. до н.э.) власть в Раббат-Аммоне досталась династии Товиадов (упомянуты в Книге Нехемии 4: 3–8), которая, по предположениям историков, была последним кланом некогда могущественного народа Аммона. В 1805 г. в Аммане побывал немецкий исследователь Ульрих Зеетцен; в составленном им описании город предстает в виде нескольких глинобитных лагуч и жилищ, вырубленных в скалистых отрогах. В конце XIX века султан Абдул-Хамид II велел поселить здесь черкесских беженцев, которые и прибыли в город в 1878–1880 гг. В 1893 г. число амманцев составило одну тысячу человек, в 1903 г., когда через город провели Хиджазскую железную дорогу, – 3 тысячи. В 1918 г. площадь Аммана не превышала нескольких квадратных километров, а население – 5 тысяч человек. Лишь в 1927 г. был завершен королевский дворец Рагадан, который построили черкесы, поэтому архитектурно он напоминал традиционный адыгский дом. До этого Абдалла и его приближенные арендовали дома у местных черкесов, часть двора жила в палатках¹¹¹. Конечно же, столица Иордании в то время никак не могла сравниться ни с Дамаском, ни с Иерусалимом, на которые и засматривался эмир Абдалла.

Не менее серьезная проблема состояла в том, что после того, как в 1925 г. шериф Хусейн и сменивший его годом ранее

на престоле сын Али вынуждены были покинуть территорию Аравийского полуострова, где было создано Королевство Саудовская Аравия во главе с Ибн Саудом, Хашимитская династия потеряла контроль над мусульманскими святынями Мекки и Медины. Возможное владение Иерусалимом – третьим по значимости святым городом в исламе – могло компенсировать понижанный статус Хашимитской династии. Сложность положения заключалась в том, что ни лидеры еврейского ишува, ни большинство палестинских арабов отнюдь не стремились видеть Абдаллу королем в Иерусалиме. Наиболее антииорданскую позицию занимал иерусалимский муфтий Хадж-Амин аль-Хусейни, который видел именно себя во главе администрации вечного города после грядущего ухода британских мандатных сил. Для большинства (хотя и не для всех) сионистских лидеров Абдалла был явно более предпочтительным партнером по урегулированию, чем радикально настроенный муфтий, поэтому, парадоксальным образом, король Трансиордании и руководство еврейского ишува объединял общий интерес, крайне важный для обеих сторон: противодействие формирующемуся палестинскому национализму. При этом каждая сторона надеялась на то, что территории, которые, в принципе, могли бы получить палестинские арабы, достанутся ей. Еще в середине 1930-х годов между королем Абдаллой и Политическим отделом Сионистской организации был выработан более или менее ясный обоим сторонам статус-кво, который, однако, был результатом не столько взаимного признания и четкого и согласованного понимания итоговых целей, сколько временным соглашением, которое могло оставаться в силе только до тех пор, пока какая-либо из сторон не получит возможность пересмотреть его в удобном для себя направлении.

Переговоры с королем Абдаллой и его представителями о будущем Палестины/Эрец-Исраэль были очень интенсивными, однако, как справедливо отмечает И. Галь-Нур, палестинские арабы играли в этом переговорном процессе второстепенную роль¹¹². Восприятие палестинских арабов, присущее большинству сионистских лидеров, особенно отчетливо проявилось в ходе пятой конференции руководства Еврейского агентства в 1937 г. Когда Иехуда Лейб Магнес (Judah Leon Magnes, 1877–1948), бывший в то время президентом Еврейского университета в Иерусалиме, выступил с предложением провести переговоры о будущем Палестины/Эрец-Исраэль со всеми заинтере-

ресованными сторонами, и, прежде всего, с палестинскими арабами, это предложение вызвало ряд возмущенных реплик. Давид Бен-Гурион иронически заметил: «Разве Ваш переезд в Эрец-Исраэль был обусловлен согласием со стороны арабов?» Раввин Меир Бар-Илан (Берлин, 1880–1949) вопрошал: «Разве Еврейский университет был открыт с согласия арабов?»¹¹³. Другими словами, по мнению лидеров ишува, развитие событий в Палестине/Эрец-Исраэль почти никоим образом не зависело от готовности местного арабского населения к сотрудничеству. Эта позиция была, как показали последующие события, в корне ошибочной. Прошло десять лет, и британцы объявили о своем уходе из Палестины/Эрец-Исраэль; в последующие два года были установлены и линии прекращения огня (фактически ставшие государственными границами) между Израилем и всеми граничащими с ними арабскими странами. Более ста тысяч палестинских арабов остались в Государстве Израиль, и вопрос их интеграции (а сегодня их число превышает миллион человек) в израильское общество фактически не решен до сегодняшнего дня, не говоря уже о весьма проблематичном статусе палестинских арабов, живущих на территориях, занятых Израилем в 1967 г. Проблема взаимоотношений с палестинскими арабами со временем оказалась значительно более сложной, чем вопрос об отношениях с правителями Турции, Великобритании или Иордании.

Попытки добиться создания еврейского национального очага мирным путем, предпринимавшиеся многолетним руководителем Всемирной Сионистской организации Хаимом Вейцманом на различных этапах его деятельности, могут служить иллюстрацией той позиции, которая была присуща руководству еврейского национального движения в целом. Поначалу Х. Вейцман считал, что будущее еврейского ишува зависит от договоренности с лидерами Британии и арабских стран. Эта позиция нашла свое воплощение в широко известном соглашении Х. Вейцмана с Фейсалом (Feisal I, 1885–1933), признанным вождем арабского национализма, сыном эмира Хусейна из Мекки, в марте 1920 г. провозглашенным королем Сирии (несколько месяцев спустя Фейсал был низложен французами, а в августе 1921 г. объявлен британцами королем Ирака). Когда в 1918 г. газета правителя Мекки Хусейна выразила сердечное приветствие вернувшимся на свою землю изгнанникам – «древнейшим сынам этой страны, чьи арабские братья обретут

благодаря им как материальные, так и духовные блага»¹¹⁴ – Х. Вейцман направился в Акабу на встречу с Фейсалом. В соглашении с Х. Вейцманом, подписанном 3 января 1919 г. Фейсал отказался от каких-либо притязаний на Палестину/Эрец-Исраэль: ее территория должна полностью принадлежать евреям и не входить в новое арабское государство, которое будет образовано под его началом. Впрочем, в постскриптуме к соглашению Фейсал добавил, что оно вступит в силу только в том случае, если арабы получат независимость, в соответствии с направленным британскому правительству меморандумом. С течением времени напряженность в Палестине/Эрец-Исраэль существенно возросла, а Британия начала постепенно отходить от своих первоначальных позиций, которые раньше казались незыблемыми. Эти процессы заставили Х. Вейцмана переориентировать свои усилия на Британию. В письме, адресованном Уинстону Черчиллю, бывшему тогда министром колоний, Х. Вейцман сетовал на то, что Британия отошла от своих первоначальных обещаний, и заверял, что подобная политика ей крайне невыгодна, поскольку именно еврейское государство могло бы стать форпостом Британской империи на Ближнем Востоке. Х. Вейцман не рассматривал палестинских арабов как партнеров по переговорам о будущем Палестины/Эрец-Исраэль и полагал, что любые договоренности с ними должны согласовываться с британской политической линией. Во-вторых, несмотря на то, что идея «великой Сирии» под руководством Фейсала после 1920 г. в значительной мере потеряла актуальность, Х. Вейцман, тем не менее, был заинтересован поддерживать с ним контакты, то есть полагал, что подлинно влиятельные лидеры арабского народа находятся за пределами Палестины/Эрец-Исраэль. В-третьих, из его письма следовало, что руководство Палестиной/Эрец-Исраэль должно осуществляться британскими властями совместно с сионистским движением, тогда как местным арабам отводилась второстепенная роль. В-четвертых, он призывал британские власти максимально жестко реагировать на любые бунтарские проявления со стороны арабов¹¹⁵. Таким образом, в понимании Х. Вейцмана существовали два значимых фактора – позиция Британии и позиция правителей соседних с Палестиной/Эрец-Исраэль арабских государств. При этом второстепенная роль, отводившаяся палестинским арабам, объяснялась не пренебрежением к ним, а пониманием достаточно объективного в то

время факта, что их влияние на развитие политических событий было крайне невелико.

В этой связи заслуживает упоминания позиция так называемого еврейского «рабочего движения», которая на протяжении мандатного периода также прошла ряд модификаций, однако имела иную, нежели у Х. Вейцмана, точку отсчета. В 1920-х гг. отношение «рабочего движения» к арабскому населению Палестины/Эрец-Исраэль вырабатывалось преимущественно под влиянием социалистических воззрений, а точнее – классовой концепции, гласившей, что палестинская проблема не могла быть решена до тех пор, пока в арабском обществе у власти находятся феодалы – зажиточные кланы Хусейни (Husseini) и Нашашиви (Nashashibi). С точки зрения тех, кто придерживался данной концепции, в тот момент, когда еврейское рабочее движение займет в Палестине/Эрец-Исраэль доминирующие позиции, а в арабской среде образуется аналогичное движение, все противоречия будут сняты¹¹⁶. Приверженцы подобной позиции фактически самоустраивались от каких-либо попыток разрешить проблему, поскольку не имело ни малейшего смысла искать контактов с палестинскими арабами и пытаться наладить с ними диалог в том случае, если корень конфликта находился в классовой структуре самого арабского общества. Однако после беспорядков, произошедших в 1929 г., пришло понимание того факта, что монолитное рабочее движение в арабо-палестинской среде не может возникнуть в принципе, а даже если бы и могло, то главная проблема носит все же не классовый, а национальный характер, и в этом смысле арабские рабочие и арабские феодалы находятся по одну сторону баррикад. Примечательно, что именно среди лидеров «рабочего движения» впервые раздались голоса о том, что палестинские арабы имеют свои собственные национальные устремления, вовсе не идентичные устремлениям арабского народа в целом. Основным выразителем этой позиции стал Моше Шарет, в будущем – первый министр иностранных дел и второй глава правительства Израиля. На заседании руководства Рабочей партии (МАПАЙ), которое состоялось сразу же после беспорядков 1929 г., он произнес речь, в которой эта позиция была обрисована предельно ясно. Он заявил о том, что палестинские арабы рассматривают себя как самостоятельную нацию и что у них есть субъективное право не считать себя интегральной и неотъемлемой частью единого арабского

народа, под властью которого находятся обширные территории в Ираке, Хиджазе (Саудовской Аравии) или Йемене¹¹⁷. По-видимому, именно этот подход привел М. Шарета к поддержке националистически ориентированного кандидата, д-ра Хусейна аль-Халиди (Hussein Fakhri Al-Khalidi, 1895–1966), в ходе муниципальных выборов 1934 г. в Иерусалиме. Многие возражали против подобного шага, однако М. Шарет остался верен своей позиции и, в конечном итоге, более умеренный кандидат от клана Нашашиви потерпел поражение¹¹⁸ (Хусейн аль-Халиди оставался мэром Иерусалима до 1937 г.; в 1950-х годах был членом кабинета министров Иордании, а в 1957 г. даже короткое время возглавлял его). Возможно, М. Шарет полагал, что основной помехой урегулированию межнационального конфликта являются британские власти, и поэтому не следует способствовать избранию поддерживаемого ими кандидата, тогда как человек, проникнутый националистическими устремлениями, сумеет лучше понять аналогичные устремления другого народа. Как бы там ни было, мнение М. Шарета не являлось доминирующим в сионистском руководстве в тот период. Признание национальных интересов палестинских арабов не повлекло за собой попыток договориться с ними. Напротив, большинство руководителей рабочего движения считало, что спокойствие может быть достигнуто лишь при посредничестве британских сил, а урегулирование проблемы в целом – в рамках конфедерации будущего еврейского государства и арабских стран.

Таким образом, отношение к палестинским арабам как к сообществу, обладающему крайне невысокой степенью политического влияния, равно как и поиски решения исключительно за пределами Палестины/Эрец-Исраэль, – оба этих подхода сыграли с сионистским движением злую шутку. К тому времени, когда вопрос о том, какова будет дальнейшая судьба палестинских арабов, оказался неразрывно связан с судьбой будущего еврейского государства, обнаружилось, что сионистское руководство демонстрирует полное отсутствие последовательной политической линии. Как следствие, участь местного арабского населения в ходе войны 1947–1949 гг. во многом была решена в результате стихийного стечения обстоятельств, и это нанесло непоправимый ущерб как самим арабам, так и еврейскому государству, образованному по окончании военных действий.

Глава V

ЗАВЕРШЕНИЕ БРИТАНСКОГО МАНДАТА, АРАБО-ИЗРАИЛЬСКАЯ ВОЙНА 1947–1949 ГОДОВ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

18 февраля 1947 г. британцы объявили о своей готовности передать полномочия по управлению Палестиной/Эрец-Исраэль Организации Объединенных Наций. Специальная комиссия ООН была направлена в Палестину/Эрец-Исраэль с целью изучить ситуацию и выработать решение, которое устроило бы как евреев, так и арабов. В конце августа 1947 г. комиссия опубликовала свои выводы и порекомендовала решение, которое в прошлом уже не раз отклонялось палестинскими арабами – раздел Палестины/Эрец-Исраэль между евреями и арабами и незамедлительное предоставление независимости обоим государствам; Иерусалим в соответствии с этим планом должен был получить статус «международного города» под опекой ООН¹¹⁹. После того, как 29 ноября 1947 г. резолюция Организации Объединенных Наций № 181 о разделе Палестины (в соотношении примерно 55% территории – евреям, 45% – арабам) была принята, Верховный арабский комитет (Arab Higher Committee) заявил, что никогда не признает законность подобного раздела. Арабские представители также подчеркнули, что любая попытка со стороны евреев основать собственное государство приведет к полномасштабной региональной войне. В то же самое время очередной Сионистский конгресс после недолгих дебатов решил поддержать план раздела Палестины/Эрец-Исраэль.

Исход палестинских арабов из городов и деревень происходил на всем протяжении первой арабо-израильской войны, начиная с того момента, когда Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию о разделе Палестины на два государства – еврейское и арабское. Декларируемая цель вооруженной борьбы, начатой арабами, заключалась в том, чтобы насильственным образом привести к срыву решения ООН и предот-

вратить создание еврейского государства. Еврейские лидеры выразили свое согласие с решением ООН, несмотря на то, что, согласно этому решению, наиболее священный для евреев город – Иерусалим, в котором они к тому же составляли большинство населения, должен был остаться за пределами суверенной еврейской территории. В противовес этому палестинские арабы и соседние арабские государства провозгласили о своем однозначном неприятии решения ООН, а также о намерении лишить евреев какой-либо возможности основать в Палестине/Эрец-Исраэль собственное государство. Победа еврейской общины в этой длительной и кровопролитной войне не была predetermined заранее, и ситуация могла развиваться в совершенно другом направлении. Непокколебимая решительность еврейских бойцов, а также стечение геополитических и военных обстоятельств привели, в конечном итоге, к победе, которая досталась дорогой ценой. Достаточно сказать, что в ходе Войны за независимость погибло около шести тысяч евреев, что составило 1% от всего населения еврейского государства на тот момент и примерно одну треть военных потерь, понесенных Израилем на протяжении всей его истории. Следует помнить, что проблема палестинского исхода возникла именно вследствие неготовности арабов принять резолюцию ООН, поскольку именно арабские страны, во многом спровоцированные радикальным руководством палестинских арабов, развязали войну. Об этом недвусмысленно заявил перед Советом Безопасности ООН 23 апреля 1948 г. (то есть, еще до того, как было провозглашено создание Государства Израиль) Джемаль Хусейни (Jamal Husseini, 1892–1982), племянник иерусалимского муфтия, бывший в то время заместителем председателя Верховного арабского комитета и его представителем в ООН: «Мы никогда не скрывали того факта, что военные действия начались по нашей инициативе»¹²⁰.

В отчете, поданном Совету Безопасности Специальной комиссией ООН по делам Палестины (The United Nations Palestine Commission) 10 апреля 1948 г., было сказано: «Еврейское агентство содействовало комиссии в деле реализации решения Генеральной Ассамблеи; арабские правительства и Верховный арабский комитет не только отказались от какого-либо сотрудничества с комиссией, но и насильственным образом препятствовали ее деятельности. Вооруженные отряды из соседних арабских стран проникли на территорию Палестины и

совместно с представителями местного населения совершают акты насилия с целью не допустить выполнения резолюции [Генеральной ассамблеи ООН]»¹²¹.

Так как историю войны Израиля за свою государственную независимость принято делить на пять этапов, возникновение проблемы палестинских беженцев также будет рассмотрено поэтапно, исходя из существующей периодизации военных действий¹²². **На первом этапе**, который начался сразу же после принятия резолюции ООН о разделе Палестины/Эрец-Исраэль (то есть, 29 ноября 1947 г.) и продолжался четыре месяца, вплоть до марта 1948 г., ни один арабский населенный пункт не был захвачен вооруженными отрядами еврейской общины, поэтому еврейские силы никоим образом не были причастны к исходу нескольких десятков тысяч арабов (в различных источниках их численность оценивается по-разному, от 40 до 100 тысяч человек, в том числе 20–25 тысяч жителей Хайфы и 15–25 тысяч жителей Яффо), которые покинули свои дома в этот период. Побудительные причины для этого массового исхода были совершенно иными.

Декабрь 1947 г. прошел под знаком непрекращающихся беспорядков, инициаторами которых были арабы, протестовавшие против решения ООН. 2 декабря толпа арабов устроила погром еврейского торгового центра в Иерусалиме, а британская администрация, в буквальном смысле слова уже паковавшая чемоданы, не сделала ничего, чтобы остановить их. В Палестину/Эрец-Исраэль стали проникать боевики, ударной силой которых явились подразделения Арабской армии спасения. 9–14 января были совершены нападения на три еврейских поселения, среди защитников которых были человеческие жертвы. Руководство «Хаганы» – наиболее влиятельной на тот момент еврейской вооруженной организации, насчитывавшей тридцать пять тысяч бойцов и семнадцать тысяч единиц стрелкового оружия¹²³ – поначалу было склонно относиться к насильственным действиям со стороны арабов не как к началу полномасштабной войны, а как к новому витку кровавых беспорядков, подобных имевшим место в 1920–1921, 1929 и 1936–1939 гг., когда арабы устраивали многочисленные антиеврейские погромы, в которых погибли сотни человек. Поскольку иерусалимский муфтий и глава Верховного арабского комитета Хадж-Амин аль-Хусейни (Haj Amin Al-Husseini, 1895–1974) стремился спровоцировать евреев на ответные действия и добиться, та-

ким образом, эскалации конфликта, Д. Бен-Гурион принял решение о проведении вооруженными силами еврейской общины максимально сдержанной политики¹²⁴. Несмотря на то, что к середине декабря участились акции возмездия, совершаемые «Хаганой», в целом она по-прежнему сохраняла приверженность политике сдержанности и старалась, насколько было возможно, сократить число вооруженных стычек и предотвратить развязывание широкомасштабной войны между еврейским и арабским населением.

Вместе с тем, подразделения «Хаганы» иногда совершали насильственные действия по отношению к арабскому населению, которые, однако, носили спорадический характер и не инспирировались приказами сверху. Впоследствии они, как правило, осуждались государственными и разведывательными службами, а зачастую и самим Д. Бен-Гурионом. Так, на его встрече с командирами и бойцами «Хаганы», состоявшейся 1–2 января 1948 г., последние были подвергнуты острой критике из-за того, что подразделения «Хаганы» по своей инициативе атаковали деревни Силуан, Ябец и Хейсас, а также несколько арабских поселений в Негеве. Эзра Данин (Ezra Danin, 1903–1985), создатель арабского отдела израильской разведки и многолетний советник Политического отдела Сионистской организации по арабским вопросам, равно как и известный фермер Гад Махнес (Gad Machnes, 1893–1954) заявили, что подобные действия, и, в особенности, атака деревни Хейсас, в ходе которой погибли десять мирных жителей, только провоцируют арабов на ответные действия. В то же время Моше Даян (Moshe Dayan, 1915–1981) и другие члены руководства «Хаганы» были убеждены, что подобные действия, в конечном итоге, идут на пользу еврейской общине, поскольку запуганные арабские жители будут стремиться положить конец насилию и прийти к мирному соглашению со своими еврейскими соседями¹²⁵. Тем не менее, Д. Бен-Гурион направил письмо М. Шарету, находившемуся на тот момент в Нью-Йорке, в котором утверждал, что атака на Хейсас была произведена без его ведома. По его словам, командование «Хаганы» выразило сожаление о потерях среди мирного населения¹²⁶. После этого инцидента к подразделениям «Хаганы» были прикреплены советники по арабским делам; впрочем, высказывавшиеся ими соображения далеко не всегда учитывались полевыми командирами¹²⁷.

На заседании в Каире Арабская Лига приняла решение о том, что страны-участницы должны послать в Палестину экспедиционные войска под видом «добровольческих бригад». В январе 1948 г. авангардный батальон Арабской армии спасения (Arab Liberation Army), под командованием Фаузи аль-Кауджи (Fawzi al-Quawuqji), бывшего старшего офицера иракской армии, пересек сирийскую границу и занял боевую позицию на севере Палестины/Эрец-Исраэль. За ним прибыл другой батальон, под командованием Адиба Шисакли (Adib Shishakli). Трансиорданскому Арабскому легиону (Arab Legion) и вовсе не потребовалось нелегально пересекать границу. Некоторые его части, находившиеся под командованием британских офицеров, были дислоцированы в Палестине/Эрец-Исраэль с согласия властей, причем на расстоянии около 20 километров от Тель-Авива¹²⁸.

Следует отметить, что Верховный арабский комитет категорически противился заключению любых мирных соглашений между евреями и арабами. Муфтий, несмотря на то, что иногда призывал сократить масштабы вооруженной борьбы, не шел ни на какие действия, в которых содержался хотя бы минимальный намек на мир с евреями, лично сорвав несколько попыток мирного урегулирования. Так, к примеру, в середине января 1948 г. представители влиятельных семей арабского города Бисан (Бейт-Шеан) и руководители еврейских поселений в долине Бейт-Шеана пришли к неофициальному мирному соглашению, однако, согласно информации британского окружного губернатора Галилеи (Galilee District Commissioner), Верховный арабский комитет во главе с Хадж-Амином аль-Хусейни воспрепятствовал его реализации¹²⁹. При этом подобный отказ идти на какие бы то ни было соглашения с евреями был продиктован исключительно идеологическими соображениями. Как отмечает известный американский историк палестинского происхождения, профессор Колумбийского и Чикагского университетов Рашид Халиди (Rashid Khalidi), «находясь в изгнании, на большом расстоянии от Палестины, пребывая в неведении как относительно опустошающего эффекта, производимого британскими репрессиями в отношении палестинских арабов, так и в отношении растущих день ото дня еврейских сил, муфтий был полностью оторван от событий, происходивших в Палестине, и его политика чрезвычайно слабо соотносилась с реальностью»¹³⁰.

Несмотря на тот факт, что вооруженные стычки происходили в основном в деревенских районах, массовое бегство арабских жителей началось с городов – Хайфы (этот город согласно карте ООН попадал под юрисдикцию еврейского государства), Яффо и Иерусалима. Первым документированным бегством из Хайфы был уход из города 250 арабских семей 4 декабря 1947 г. В соответствии с данными британской администрации, до середины декабря Хайфу покинуло от пятнадцати до двадцати тысяч арабских жителей. Важной причиной бегства явился полнейший хаос, отсутствие закона и порядка в городе. Первыми Хайфу покидали представители зажиточных арабских семей. Как показывает в своей недавно опубликованной книге Йоав Гелбер, тысячи палестинских арабов, занятых на государственной и общественной службе – врачей, чиновников, адвокатов, клерков и т.п. – оказывались без работы и покидали места своего проживания одновременно с расформированием мандатной администрации. Подобная ситуация задавала определенную модель поведения и создавала атмосферу безысходности, которая быстро распространилась на более широкие слои населения. От половины до двух третей арабских жителей таких городов как Хайфа и Яффо, оставили свои дома еще до того, как войска еврейского ишув атаковали эти города во второй половине апреля 1948 г.¹³¹

До начала описываемых событий в Яффо проживало от шестидесяти до семидесяти тысяч арабов. Уже 2 декабря 1947 г. разведывательные службы «Хаганы» сообщили о массовом бегстве арабов из районов Маншия и Абу-Кабир. Местные старейшины в большинстве своем противились насильственным действиям против «Хаганы», поскольку опасались акций возмездия. Юсуф Хейкал (Youssef Heikal, в других источниках – Yussuf Naykal), глава муниципалитета Яффо, в начале декабря 1947 г. отправился в Каир с целью повлиять на Арабскую лигу, чтобы та разрешила ему подписать соглашение о прекращении огня, однако нерегулярная армия Х.А. аль-Хусейни продолжала искать стычек с «Хаганой». Ю. Хейкал при посредничестве англичан пытался достичь соглашения о прекращении огня, однако Абдул Вахаб Али Шихайни (Abdul Wahab Ali Shihaini), один из командиров армии Х.А. аль-Хусейни, воспрепятствовал этому. По свидетельству Д. Бен-Гуриона, в ответ на замечание Ю. Хейкала, что если соглашение не будет достигнуто, арабский город Яффо будет стерт с

лица земли, Шихайни заявил: «Меня это не интересует. Главное – это уничтожить Телль-Авив»¹³².

Эвакуация арабов из сельских районов началась в декабре 1947 г. В январе – феврале 1948 г. она еще не носила массового характера, тогда как в марте ее уже можно было охарактеризовать как повальное бегство. Эвакуация эта являлась, как правило, прямым следствием операций возмездия, проводимых «Хаганой», или происходила от страха перед подобными операциями, и поэтому затрагивала лишь те районы, в которых случались стычки или те, которые находились вблизи еврейских населенных пунктов. В этот период больше всего арабов эвакуировалось из района между Тель-Авивом и Хадерой, который был заселен в основном евреями и который, в соответствии с решением ООН, должен был оказаться внутри еврейского государства. Как правило, бегство происходило по цепочке – люди бежали из одной деревни в другую, и их страх передавался жителям других деревень, которые начинали в свою очередь готовиться к эвакуации. Большинство жителей бедуинских селений бежали в страхе перед предстоящими атаками «Хаганы» еще до того, как они были реально атакованы.

В этой связи чрезвычайно важным представляется вопрос, каково было отношение Верховного арабского комитета к массовому бегству палестинских арабов. Бенни Моррис утверждает, что не нашел ни одного свидетельства о том, что руководители арабских стран поддерживали массовое бегство палестинских арабов или отдавали прямые приказы об эвакуации¹³³; вместе с тем, он описывает не один и не два случая, когда арабские лидеры настоятельно требовали эвакуировать женщин, стариков и детей в безопасные районы. Так, к примеру, 22 апреля 1948 года Национальный комитет Иерусалима приказал всем своим местным отделениям вывести из окрестных деревень женщин и детей в безопасные места и предупредил, что нарушение этого приказа является прямой помехой джихаду. Жители Каландии, которые покинули свою деревню, а затем вернулись, вновь бежали, и деревня превратилась в опорный пункт Арабской армии спасения; женщины и дети переправились в Бейт-Джаллу и Вифлеем. Аналогичным образом, Арабская армия спасения приказала жителям деревень в районе Рош-Пины эвакуировать женщин и детей и самим быть готовыми эвакуироваться в любой момент¹³⁴. Та же картина наблюдалась и в ряде населенных пунктов в Галилее.

Всего же по приказу Верховного арабского комитета или местных арабских командиров в апреле – мае 1948 года были эвакуированы, частично или полностью, жители двадцати арабских населенных пунктов¹³⁵, в том числе нескольких городов. Как отмечала много лет спустя арабская исследовательница Б.Н. аль-Хат (Bayan Nuwayhid al-Hut), «евреи были шокированы, когда город Цфат оказался в их руках без единого арабского жителя». Автор заключает, что падение арабских городов и деревень неразрывно связано с действиями и упущениями политического и военного командования палестинских арабов¹³⁶.

Самоликвидация политических и экономических структур мандатной власти имела неодинаковые последствия для евреев и арабов. Мандатные власти предоставляли всем без исключения группам населения, исходя из их национально-религиозной принадлежности, возможность создавать свои собственные автономные структуры, призванные удовлетворять различные нужды представителей их общин. Евреи в полной мере воспользовались этим шансом и сформировали политические, социальные, экономические и образовательные структуры, необходимые для «государства в пути»¹³⁷, тогда как арабские лидеры ограничились созданием исключительно религиозных учреждений. В результате, большая часть социальных нужд арабского населения удовлетворялась в виду наличия структур, созданных мандатными властями. Как отмечает американский историк Дон Перец (Don Peretz), «арабская община не имела своего собственного “теневого правительства” и лишь немногие ее представители являлись высокопоставленными административными служащими. Таким образом, они не обладали достаточным опытом для формирования независимых управленческих структур. Почти все административные функции в арабских районах находились под контролем британских властей. Когда британская администрация сложила с себя соответствующие полномочия, не нашлось ни одного арабского органа власти, который был бы в состоянии самостоятельно управлять жизнью общины и удовлетворять важнейшие социальные нужды ее представителей»¹³⁸.

Об этом же писал палестинский юрист Генри Каттан (Henry Cattan): «Ситуация полного хаоса, в который погрузилась вся страна, подвигла многих палестинцев на поиски временного убежища в других районах Палестины или же за ее пределами – в соседних государствах. В течение многих лет евреи готови-

лись к подобной ситуации с политической, военной и экономической точек зрения. На протяжении длительного времени они вынашивали планы по созданию еврейского государства. С окончанием мандата евреи относительно легко могли перейти к автономному правлению, будучи оснащены всеми необходимыми для этой цели средствами, включая также и хорошо обученную армию. В противовес этому, арабская община не обладала ни «теневым правительством», ни подобающей военной организацией, ни социальными институтами, способными взять на себя управленческие функции и удовлетворить фундаментальные нужды населения»¹³⁹. Х. Каттан цитирует вывод Д. Переца: «С распадом структур власти, необходимых для поддержания правопорядка, социального обеспечения, подачи воды, электричества, функционирования полиции, почты, учреждений в сфере образования и здравоохранения, моральный дух арабского населения пришел в полнейший упадок»¹⁴⁰. На этом этапе органы управления и поддержания правопорядка британской мандатной администрации сворачивали свою работу, и все их работники из числа местных жителей были уволены.

Исход большинства представителей обеспеченного среднего класса и аристократии из городов и деревень, которые в соответствии с картой ООН должны были войти в состав еврейского государства, не мог не повлиять на все арабское общество в Палестине/Эрец-Исраэль. Во-первых, это была та социальная прослойка, к которой принадлежало палестинское руководство, потенциально способное сформировать местную администрацию, которая могла бы прийти на смену мандатным управленческим структурам, прекратившим свое существование. Во-вторых, это были работодатели, которые обеспечивали занятость населения в различных областях сельского хозяйства, а также в городах – на ремесленных работах и в сфере общественных услуг. Их эмиграция, в дополнение к исчезновению крупнейшего работодателя – мандатной администрации, не могла не привести к дальнейшему обострению проблемы безработицы и падению жизненного уровня населения.

Американский востоковед Говард Сакер справедливо отмечал, что палестинское руководство оказалось не в состоянии реализовать те возможности, которые имелись в его распоряжении, благодаря автономии, предоставленной мандатными властями. «В конечном итоге, настал час расплаты: это был

исход в столь ошеломляющих масштабах, что арабское руководство было неспособно ни предотвратить его, ни придать ему организованный характер. Более того, потенциальные руководители [палестинских арабов] первыми стали искать убежище в соседних арабских странах. Такие семейства, как Хусейни и Нашашиви, являлись интеллектуальной и политической элитой, которая отсутствовала именно в тот момент, когда палестинцы нуждались в ней больше, чем когда бы то ни было»¹⁴¹. Израильский историк Том Сегев (Tom Segev) приводит отрывок из воспоминаний видного палестинского общественного деятеля, бывшего в последующие годы членом нескольких иорданских правительств, Ануара Нуссейбы (Anwar Nusseiba, 1913–1986), который отмечал, что первыми страну покинули представители наиболее зажиточных семей, опасаясь, что вооруженные формирования палестинских арабов, под угрозой нанесения ущерба их имуществу и им самим, заставят их покрывать расходы, вызванные ведением военных действий. По словам Т. Сегева, «на их счастье – и на их же горе – им было куда бежать, и это серьезно ослабило их решимость [сопротивляться]. В результате массового исхода палестинские национальные структуры оказались полностью разрушены, и не способны были восстановиться на протяжении многих лет»¹⁴².

Американский востоковед Фред Хури (Fred Hourri) пришел к аналогичному выводу. По его словам, «спустя короткий промежуток времени после того, как в ноябре 1947 г. было принято решение о разделе Палестины, многие местные арабские лидеры, движимые страхом и эгоистическими побуждениями, бежали при появлении первых же признаков опасности, и, таким образом, бросили свой народ на произвол судьбы»¹⁴³. Видный ливанский интеллектуал профессор Константин Зурейк (Constantine Zurayk), бывший в 1948 г. вице-президентом Американского университета в Бейруте, со всей определенностью заявил, что «палестинские арабы проявили полнейшее бессилие... В тот момент, когда упали первые снаряды, они оказались ввергнуты в состояние паники. Они эвакуировали свои города и укрепленные позиции; они передали их врагу на “серебряном подносе”; многие бежали еще до начала боев в надежде отыскать убежище в соседних арабских странах или в отдаленных районах Палестины»¹⁴⁴. Впрочем, исход гражданского населения был не таким уж и редким сценарием на Ближнем Востоке. В ходе первой мировой войны тысячи ара-

бов и евреев бежали или были изгнаны оттоманскими властями; большинство из них вернулось лишь после того, как Палестина/Эрец-Исраэль была оккупирована Великобританией. Друзские бунтовщики бежали из Сирии от французских властей и нашли прибежище в Трансиордании, а впоследствии и в Палестине. Тысячи палестинских арабов бежали из страны в ходе арабского восстания 1936–1939 годов. Таким образом, как отмечает Йоав Гелбер, «с началом беспорядков палестинские арабы интерпретировали происходящее привычным образом и посчитали бегство естественным ответом на тяготы войны»¹⁴⁵.

Как уже было сказано, десятки тысяч палестинцев (значительное их число проживало в Хайфе), покинувших свои дома в ходе первых четырех месяцев с момента принятия резолюции ООН о разделе Палестины/Эрец-Исраэль, способствовали повсеместному формированию психологии массового исхода. Практически никто из них не был изгнан вооруженными формированиями еврейской общины или ее политическим руководством. Напротив, в апреле 1948 г., после того, как завершились бои в Хайфе, командование «Хаганы», крупнейшей на тот момент еврейской вооруженной организации, дало возможность арабам, покинувшим город, вернуться в него. В воззвании от имени Комитета еврейской общины в Хайфе, которое было обращено к арабским жителям города, говорилось: «Город останется открытым для каждого из вас, кто решит вернуться, чтобы возобновить мирное существование и трудовую деятельность»¹⁴⁶. Радиовещательная служба арабского отдела Еврейского агентства также пыталась сдержать массовое бегство арабских жителей Хайфы. Радиотрансляции настойчиво убеждали в том, что еврейские жители вовсе не желают бегства своих арабских соседей. Напротив, евреи верят в то, что интересы города требуют от представителей всех общин сосуществовать и работать вместе, дабы жизнь вернулась в нормальное русло. В передачах разъяснялись те меры, которые были приняты, дабы обеспечить доставку продуктов, а также сохранить здоровье и личное имущество арабских жителей. В начале мая 1948 г., когда массовое бегство достигло своего апогея, радио Еврейского агентства не переставало вещать на арабском языке: «Не паникуйте и не покидайте свои дома. Не подвергайте себя страданиям и унижениям. В отличие от ваших фанатичных лидеров, мы не сбросим вас в море, подобно тому, как они собираются сбросить нас»¹⁴⁷. Израиль

на тот момент еще не провозгласил свою независимость, официально война еще не началась, и лидеры еврейской общины не теряли надежды на добрососедские отношения между двумя народами. 17 ноября 1947 г. (то есть, еще до решающего голосования в ООН) израильские дипломаты Голда Меир и Элияху Сассон (Eliahu Sasson, 1902–1978) встретились с королем Иордании Абдаллой, который заверил их в том, что его страна не намерена атаковать Израиль после того, как будет провозглашена независимость еврейского государства¹⁴⁸. И только в ходе второй встречи, состоявшейся 10 мая 1948 г., король Абдалла отказался от своего первоначального обещания и, тем самым, поставил еврейскую общину в чрезвычайно тяжелую ситуацию. До тех пор (то есть, на протяжении всего того периода, определенного здесь как «первый этап») ее руководство надеялось на мирное урегулирование и, разумеется, воздерживалось от любых шагов (таких, как изгнание местного арабского населения), которые могли бы привести к эскалации конфликта в регионе. Даже такой радикальный критик израильской политики как Бенни Моррис отмечает, что на протяжении этих месяцев инициатива принадлежала арабам, в то время как стратегия еврейских вооруженных сил носила ярко выраженный оборонительный характер¹⁴⁹.

Что же касается Верховного арабского комитета и иерусалимского муфтия, то их одолевали противоречивые чувства. С одной стороны, они с огромным сожалением наблюдали за тяжелой ситуацией, в которой оказались арабские жители Палестины. С другой стороны, они понимали, что их борьба против еврейских вооруженных отрядов проиграна, и приходится рассчитывать только на вмешательство арабских стран. И в этой ситуации бегство арабских жителей было им только на руку, поскольку тяжелое положение палестинских арабов должно было подхлестнуть руководителей арабских государств и заставить их объявить войну Государству Израиль. Более того, подобное развитие событий дало бы этому нападению видимость легитимности в глазах международного сообщества.

Второй этап военных действий начался в первой половине апреля и продолжался вплоть до 15 мая 1948 г. Это был чрезвычайно тяжелый период, как для еврейской общины, так и для местного арабского населения. Кольцо блокады вокруг Иерусалима все сжималось, и, как следствие, ухудшалась ситуация с поставками продовольствия. Начиная с 22 февраля, ко-

гда пятьдесят два человека погибли и сто двадцать три получили ранения в результате взрыва, устроенного арабами на улице Бен-Иехуда в центре Иерусалима, арабы провезли в еврейские населенные пункты несколько заминированных автомобилей, вследствие чего погибли сотни людей. 11 марта 1948 г. арабским террористам удалось устроить взрыв в иерусалимском районе Рехавия, в результате чего пострадало здание, в котором размещались национальные институты еврейской общины; двенадцать человек погибли, и среди них – Арье (Лейб) Яффе (Leib Jaffe, 1875–1948), директор Национального Земельного фонда, еще десять получили ранения. Арабские страны провозгласили о своем намерении вторгнуться в Палестину/Эрец-Исраэль сразу же после прекращения срока действия британского мандата для того, чтобы не оставить евреям ни малейшего шанса на создание собственного суверенного государства. Около шести тысяч солдат, большая часть которых – иракские и сирийские подданные, пересекли границу еще до ухода британцев, и мандатные власти не предприняли никаких шагов для того, чтобы предотвратить их вторжение¹⁵⁰.

В конце марта 1948 г. будущее еврейского населения Палестины/Эрец-Исраэль рисовалось в самых мрачных красках. С политической точки зрения казалось, что США собираются отступить от своего первоначального решения поддержать раздел Палестины/Эрец-Исраэль на арабское и еврейское государства¹⁵¹. Министр обороны США Джеймс Форрестол пользовался любой возможностью выступить с критикой решения ООН. «Вы просто не понимаете, – говорил он, – что сорок миллионов арабов столкнут четыреста тысяч евреев в море. И в этом все дело. Нефть – мы должны быть на стороне нефти»¹⁵². Американские военные убеждали президента в невозможности посылки частей США в Палестину/Эрец-Исраэль в случае начала там полномасштабного вооруженного конфликта. Практически все дипломаты, а также сотрудники Государственного департамента, были против даже самой идеи создания еврейского государства в Палестине/Эрец-Исраэль. Позиции более или менее произраильски настроенного президента США Гарри Трумэна (Harry Truman, 1884–1972) ослаблялись тем, что против создания еврейского государства в Палестине/Эрец-Исраэль был настроен едва ли не самый популярный в то время американский политик, герой Второй мировой войны, будущий лауреат Нобелевской премии мира, Государственный секретарь,

генерал Джордж Маршалл (George Catlett Marshall, 1880–1958). По мнению американских военных, вероятность военного конфликта в Европе нарастала с каждым днем. В этой ситуации Дж. Маршалла заботила возможность беспрепятственного выхода к ближневосточной нефти. Поэтому все чаще и чаще в документах Государственного департамента проскальзывала мысль о том, что надо отложить практическое осуществление решения ООН. Аналитическая записка, которую получил Г. Трумэн из только что созданного им Центрального разведывательного управления (ЦРУ), также говорила о том, что раздел Палестины/Эрец-Исраэль не приведет к решению проблем региона. Это было тяжелое время и для самого Г. Трумэна: приближались президентские выборы, а его популярность стремительно снижалась. Согласно опросам, проводившимся институтом Гэллапа, уровень поддержки деятельности президента упал в 1948 г. до 36%. Раскол в его внешнеполитической команде не усиливал позиции президента. Решающее совещание американского руководства по вопросу определения будущего Палестины/Эрец-Исраэль состоялось лишь 12 мая 1948 г., за двое суток до провозглашения Государства Израиль. От лица сторонников признания Израиля выступал советник президента по внутренним делам, будущий министр обороны в администрации Л. Джонсона Кларк Клиффорд (Clark Clifford, 1906–1998), который призвал США в случае провозглашения еврейского государства признать его как можно скорее – главное, до того, как это сделает Советский Союз. К. Клиффорд предложил даже публично объявить о готовности Белого Дома признать новое государство еще до его официального провозглашения. Это будет акт в соответствии с политикой президента и пониманием гуманизма, – сказал К. Клиффорд. Шесть миллионов евреев, убитых нацистами, стали жертвами самого большого геноцида в истории, и каждый думающий человек должен принимать на себя хотя бы некоторую ответственность за выживших евреев, которым, в отличие от всех остальных европейцев, некуда ехать. Так как разделу Палестины нет реальной альтернативы, то «независимо от того, что думает Государственный департамент или кто-нибудь еще, факт заключается в том, что еврейское государство будет существовать. Думать иначе просто нереалистично», – подытожил К. Клиффорд¹⁵³. Однако Государственный секретарь Дж. Маршалл вновь крайне жестко выступил против. В итоге Г. Трумэном было

принято компромиссное решение: через одиннадцать минут после провозглашения Государства Израиль он подписал заявление о его признании «де-факто», однако признание «де-юре» состоялось только в 1949 г., после фактического окончания первой арабо-израильской войны. Когда Израиль уже был атакован арабами, администрация Г. Трумэна отказывалась на протяжении многих месяцев отменить введенное ею эмбарго на поставку оружия Израилю.

Это эмбарго поставило Израиль в крайне трудное с военной точки зрения положение. Еврейские города и поселения зачастую находились на значительном расстоянии друг от друга и, поскольку многие дороги контролировались арабскими боевиками, оказывались практически полностью отрезанными друг от друга. В этих условиях добраться из одного поселения в другое было практически невозможно. Поставки оружия и продовольствия были крайне затруднены, и большинство еврейских поселений находилось в кольце блокады.

Так как США приняли решение не поставлять оружие ни одной из сторон, вовлеченных в ближневосточный конфликт; в отсутствие иного выхода, руководство еврейской общины было вынуждено обратиться к Советскому Союзу с просьбой о поставках оружия, жизненно необходимых для спасения будущего еврейского государства. В начале апреля 1948 г. из СССР через Чехословакию прибыла партия оружия, включавшая в себя 4.700 ружейных стволов и боеприпасы.

9 апреля, в ходе совместной операции еврейских вооруженных подразделений ЭЦЕЛЬ и ЛЕХИ в арабской деревне Дир-Ясин, расположенной недалеко от Иерусалима, погибло около ста человек (см. далее в этой главе). По прошествии четырех дней цепочка сопровождаемых бронетранспортерами автомобилей, в которых находились члены медицинского персонала больницы «Хадасса», а также преподаватели и служащие Еврейского университета в Иерусалиме, подверглась вооруженному нападению в районе Шейх Джерах; из ста двенадцати пассажиров погибли семьдесят восемь человек¹⁵⁴. В ходе операции «Нахшон», которая продолжалась с 6 по 13 апреля, бойцы еврейских отрядов сумели прорвать блокадное кольцо вокруг Иерусалима¹⁵⁵; в конце апреля им удалось захватить город Яффо; 1 мая началась операция «Ифтах» в восточной Галилее. В то же время четыре еврейских поселения в Гуш-Эционе пали в тяжелом бою, в ходе которого погибли 157 их защитников¹⁵⁶.

Тот факт, что в большинстве военных операций вооруженные силы еврейского ишува добивались поставленных целей, можно объяснить несколькими факторами. Главной причиной можно считать то, что арабы готовились не к серьезной войне, а к борьбе, похожей на их восстание 1936–1939 годов; в отличие от еврейского ишува, они не объявили всеобщую мобилизацию, не выработали согласованной программы действий, не создали единого военного командования¹⁵⁷. Осознание местным арабским руководством масштабов происходящего пришло тогда, когда едва ли можно было что-либо изменить.

В начале марта 1948 г. руководители «Хаганы» выработали так называемый «четвертый план» [план «Далет»], цель которого состояла в защите будущего еврейского государства от вторжения арабских армий, которое должно было неизбежно произойти 15 мая с уходом британцев. Суть этого плана состояла в том, чтобы обеспечить территориальную непрерывность между различными еврейскими поселениями, которые могли бы служить опорными пунктами в ходе предстоящих боев. Согласно этому плану, требовалось «организовать устойчивую оборонительную систему с тем, чтобы обеспечить безопасность еврейских поселений, экономически важных объектов и имущества, что, в свою очередь, позволит функционировать государственным службам в границах государства (средством защиты внутренних районов еврейского государства и блокирования маршрутов проникновения вражеских войск на его территорию)»¹⁴⁸. Термин «оборонительная система» относился к уже существующей укрепленной зоне, которая полностью контролировалась еврейскими силами. Однако план «Далет» этим не ограничивался; в нем также шла речь о «вражеских базах», где находились боевики, предпринимавшие насильственные действия по отношению к еврейским поселениям и транспортным средствам, которые следовало атаковать в качестве превентивной меры.

Следует отметить, что, насколько известно, этот план, разработанный группой офицеров во главе с будущим главой Генерального штаба Игалеом Ядином (Yigael Yadin, 1917–1984), возглавлявшим на тот момент оперативный отдел «Хаганы», никогда не обсуждался на уровне политического руководства страны¹⁵⁹, поскольку носил исключительно военно-стратегический характер и не являлся воплощением какой-либо концепции государственного строительства. На этом, и только на

этом этапе, в ожидании предстоящего вторжения, отряды «Хаганы» начали захватывать арабские деревни, расположенные в стратегически важных местах. Создание территориальной непрерывности являлось неременным условием для успешного ведения войны. В некоторых случаях имевшиеся в распоряжении «Хаганы» силы оказывались недостаточными для того, чтобы оставить в тех или иных местах гарнизоны, призванные удерживать захваченные деревни под постоянным контролем, и по этой причине те жители, которые не покинули свои дома в ходе боев, впоследствии изгонялись. В иных случаях жителям позволяли остаться, и только в том случае, если они оказывали активное сопротивление силам «Хаганы», их заставляли покинуть деревню, тогда как деревни и поселки, жители которых не участвовали в боях, не пострадали вовсе.

С начала марта 1948 г. отряды «Хаганы» стали захватывать арабские деревни из опасения, что в противном случае Арабская армия спасения превратит их в форпост для нападений на еврейские населенные пункты¹⁶⁰. Опасение это возникло в тот момент, когда офицеры Армии спасения посетили несколько арабских деревень, расположенных по соседству с Хайфой, и приказали эвакуировать из них всех женщин, детей и стариков; мужчинам, способным владеть оружием, было приказано остаться. С целью предотвратить превращение арабских деревень в форпосты Армии спасения, силы «Хаганы» начали операцию по захвату тех из них, которые находились в центральном районе будущего еврейского государства. Первыми были заняты две арабские деревни к северу от Тель-Авива¹⁶¹. Предвидя последующий захват и других арабских деревень, тогдашний начальник штаба «Хаганы», будущий депутат Кнессета и министр Исраэль Галили (Israel Galili, 1911–1986) издал распоряжения полевым командирам об обращении с местными жителями. Эти инструкции призывали не нарушать индивидуальные права жителей деревень, за исключением тех случаев, когда подобное нарушение вызывалось острой военной необходимостью¹⁶².

По мере продвижения войск «Хаганы» массовое бегство принимало все более значительные масштабы. Подразделения ПАЛЬМАХа, которые оккупировали Кастель в ночь с 3 на 4 апреля, обнаружили эту деревню к западу от Иерусалима полностью опустевшей, за исключением присутствия одной престарелой женщины, которая просто физически не способна была

двигаться. В Дир-Макхазине, одной из первых захваченных «Хаганой» деревень, жители еще до начала боя бежали в соседнюю деревню Бет-Макзир. Жители деревни Сарафанд и прилегавших к ней арабских поселков бежали в Рамле. Несколько деревень в районе Шарон также были оставлены, несмотря на то, что никаких серьезных боев там не происходило¹⁶³.

Поскольку боевики нерегулярной армии проживали в деревнях, тогда как милиции этих деревень принимали, зачастую, активное участия в диверсиях против «Хаганы», большинство арабских деревень в той или иной степени считались враждебными. Полевые командиры не рассматривали план «Далет» как указание уничтожать арабские деревни. Однако поскольку было дано распоряжение изгонять тех жителей, которые оказали сопротивление, этот план оказался безупречным оправданием, поскольку всегда можно было сказать, что имелась необходимость военного характера ликвидировать тот или иной населенный пункт. Следует заметить, что далеко не все деревни, располагавшиеся вдоль ключевых дорожных артерий, таких, как шоссе Телль-Авив – Хайфа или Телль-Авив – Иерусалим, были разрушены, а их жители изгнаны. Приказы об эвакуации не распространились, к примеру, на такие деревни, как Парадиз и Хербат Джесир аль-Зарка, расположенные на пути из Хайфы в Тель-Авив, а также на деревню Абу-Гош, на пути из Иерусалима в Телль-Авив¹⁶⁴. Одно это доказывает, что план «Далет» носил ярко выраженный военно-стратегический, а отнюдь не политический, характер.

Валид Халиди в своей статье, посвященной плану «Далет», пишет, что одним из основных этапов его реализации являлся захват Хайфы и изгнание ее жителей, что и было успешно осуществлено подразделениями «Хаганы»¹⁶⁵. Стоит подробнее остановиться на том, как именно и в результате чего произошла массовая эвакуация жителей Хайфы, поскольку события, произошедшие в этом городе в апреле 1948 г., во многом являются показательными.

Первоначально руководство «Хаганы» не планировало проведение каких-либо операций в Хайфе, поскольку было известно, что хайфский порт необходим англичанам для упорядоченной эвакуации из Палестины/Эрец-Исраэль. Однако давление, оказанное приверженцами Х.А. аль-Хусейни в середине апреля 1948 г., заставило англичан отступить с территории, разделявшей еврейские и арабские районы, после чего много-

численные провокации со стороны боевиков муфтия вынудили «Хагану» перейти к решительным действиям. В соответствии с разработанным Генеральным штабом «Хаганы» планом, следовало «захватить все правительственные службы и их имущество, эвакуировать гражданское население с территорий, расположенных в зоне конфликта, а также из некоторых районов, которые ставят под угрозу передвижение транспорта или служат базой для подготовки вооруженных атак, и, кроме того, оцепить некоторые районы арабской части города». 22 апреля члены арабского Национального комитета обратились к британским военным с просьбой добиться соглашения о прекращении огня. В ходе встречи, которая состоялась в тот же день, было составлено заявление, в котором говорилось, что англичане не станут вмешиваться в происходящее в пользу какой-либо из сторон и все, что они могут сделать – это быть посредниками между евреями и арабами. Вслед за этим арабские старейшины города попросили связаться с представителями «Хаганы», чтобы те выдвинули свои условия, на которых они согласны прекратить огонь. В соглашении, предложенном представителями «Хаганы», с небольшими исправлениями, которые были внесены британцами, говорилось следующее: все арабские боевики, занявшие город, должны покинуть его, тогда как местное арабское гражданское население получит равные с евреями права и продолжит работать и жить в качестве полноправных жителей Хайфы, для чего ему будут предоставлены все условия¹⁶⁶. В ответ на эти предложения, после длительного обсуждения с участием еврейских, арабских и британских представителей, арабы заявили, что они просто не способны выполнить выдвинутые еврейской стороной условия (полное прекращение военных действий, сдача оружия и выдворение из города пришлых боевиков). Вместо этого они выдвинули альтернативное предложение, которое повергло еврейских представителей в шок: эвакуация всего арабского населения Хайфы. Это предложение застало врасплох как военное, так и политическое руководство еврейского ишува. Так, например, Йосеф Вайц (Yosef Weitz, 1890–1972), возглавлявший с 1932 г. Отдел по делам земель и урбанизации Национального Земельного фонда, посетив Хайфу 22 апреля 1948 г. и застав начало массового исхода арабского населения, отреагировал следующими словами: «В чем причина? Во мне зреют опасения, что англичане и арабы плетут против нас заговор.

Возможно, эвакуация гражданского населения предназначена для того, чтобы облегчить вооруженную борьбу против нас». На следующий день Й. Вайц записал в своем дневнике: «Я подсознательно боюсь этого бегства»¹⁶⁷. Глава муниципалитета и еврейские представители всячески уговаривали арабских старейшин еще раз взвесить их решение и не эвакуироваться. Однако те ответили, что у них не осталось выбора¹⁶⁸. Подобное решение, вероятнее всего, было продиктовано страхом перед боевиками Х.А. аль-Хусейни, которые не простили бы старейшинам подписания мирного соглашения с евреями. Эвакуация, которой руководили арабские старейшины города, осуществлялась посредством прямых угроз или распространения слухов о том, что оставшиеся в городе арабы будут взяты евреями в плен в качестве заложников. Д. Бен-Гурион высказался по этому поводу следующим образом: «Целые города были оставлены арабами, хотя им не грозила какая-либо опасность или геноцид, и это показывает, какой народ на самом деле глубоко привязан к этой земле»¹⁶⁹.

Впрочем, вопрос о том, грозила ли палестинским арабам опасность, представляется все же не столь очевидным. 9 апреля 1948 г. произошло событие, не без оснований вызвавшее панику среди многих из них: речь идет о бое в деревне Дир-Ясин недалеко от Иерусалима. События, произошедшие в Дир-Ясине, вот уже более полувека являются предметом ожесточенных дебатов историков и политиков, вновь и вновь подчеркивая актуальность урегулирования споров прошлого для настоящего и будущего развития арабо-израильских отношений.

Описания событий в Дир-Ясине в различных источниках не совпадают между собой. Ирландский дипломат, историк и журналист Коннор О'Брайен (Connor O'Brien), автор книги «Осада», пишет о том, что «во время атаки на арабскую деревню Дир-Ясин неподалеку от Иерусалима, бойцы ЭЦЕЛа, возглавляемые [будущим премьер-министром Израиля] Менахемом Бегиним, (Menachem Begin, 1913–1992) перебили [так в оригинальном тексте] 250 жителей деревни, в том числе женщин и детей»¹⁷⁰. Бывший президент Израиля Хаим Герцог (Chaim Herzog) оценивает число погибших словами «более двухсот»¹⁷¹. По данным группы исследователей из палестинского университета Бир-Зейт, приводимым иерусалимским социологом Барухом Киммерлингем (Baruch Kimmerling) и американ-

ским политологом, профессором Университета им. Дж. Вашингтона в Сиэтле Йоздем Мигдалем (Joel S. Migdal) в их фундаментальной книге «Палестинцы: создание нации» (изданной недавно вторым изданием под названием «История палестинского народа»), число арабов, погибших в Дир-Ясине, не превысило 120 человек¹⁷²; израильский журналист Амос Кейнан (Amos Keinan), сам принимавший участие в бою, оценивает число погибших в 83 человека¹⁷³. По словам израильского военного историка Ури Мильштейна (Uri Milstein), «нет сомнения, что в ходе боя за Дир-Ясин погибло много гражданских лиц: женщин, детей и стариков. Однако вопрос стоит не об этом, а о резне, то есть, были ли убийства после боя?». По утверждению У. Мильштейна, «нет достоверных свидетельств о массовых убийствах после окончания боя»¹⁷⁴. В ходе боя, продолжавшегося несколько часов, погибли и четверо бойцов ЭЦЕЛа, еще сорок получили ранения. Сам М. Бегин в своей книге «Мятеж» утверждает, что деревня Дир-Ясин была важным звеном в цепи арабских укреплений, окружавших Иерусалим с запада, что ее захват являлся частью стратегического плана, согласованного с «Хаганой», и был необходим для поддержания связи между Иерусалимом и остальным ишувом. Что же касается жертв среди гражданского населения, М. Бегин утверждает, что жители деревни были предупреждены через громкоговорители, чтобы они покинули деревню, и многие действительно ушли. Из тех же, кто остался, многие погибли во время штурма. Сообщения о том, что имела место сознательная ликвидация гражданского населения, категорически отвергались М. Бегиним. По его словам, «арабский штаб в Рамалле передал по радио грубо состряпанную историю о том, что ЭЦЕЛ, якобы, устроил кровавую резню в деревне, убивая женщин и детей. Кое-кто из еврейских официальных лиц, видя в членах ЭЦЕЛа политических соперников, ухватился за арабскую пропаганду ужасов с целью оклеветать ЭЦЕЛ»¹⁷⁵. Но, как бы там ни было, слухи о массовой гибели арабов в Дир-Ясине быстро распространились среди арабского населения Палестины/Эрец-Исраэль, что послужило чрезвычайно важным фактором, способствовавшим значительному увеличению масштабов массового бегства. Каким бы ни было число убитых в Дир-Ясине, эта история вызвала панику среди палестинских арабов.

Важно подчеркнуть, что между началом апреля и серединой мая 1948 г. арабские лидеры недвусмысленно поощряли

местных жителей покидать свои дома. Так, к примеру, Халед Азам (Khaled Azam), который в начале 1949 г. возглавлял сирийское правительство, упоминает в своей книге обращение арабских правительств к жителям Палестины. В этом обращении «их призывали эвакуироваться в соседние арабские страны после того, как среди них воцарилась паника вследствие произошедших в Дир-Ясине событий». Х. Азам также писал:

«С 1948 года мы требуем возвращения беженцев, однако именно мы побудили их покинуть свои дома. Между призывами к эвакуации и требованиями возвратиться беженцев домой, предъявленными к ООН, прошли считанные месяцы. Мы собственноручно решили судьбу миллиона арабских беженцев, призвав их покинуть свои земли, дома, рабочие места и фабрики. Мы превратили их в изгнанников, лишенных возможности зарабатывать себе на жизнь, в то время как каждый из них обладал достойной работой и профессией, позволявшей прокормить семью. Затем мы приучили их просить милостыню и удовлетворяться гуманитарной помощью, предоставляемой ООН»¹⁷⁶.

Следует отметить, что изначально участие в военных действиях против Израиля всех граничащих с ним арабских стран не было чем-то само собой разумеющимся. Напротив, ни король Иордании Абдалла, ни король Египта Фарук (King Faruk, 1920–1965) изначально не планировали нападение на Израиль: оба они в целом были удовлетворены решением ООН, и при взаимной неприязни рассматривали разделявшее их страны еврейское государство как своего рода защитный буфер. Палестинские арабские лидеры, и в их числе представители Верховного арабского комитета, поставили себе задачу спровоцировать правителей соседних арабских стран и не оставить им иного выхода, кроме как принять участие в планирующемся нападении на Израиль. Они пришли к выводу, что нужно как можно более ясным и ощутимым образом продемонстрировать правителям арабских государств последствия их самоустранения от решения палестинской проблемы. Они сочли, что только подобным образом удастся спровоцировать их на конкретные антиизраильские действия. Спровоцированный радикальными арабскими лидерами массовый исход палестинцев как нельзя лучше соответствовал этой цели. Десятки тысяч палестинских беженцев в Иордании и в Египте не оставляли возможности королю Абдалле и королю Фаруку остаться в стороне.

Кроме того, радикальные арабские лидеры руководствовались дополнительным соображением: очистить поле боя для того, чтобы вторгнувшиеся на территорию Палестины/Эрец-Исраэль арабские армии получили возможность вести военные действия против еврейской общины с максимальной жесткостью, не опасаясь затронуть своими действиями близкое им гражданское население. Израильский востоковед Михаэль Ассаф (Michael Assaf) упоминает в этой связи обращение Аззама Паши (Abd al-Rahman Azzam Pasha, 1893–1976), Генерального секретаря Лиги арабских государств, к главе Верховного арабского комитета. По словам Аззама Паши, «когда будет получен сигнал, регулярные армии арабских стран будут приведены в полную боевую готовность, и им потребуется свободное от арабского населения поле боя для того, чтобы кампания была максимально короткой, эффективной и победоносной, и, поэтому, следует стимулировать исход арабских жителей»¹⁷⁷.

Имеются многочисленные свидетельства, подтверждающие тот факт, что массовое бегство арабского населения всячески поощрялось; далее приводятся выдержки из статей, опубликованных в арабской печати в конце 1940-х – начале 1950-х годов:

«Почти каждый день созывались конференции и комиссии, публиковались воззвания и страстные обращения; палестинским арабам давались “братские” советы, которые поощряли их покидать свои земли, дома и имущество, и временно поселиться в находящихся по соседству дружественных государствах для того, чтобы вторгшиеся арабские армии не уничтожили их артиллерийским огнем»¹⁷⁸.

«Арабские страны, которые призывали палестинских арабов временно покинуть свои дома, чтобы не стоять на пути регулярных армий, продвигающихся вглубь Палестины, не предоставили беженцам обещанную помощь»¹⁷⁹.

«Мы, беженцы, имеем полное право предъявить серьезные претензии Лиге арабских государств и заявить: “Мы покинули свою родину в силу ложных обещаний, данных нам лицемерными руководителями арабских стран. Они пообещали нам, что наше отсутствие не продлится более двух недель – нечто вроде прогулки, по окончании которой мы сможем вернуться в свои дома”»¹⁸⁰.

Живший в Лондоне ливанский автор Эдуард Атия (Edward Selim Atiyah, 1903–1964) писал в своей изданной в 1955 г. кни-

ге: «Массовое бегство отчасти явилось следствием веры арабов в широковещательные сообщения и призывы лишенной чувства реальности арабской печати и в безответственные выступления некоторых арабских лидеров, обещавших, что в течение считанных недель евреи будут разбиты армиями арабских стран, и палестинские арабы смогут вернуться на свою землю»¹⁸¹. Более того: часть палестинцев была вынуждены покинуть свои дома помимо своей воли, подчиняясь давлению арабских лидеров. В Твери, например, массовая эвакуация была осуществлена по прямому приказу арабских полевых командиров. Представители квакерского благотворительного агентства – Исполнительного комитета американских друзей (The American Friends Service Committee) – провели в секторе Газа ряд бесед с беженцами из Яффо, Рамле и Лода. Основываясь на сведениях, полученных в ходе этих бесед, они сообщили офицеру американской разведывательной службы, что, по утверждению некоторых беженцев, «их исход носил вынужденный характер, поскольку, как заявили представители местного руководства, арабским жителям следовало оставить свои дома, чтобы не прослыть предателями». При этом им было обещано, что «вернуться они смогут по прошествии считанных месяцев»¹⁸². Бенни Моррис также пишет о том, что с конца марта и до середины мая 1948 г. более двадцати арабских деревень были частично или полностью эвакуированы согласно распоряжениям полевых командиров, Верховного арабского комитета или арабских правительств. В большинстве случаев это происходило, исходя из соображений военного характера, связанных с предстоящим вторжением. Так, 30 марта по приказу Верховного арабского комитета были эвакуированы жители деревни Исауия в районе Иерусалима. 6 апреля Верховный арабский комитет отдал приказ об эвакуации трех деревень в районе Изрезельской долины. Еще шесть деревень, располагавшихся в центре страны, были эвакуированы 13 мая в соответствии с распоряжением руководства Арабского легиона¹⁸³.

В апреле – мае 1948 г. примерно двести десять тысяч человек покинули свои дома, и это была самая масштабная волна исхода за весь период войны. Следует подчеркнуть, что многие из оказавшихся в диаспоре палестинцев, хотя и не принадлежали к армейским подразделениям или военизированным отрядам милиции, бежали по приказу местного арабского руководства. Распоряжения об эвакуации диктовались стрем-

лением повлиять на правителей соседних арабских стран и создать оптимальные условия для готовившегося вторжения арабских армий на территорию Палестины/Эрец-Исраэль сразу же после провозглашения независимости Государства Израиль, в соответствии с резолюцией ООН. Другими словами, соображения, которыми мотивировалась эвакуация большинства палестинцев в этот период, носили преимущественно военный характер и состояли в том, чтобы воспрепятствовать претворению в жизнь резолюции ООН.

Британский исследователь Кристофер Сайкс (Christopher Sykes) впоследствии писал: «Можно со значительной долей уверенности утверждать, что на протяжении практически всей первой половины 1948 г. массовый исход палестинских арабов представлял собой не что иное, как естественную, незапланированную и вызывающую жалость миграцию лишившихся чувства реальности людей, которые в критический момент были оставлены на произвол судьбы своими руководителями»¹⁸⁴. Тем не менее, как следует из многочисленных свидетельств, только в ходе трех месяцев – января, февраля и марта – это была «естественная и незапланированная» миграция; позднее это была уже сознательная эвакуация, масштабы которой определялись соображениями военного характера, возникшими вследствие противостояния с Израилем. Сложилась абсурдная ситуация: палестинцы и арабские государства возлагают на Израиль ответственность за массовое бегство арабов, эвакуировавшихся для того, чтобы расчистить путь арабским армиям, которые, вопреки резолюции ООН, вторглись на территорию Израиля с целью его уничтожения.

Третий этап военных действий начался сразу после провозглашения независимости Израиля 15 мая 1948 г. и продолжался вплоть до 11 июня, когда было заключено соглашение о временном перемирии, соблюдавшемся, в большей или меньшей степени, на протяжении почти целого месяца. На территорию еврейского государства вторглись регулярные армии Египта, Иордании, Ирака, Сирии и Ливана с намерением сорвать реализацию резолюции ООН и уничтожить Государство Израиль в зародыше. С точки зрения еврейской общины этот период являлся наиболее тяжелым за всю войну. На этом этапе еврейские вооруженные силы не имели ни малейшей возможности (независимо от того, ставилась ли вообще подобная цель) изгнать кого-либо из арабских жителей. Число палестин-

цев, покинувших в этот период свои дома, было относительно невелико (согласно различным оценкам, их было около пятидесяти тысяч человек), и, в большинстве случаев, бегство мотивировалось вполне естественным стремлением гражданского населения отыскать как можно более отдаленное от линии фронта убежище. Вместе с тем, даже в эти месяцы местным жителям случалось покидать свои дома под давлением арабского руководства. Так, к примеру, 20 мая было эвакуировано население семи деревень, расположенных в районе Изреэльской долины, «из опасения, что жители этих деревень станут сотрудничать с евреями»¹⁸⁵.

Важно подчеркнуть, что в ходе временного затишья, сохранявшегося с 11 июня по 9 июля 1948 г., тогдашний глава правительства Израиля Давид Бен-Гурион распорядился распространить среди армейских подразделений инструкцию, определявшую, как именно следует вести себя по отношению к арабскому гражданскому населению. В этой инструкции, подписанной бригадным генералом Цви Аялоном (Zvi Ayalon, 1911–1993), который на тот момент был командующим Центральным военным округом и заместителем главы Генерального штаба, говорилось следующее: «В те периоды, когда не ведутся активные бои, категорически запрещается разрушать или сжигать арабские города и деревни, изгонять арабских жителей из районов их проживания, а также подвергать местных жителей высылке без специального разрешения министра обороны. Каждый, кто нарушит данный указ, будет предан суду»¹⁸⁶. Тот факт, что данная инструкция была разослана всем без исключения подразделениям и штабам, является четким и недвусмысленным свидетельством того, что военно-политическое руководство Израиля прилагало значительные усилия, направленные на предотвращение акций возмездия со стороны солдат и офицеров в ходе кровопролитных боев, и старалось не допустить нанесения ущерба арабскому гражданскому населению. Эта инструкция также доказывает, что даже в наиболее тяжелый для государства период, когда оно подвергалось атакам со стороны арабских стран, прикрывавшихся заботой о благополучии палестинских арабов, израильское руководство считало себя обязанным следить за соблюдением гражданских прав арабского населения в соответствии с принципами Декларации независимости Израиля: «Мы призываем сынов арабского народа, проживающих в Государстве Израиль

– даже в эти дни кровавой агрессии, развязанной против нас много месяцев тому назад – блюсти мир и участвовать в строительстве государства на основе полного гражданского равноправия и соответствующего представительства во всех его учреждениях, временных и постоянных».

Совершенно очевидно, что лидеры еврейской общины создавали Израиль, прежде всего, как еврейское государство, однако с их точки зрения воплощение сионистского идеала достигалось путем массовой репатриации евреев со всего мира, а вовсе не за счет изгнания арабского населения. Слова Аарона Цизлинга (Aharon Zisling, 1901–1964), будущего депутата Кнессета и члена израильского правительства, сказанные в начале июля 1948 г., исчерпывающим образом иллюстрируют данную позицию и рисуют верную картину тех событий, которые произошли в ходе первых трех этапов Войны за независимость: «Мы не изгоняли арабов из Эрец-Исраэль... После того, как они оказались под нашим контролем, ни один араб не был выслан из страны... Мы заинтересованы в присутствии как можно большего числа евреев, а не в отсутствии арабов... Мы не можем нести ответственность за те беды, которые они сами себе причинили»¹⁸⁷.

Планы по созданию Государства Израиль изначально основывались на предположении, что в нем будет проживать крупное арабское меньшинство. Голда Меир, впоследствии – министр иностранных дел и глава израильского правительства, писала в своих мемуарах, что Израиль был заинтересован в присутствии на своей территории арабского населения: «Почему мы хотели, чтобы они остались? На то были две достаточно веские причины. Прежде всего, мы хотели показать всему миру, что евреи и арабы способны жить в мире, не обращая внимания на пропагандистские призывы арабских лидеров. Во-вторых, мы прекрасно сознавали, что если на этом этапе полмиллиона арабов покинут страну, то это создаст крайне неустойчивую экономическую ситуацию»¹⁸⁸. Другими словами, даже когда в стране начались военные действия, не говоря уже о предшествующем периоде, израильское военно-политическое руководство не только не помышляло об изгнании арабских жителей, но даже выказывало явную заинтересованность в том, чтобы они остались.

8 июля 1948 г. египетские войска нарушили соглашение о перемирии, и начался **четвертый этап** войны, известный как

«десятидневные бои». 18 июля вновь было объявлено о перемирии между сторонами, которое сохранялось в той или иной степени вплоть до 15 октября. В ходе десятидневных боев Израиль стремился достичь нескольких целей. Главные ресурсы были брошены на центральный фронт, простиравшийся восточнее Тель-Авива, в попытке захватить Лод и Рамле, обогнуть Латрун, и подняться к Рамалле с тем, чтобы сдержать натиск вражеских войск на Иерусалим и Тель-Авив. На севере и юге страны также были задействованы местные силы для проведения атаки, в особенности на юге, где требовалось прорвать кольцо блокады вокруг Беэр-Шевы. Наиболее значимой была операция по укреплению еврейских позиций в районе Иерусалима. Неgev являлся вторым по значимости регионом, поскольку необходимо было обеспечить доступ к Мертвому морю на востоке, и к Эйлату – на юге¹⁸⁹. Однако операция «Кедем», в ходе которой израильские войска попытались прорваться в Старый город Иерусалима, закончилась провалом. Вторая операция, известная под кодовым названием «Дани», также не увенчалась успехом: после взятия Лода и Рамле поход на Рамаллу был отменен, и, кроме того, израильским войскам так и не удалось захватить Латрун. Верные королю Абдалле подразделения сумели удержаться на Западном берегу реки Иордан, а также в Восточном Иерусалиме, включая Старый город, и эти территории оставались под иорданским контролем вплоть до июня 1967 г.

На этом этапе сложилась ситуация, беспрецедентная с нескольких точек зрения. Израильская армия значительно укрепилась вследствие увеличения количества призывников и возросшего количества и качества боевой техники. Арабские правительства не помышляли всерьез о создании палестинского государства или хотя бы местных органов самоуправления, и поэтому каждая из сторон ставила перед собой одну единственную цель – захватить как можно более обширные территории. По окончании войны ни Египет, ни Иордания не передали оказавшиеся под их контролем территории палестинским арабам; Иордания даже произвела аннексию захваченных в ходе войны земель. Ни одно из вовлеченных в вооруженный конфликт с Израилем государств не проявляло ни малейшего интереса к дальнейшей судьбе арабского населения Палестины. На этом этапе палестинские арабы являлись обузой и для израильского руководства.

Б. Киммерлинг и Й. Мигдал отмечают в этой связи в своей книге «Палестинцы: создание нации», что в течение десяти дней в июле 1948 г. еврейские вооруженные силы выдворили с территории еврейского государства более ста тысяч арабов, которые были насильственно перемещены в те места, которые все еще находились под властью Иордании, Египта и Арабской армии спасения¹⁹⁰. Наиболее показательной в этом плане может считаться операция по захвату двух городов, находящихся в непосредственной близости от шоссе Иерусалим – Тель-Авив: Лода и Рамле, в которых в июле 1948 г. находилось от пятидесяти до семидесяти тысяч арабских жителей, а также около пятнадцати тысяч беженцев из Яффо. Массовое бегство большинства арабских жителей Лода и Рамле произошло между 11 и 12 июля, после того, как эти города покинул Арабский легион. После того, как Лод и Рамле капитулировали, израильская армия потребовала сложить оружие и выдать «Хагане» всех находящихся в этих городах солдат Арабского легиона; об изгнании гражданского населения речь не шла. Однако случилось непредвиденное: утром 12 июля три бронетранспортера Арабского легиона сумели проникнуть из Бейт-Набаллы в Лод. Их появление вызвало крайнее воодушевление в сердцах местных жителей, которые вышли на городские улицы и даже открыли огонь по израильским солдатам, застрелив несколько человек. Командование «Хаганы» восприняло это как бунт, и солдаты получили приказ стрелять по любой движущейся мишени. Жители города, слышав выстрелы, решили, что производится массовое уничтожение арабского населения, и попытались спастись любой ценой. Они бросились на улицу, где их встретил ружейный огонь. Кроме того, еврейские солдаты бросали гранаты в те дома, где, как они предполагали, засели снайперы. В результате погибло 250 арабских жителей¹⁹¹. Бунт арабов Лода привел командовавших операцией офицеров ПАЛЬМАХа Игаля Алона (Yigal Allon, 1918–1980) и Ицхака Рабина (Yitzhak Rabin, 1922–1995) к выводу, что присутствие столь враждебно настроенного по отношению к государству меньшинства в непосредственной близости от единственного в стране аэропорта, а также Тель-Авива и других населенных пунктов, расположенных в центре страны, может создать серьезную угрозу для Израиля. Следует отметить, что до начала операции не поступало никаких распоряжений, касающихся изгнания местных жителей, и решение об этом принималось

достаточно спонтанно. И. Алон и И. Рабин, при участии Д. Бен-Гуриона, приняли решение об изгнании арабского населения этих двух городов в тот самый день, когда разгорелся бунт, создавший новую и совершенно непредвиденную ситуацию. По утверждению недавно скончавшегося израильского историка Мордехая Лахава (Mordechai Lahav), «если бы не это восстание, жители не были бы изгнаны ни из Лода, ни уж тем более из Рамле»¹⁹², и подобный вывод представляется вполне оправданным. Факт состоит в том, что в те же самые дни в Верхней и Западной Галилее израильская армия захватила город Назарет и еще тридцать семь деревень, но большинство их жителей остались в местах своего проживания. Впрочем, каковы бы ни были намерения израильских руководителей, действительность военного времени накладывала свой отпечаток на развитие событий.

В статье «Палестинский исход 1948 года» Симха Флапан (Simha Flapan) рассказывает о малоизвестном эпизоде, наглядно иллюстрирующем отсутствие у военного командования четкой позиции в отношении того, как именно следовало обращаться с гражданским населением оккупированных городов и деревень. 16 июля, через три дня после событий, происшедших в Рамле и Лоде, израильские войска заняли Назарет. Командовавший операцией по взятию Назарета Бен Дункельман (Ben Dunkelman, 1913–1997), подписал от имени израильской армии соглашение, в котором говорилось о том, что гражданскому населению не будет причинено никакого вреда. Однако на следующий день бригадный генерал, будущий глава Генерального штаба Израиля Хаим Ласков (Haim Laskov, 1919–1982) отдал приказ об эвакуации арабских жителей города. Дальнейшие события Б. Дункельман резюмировал следующим образом: «Я был удивлен и шокирован. Я сказал ему [Ласкову], что не собираюсь делать ничего подобного, поскольку обязался не причинять вреда гражданскому населению, и что подобная акция является абсолютно излишней». Когда же Х. Ласков осознал, что Б. Дункельман не собирается выполнять его распоряжение, то отступился. Через два дня после этих событий Б. Дункельман получил извещение о переводе в другой округ. «Я чувствовал, – писал он, – что этот приказ связан с моим отказом эвакуировать жителей города. Однако, несмотря на то, что я был вынужден покинуть Назарет, мое неподчинение все же возымело надлежащий эффект. По-видимому, оно дало

возможность высшему командованию израильской армии подумать еще раз и прийти к заключению, что изгнание арабских жителей Назарета было бы серьезной ошибкой. Насколько мне известно, разговоры об эвакуации больше не возобновлялись, и арабы проживают в этом городе до сих пор»¹⁹³. Этот случай свидетельствует о том, что решения об эвакуации гражданского населения не являлись частью какого-либо генерального плана, принятого на правительственном уровне. Напротив, политическое руководство неодобрительно относилось к подобным действиям.

В ходе **пятого этапа** войны, который продолжался с 15 октября 1948 г. и до начала января 1949 г., также происходили случаи принудительной эвакуации арабского населения, причем в беспрецедентно широких масштабах. В этот период к числу беженцев добавились еще сто двадцать пять тысяч человек. Большинство из них – выходцы из Галилеи, изгнанные в ходе операции «Хирам» во второй половине октября, а также жители прилегающих к Иерусалиму деревень, которые были захвачены в начале ноября в ходе операции «Йоав». На этом этапе уже стало совершенно ясно, что попытка арабских армий предотвратить образование еврейского государства потерпела крах. Израильская армия вела наступление, как на Северном, так и на Южном фронтах, в то время как жители местных деревень в большинстве своем либо бежали, либо были изгнаны. К концу войны в Израиле оставалось около 156 тысяч арабов; еще несколько десятков тысяч человек вернулись в свои дома после того, как в 1949 году закончились боевые действия.

Операция, начавшаяся 15 октября и получившая известность как «операция Йоав», была предпринята после того, как египтяне обстреляли еврейскую транспортную колонну, которая везла продовольствие в Негев, нарушив тем самым соглашение о перемирии. В ходе этой операции была задействована тяжелая артиллерия, боевые самолеты, и даже некоторое количество танков. Регулярные артиллерийские обстрелы, а также бомбардировки с воздуха, являлись абсолютно новым явлением для арабских жителей этого района, которые, естественным образом, оказались повергнуты в панику. Подавляющее большинство из них бежали из своих городов и деревень еще до того, как израильская армия успевала вступить на их территорию. Когда еврейские вооруженные силы оккупировали Беэр-Шеву, в ней оставалось лишь несколько сот жителей¹⁹⁴.

С началом операции «Хирам» 29 октября 1948 г. число арабских жителей Галилеи составляло, по разным данным, от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек, а по окончании этой операции их осталось не более пятнадцати тысяч. Демографический анализ выявляет бросающиеся в глаза различия по религиозно-этническому признаку: подавляющее большинство мусульман бежали в Ливан, а большинство христиан и почти все черкесы и друзы остались в своих деревнях. При этом известно, что практически все мусульманские деревни вели бескомпромиссную войну против еврейских сил, тогда как христианские деревни в большинстве своем не оказывали вооруженного сопротивления. Те деревни, которые воевали против израильской армии, полностью опустели, а их жители, которые боялись мести со стороны израильской армии или просто не хотели жить под израильским суверенитетом, бежали или были изгнаны. С другой стороны, жителям тех деревень, которые не оказывали вооруженного сопротивления, было, как правило, разрешено остаться, и им не было причинено никакого вреда. Аналогичным образом, сохранилось и подавляющая число друзских деревень, большинство из которых не оказали вооруженного сопротивления израильским войскам. Из всех «сдавшихся» в ходе операции «Хирам» осенью 1948 г. деревень (Аль-Биана, Каукав, Манда, Сахнин, Араба, Дир-Хана, Мааяр, Джиш, Рихания, Альма) лишь одна была разрушена (Альма)¹⁹⁵; во всех остальных деревнях местным жителям было разрешено остаться, и израильская армия не нанесла ущерба ни им самим, ни их имуществу. Все эти деревни существуют до сих пор. При этом все те деревни, которые оказали сопротивление, были разрушены¹⁹⁶.

В отношении последних этапов войны и массового бегства палестинских арабов представляется вполне оправданным утверждение Б. Кимерлинга и Й. Мигдаля о том, что палестинская трагедия явилась следствием столкновения эмоций: тяжелых опасений, охвативших евреев вследствие Холокоста и непрекращающихся атак на Израиль со стороны арабских стран, поскольку еврейское население серьезно опасалось уготованной ему в случае поражения участи (страх перед вторым Холокостом); беспокойства еврейских полевых командиров по поводу присутствия враждебного населения на территориях, оставшихся позади линии фронта; и, не в последнюю очередь, опасений самих палестинцев перед лицом того, что

ожидает их в том случае, если евреи одержат победу и закрепятся на территориях, находящихся под их контролем¹⁹⁷. Стечение всех вышеназванных обстоятельств и привело, в конечном итоге, к трагедии палестинских арабов, сотни тысяч из которых оказались в изгнании.

В общей сложности во время войны 1947–1949 гг. около шестисот тысяч арабов покинули свои дома¹⁹⁸, однако не более четверти из них были изгнаны израильской армией. Подавляющее большинство палестинцев либо покинули места своего проживания после того, как им стало известно, что, в соответствии с резолюцией ООН, их города и деревни окажутся в границах еврейского государства, либо бежали или вынуждены были бежать, подчиняясь давлению арабского руководства, с тем, чтобы создать максимально удобные условия для предстоящего вторжения. Случалось, что арабские полевые командиры отдавали приказ об эвакуации поселений, жители которых подозревались в сотрудничестве с евреями. Представляется, что Израиль не несет – и не может нести – какую бы то ни было ответственность за инциденты подобного рода, которые происходили исключительно вследствие радикальной позиции палестинского арабского руководства и бескомпромиссной политики, проводившейся правителями соседних арабских государств. Эти руководители не приложили ни малейших усилий для того, чтобы учредить палестинские органы самоуправления на тех территориях, которые с 1949 по 1967 гг. находились под их контролем, и на которых, согласно резолюции ООН, предполагалось создать независимое Палестинское государство.

Израиль не может нести ответственность и за массовое бегство представителей арабской элиты, а также зажиточного среднего класса из Хайфы и других городов, происходившее с декабря 1947 по март 1948 гг. В этот период ни один палестинец не подвергся насильственной эвакуации, и беженцы пали жертвами той паники, которая воцарилась в арабском секторе после того, как перестали существовать мандатные институты власти. Несмотря на либеральную политику британских властей, допускавшую учреждение общинных органов самоуправления, в арабском секторе таковые так и не были сформированы, исключая те, которые носили сугубо религиозный характер. Еврейская же община создала обширную инфраструктуру, которая позволила в ускоренных темпах перейти к построению

суверенного государства. Арабское население не имело подобной инфраструктуры, поскольку его лидеры предпочли по окончании британского мандата отправиться за границу, а не заниматься построением своего собственного независимого государства.

Израиль также не может нести ответственность за массовое бегство арабских жителей, которое либо поощрялось арабскими лидерами и полевыми командирами, либо происходило по их приказу, и, в любом случае, было призвано расчистить путь для арабских армий, вторгшихся на территорию Израиля. Эти жители, даже если они ни разу в жизни не держали в руках оружие, покинули свои дома в рамках широкомасштабных приготовлений к предстоящей войне, цель которой состояла в том, чтобы уничтожить Государство Израиль, торпедировать решение Организации Объединенных Наций, и насильственным образом предотвратить реализацию резолюции о разделе Палестины/Эрец-Исраэль.

Число арабских жителей, которые были изгнаны с насиженных мест в ходе войны 1947–1949 гг., составляет примерно сто пятьдесят тысяч человек. Эти люди были изгнаны израильскими силами преимущественно в ходе двух последних этапов войны. Руководство еврейской общины никоим образом не планировало изгнание арабского населения, и Д. Бен-Гурион (как и многие другие видные сионистские лидеры) на протяжении многих лет решительно отвергал подобные меры. Несмотря на то, что многочисленные страдания палестинских беженцев не ставятся под сомнения, нет ни малейших причин возлагать на Израиль ответственность за последствия данной войны, которая была развязана вопреки его воле, и которая могла закончиться совершенно по-иному.

Глава VI

В ПОИСКАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРИПЕТИИ НА ФОНЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

После начала вооруженных столкновений в конце ноября – декабре 1947 г. руководство еврейского ишува раздумывало не только над тем, как эффективнее вести войну, но и над тем, как положить ей конец. Так, уже на встрече, состоявшейся под председательством Д. Бен-Гуриона 1 января 1948 г., руководитель арабского сектора Политического отдела Еврейского агентства (этот пост он занимал с 1933 г.) Элияху Сассон перечислил три возможных способа скорейшего завершения войны: военный триумф, вмешательство ООН, и диалог с арабами. Э. Сассон отверг возможность одностороннего решения, поскольку, как он выразился, «мы имеем дело со всем арабским миром, а не только с палестинскими арабами». Он приветствовал вмешательство Совета Безопасности ООН, однако, прежде всего, призвал к искренним переговорам с арабами¹⁹⁹. Учитывая, что Э. Сассон на протяжении пятнадцати лет возглавлял отдел, непосредственно отвечавший за формирование политики на «арабском направлении», к его словам невозможно было не прислушаться.

У современников этих событий не было сомнений относительно позиций арабской и еврейской сторон в возникшем между ними конфликте. Так, еще осенью 1948 года в Москве была выпущена брошюра И.А. Генина «Палестинская проблема», в которой мысль об ответственности арабов за агрессию против Израиля была выражена предельно ясно. По словам автора, «Евреи приняли план раздела Палестины в соответствии с решением Организации Объединенных Наций. Большинство же арабских партий, представленных высшим арабским комитетом, отклонило это решение. Еще до вынесения Организацией Объединенных Наций резолюции по палестинскому вопросу Высший арабский комитет опубликовал заявление, в котором категорически отверг план образования еврей-

ского государства. В этом документе говорилось: «Арабы никогда не допустят образования еврейского государства хотя бы на одном дюйме палестинской земли... Ни одному еврею не будет позволено иммигрировать в Палестину». В этом же заявлении Высший арабский комитет, ссылаясь на исключительные якобы права арабов на Палестину, пытался шантажировать общественное мнение, угрожая кровопролитием, которое будто бы приведет к третьей мировой войне. Аналогичную декларацию сделал при обсуждении палестинского вопроса в ООН вице-председатель Высшего арабского комитета Джемаль Хусейни, который угрожающе заявил на одном из заседаний: «В случае, если Палестина будет разделена на два государства, линия раздела превратится в линию огня и крови»²⁰⁰.

И действительно, лидеры палестинских арабов приложили все усилия к тому, чтобы «линия раздела превратилась в линию огня и крови». В этой связи заслуживает внимания позиция Советского Союза, выраженная в редакционной статье «Правды» от 29 мая 1948 г., в которой, в частности, говорилось: «Должно быть ясным, что, ведя войну против молодого государства, арабы борются отнюдь не за свои национальные интересы, не за свою независимость, а против права евреев на создание своего независимого государства. Тем самым арабские государства мешают с оружием в руках еврейскому народу Палестины осуществить свое законное право на создание еврейского независимого государства. При всем своем сочувствии к национально-освободительному движению арабских народов советская общественность не может не осудить агрессию арабских государств, направленную против государства Израиль и против права еврейского народа на создание своего государства в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций»²⁰¹.

Несмотря на подобное отношение руководства палестинских арабов и поддержавших их, по тем или иным причинам, лидеров соседних арабских государств, с самого начала войны лидеры еврейского ишува пытались воспользоваться услугами различных частных лиц, пытавшихся выступить в роли посредников для урегулирования конфликта. Свои услуги Д. Бен-Гуриону предложил Фейвел Полкес (Feivel Polkes), коммерсант, которому уже доводилось выполнять деликатные посреднические функции от имени «Хаганы» (в частности, в ходе своего визита в Берлин в феврале – марте 1937 г. и последующих

встреч с представителями рейха в Каире он пытался добиться согласия немецких властей на массовую эмиграцию евреев Германии в Палестину/Эрец-Исраэль²⁰² – этот план не был реализован, прежде всего, из-за противодействия Британии). Ф. Полкес опирался на налаженные связи с епископом Хакимом (Bishop Hakim, 1908–2001), лидером арабской христианской общины Хайфы (в 1943 г. он был избран архиепископом Акко, Хайфы, Назарета и Галилеи), впоследствии (в 1967 г.) избранным под именем Максимос V Хаким (Patriarch Maximos V Hakim) патриархом Александрийским и Иерусалимским объединенной с Римом Греко-католической церкви. В январе 1948 г. епископ Хаким принял участие в делегации, которая направилась в Каир, чтобы встретиться с различными арабскими политическими деятелями. По возвращении епископ Хаким обратился к Ф. Полкесу для того, чтобы выяснить, готовы ли евреи обсуждать возможность вступления в арабскую федерацию, в случае, если таковая возникнет. Ф. Полкес поведал об этом обращении своему старому знакомому, одному из ведущих публицистов газеты «Давар» [«Слово»], арабисту Михаэлю Ассафу, который, в свою очередь, написал об этом Д. Бен-Гуриону²⁰³. Д. Бен-Гурион дал М. Ассафу следующие инструкции: выяснить, уполномочен ли епископ Хаким говорить от имени Лиги арабских государств, или же Лига назначила какого-либо другого представителя, с которым евреи могли бы вести официальные переговоры. Кроме того, он подчеркнул необходимость полной секретности. Отправной точкой переговоров должна была служить возможность соглашения, основывающегося на присоединении суверенного еврейского государства к ближневосточной конфедерации. Однако, как написал М. Ассафу Д. Бен-Гурион, решительный отказ арабов признать суверенитет еврейского государства препятствовал проведению успешных переговоров²⁰⁴.

Во второй половине марта 1948 г. епископ Хаким отбыл в Ливан. В официальных биографиях Максимоса V Хакима, в частности, говорится: «Во время массового исхода палестинцев в Ливан в 1948 г. он был одним из первых, кто посвятил себя заботе о беженцах. Он помог им организовать на первых порах, еще до того, как американский Красный Крест и Организация Объединенных Наций взяли ответственность за их судьбу. Он открыл центр приема беженцев, в котором нашли приют около двухсот детей разных вероисповеданий; епископ

Хахим не делал различий между различными религиями или различными христианскими общинами»²⁰⁵. В другой биографии патриарха говорится о том, что он лично помог десяткам тысяч беженцев²⁰⁶. Очевидно, что в своих контактах с представителями воюющих сторон, как с арабскими лидерами, так и с израильянами, этот человек не мог не поднимать вопрос о судьбе беженцев. В начале июля, когда все еще соблюдалось достигнутое 11 июня временное перемирие, епископ Хахим прибыл в Хайфу в сопровождении представителей ООН для того, чтобы встретиться с израильским министром по делам национальных меньшинств Бехором-Шаломом Шитритом (Bechor Shalom Shitrit, 1895–1967), а также с сопровождавшей его группой сотрудников Министерства иностранных дел. На этот раз он предложил переговоры, основывающиеся на идее двунационального государства, в котором бы соблюдался принцип равенства еврейского и арабского народов как с демографической, так и политической точек зрения. Израильские представители не были склонны поддержать эту идею, настаивая на признании арабами факта существования суверенного еврейского государства, и, более того, рассматривая такое признание как предварительное условие любого урегулирования. Как свидетельствовал Б.Ш. Шитрит, в ответ на это епископ заявил, что «арабские страны никогда не признают Израиль, каковы бы ни были его границы»²⁰⁷.

В контексте темы настоящего исследования деятельность Б.Ш. Шитрита заслуживает самого пристального внимания. Хотя назначенная Д. Бен-Гурионом специальная министерская комиссия, которой было поручено изучить причины массового бегства арабов, так ни разу и не была созвана, Б.Ш. Шитрит, бывший одним из ее членов, в феврале 1949 г. подготовил персональный меморандум, в котором содержалась его собственная оценка причин массового бегства. Он основывался на многочисленных беседах с представителями арабского населения и другими непосредственными участниками событий. Источники Б.Ш. Шитрита приписали массовое бегство арабского населения целому комплексу причин: наследию Оттоманских репрессий; страху перед террором и анархией, аналогичных тем, которые воцарились в стране в 1930-х годах; решению палестинских лидеров влиять на происходящие в стране события, находясь далеко за ее пределами; распространенных среди беженцев иллюзий насчет того, что их ждет быстрое воз-

вращение; распаду традиционного имиджа покорного и смиренного народа, приписываемого евреям арабами; и, наконец, раздуванию проявлений жестокости со стороны евреев (как в случае Дир-Ясина) арабской пропагандой²⁰⁸. Показательно, что вопрос о причинах массового исхода палестинских арабов волновал членов израильского правительства еще тогда, когда не закончилась война. Как известно, именно в день подачи Б.Ш. Шитритом своего меморандума, 25 февраля 1949 г., было подписано первое из послевоенных соглашений о прекращении огня (между Израилем и Египтом), последний же подобный документ (соглашение между Израилем и Сирией) был подписан лишь 20 июля того же года. Однако вопрос взаимоотношений с местным арабским населением волновал новые израильские власти и тогда, когда война еще не закончилась.

Сам факт назначения мирового судьи (этот титул ему был присвоен в 1935 г.) Б.Ш. Шитрита министром по делам национальных меньшинств еще во «временном» правительстве Государства Израиль, сформированном сразу после провозглашения им своей независимости («первым» в израильской историографии считается правительство, сформированное после прошедших 25 января 1949 г. выборов в Кнессет и приведенное к присяге 10 марта того же года), опровергает утверждения о том, будто сионистское руководство планировало избавиться от арабского присутствия на территории еврейского государства. Б.Ш. Шитрит – единственный министр сефардского происхождения в правительстве Израиля в то время – сам чувствовал себя представителем этнического меньшинства и, возможно, поэтому, а возможно, в силу своего опыта плотного общения с палестинскими арабами непрестанно отстаивал принципы либерального обращения в отношении арабского населения²⁰⁹. Б.Ш. Шитрит – единственный из тринадцати членов «временного» правительства не был иммигрантом в первом поколении, ибо родился в Палестине/Эрец-Исраэль; в 1945–1948 гг. он был главным мировым судьей округа Лода, в котором доля арабского населения была в то время очень значительной. Очевидно, что накопленный за годы жизни в стране опыт и свободное владение арабским языком в полной мере использовались Б.Ш. Шитритом на министерском посту.

Министерство по делам национальных меньшинств включало в себя пять относительно небольших отделов и, кроме центрального офиса в Иерусалиме, отделения в Хайфе, Цфате

и Рош-Пине. Представители министерства принимали участие в работе двадцати межминистерских комиссий²¹⁰. Б.Ш. Шитрит ратовал за предоставление арабскому меньшинству всех гражданских прав наравне с евреями, а также автономии в сферах религии и образования. С тех пор и по настоящее время израильским арабам предоставлено право воспитывать своих детей в рамках отдельной системы на основе своей культуры и своего языка; арабский признан одним из государственных языков Израиля. Это – важные достижения, ведь в других странах национальные меньшинства, такие как курды и македонцы, безуспешно борются за это уже не один десяток лет. Либеральные взгляды Б.Ш. Шитрита тем более заслуживают внимания, учитывая тот факт, что он занимал пост министра по делам меньшинств в самый тяжелый период Войны за независимость, когда ее финал был непредсказуем. Действия этого государственного деятеля в тот судьбоносный 1948-й год доказывают, что израильское руководство не проводило согласованной враждебной политики по отношению к арабскому меньшинству, ключевым моментом которой якобы являлось изгнание как можно большего числа арабских жителей. Декларируемой программой Министерства по делам национальных меньшинств стало обеспечение нужд арабов, друзов и бедуинов, обеспечение их гражданских прав в духе либеральных принципов, сформулированных в Декларации независимости Израиля. Следует отметить, что Министерство по делам национальных меньшинств оказалось единственным правительственным органом новой власти, который не имел аналогов ни в британской администрации, ни в национальных институтах еврейской общины Палестины/Эрец-Исраэль²¹¹.

Бюджет и кадровый состав Министерства по делам национальных меньшинств были небольшими. Генеральный директор министерства Гад Макнесс (Gad Makhness, 1893–1954) имел в своем подчинении всего тридцать три человека. Известный писатель и критик Иехуда Бурла (Yehudah Burla, 1886–1969) возглавлял отдел культуры, образования и информации, Исраэль Шохат (Israel Shohat, 1886–1961) – юридический отдел, а Моше Эрем (Moshe Erem, 1896–1978) – отдел по восстановлению и налаживанию связей с меньшинствами (Division of rehabilitation and structuring of relations between Jews and the minorities).

Само существование Отдела по восстановлению и налаживанию связей с меньшинствами, во главе которого стоял

Моше Эрем (Казановский), член Кнессета первого и второго созывов от социалистической партии МАПАМ, интернационалист, в 1937 г. участвовавший в борьбе республиканцев против сил Франко в Испании, отчетливо демонстрирует абсурдность обвинений в адрес израильских властей, будто бы планировавших проведение «этнической чистки». В реальности все обстояло ровным счетом наоборот: так, к примеру, благодаря усилиям сотрудников этого отдела было налажено сотрудничество с инспекторами Министерства сельского хозяйства, ответственными за нормирование продуктов, в результате чего (еще в военное время) регулярно производились поставки продуктов в арабский сектор, охранялись права арабских фермеров на возделывание земель и выдавались ссуды на покупку семян²¹². Кроме того, уже к концу 1948 г. были приняты меры для преодоления безработицы в арабском секторе: Министерство по делам национальных меньшинств организовало два центра по трудоустройству арабского населения – один в Лоде, а другой в Яффо.

Б.Ш. Шитрит считал, что его миссия заключается в том, чтобы «служить представителем арабов перед лицом правительства и представителем правительства перед лицом арабов»²¹³. Он был крайне недоволен поведением военных властей по отношению к арабскому населению и даже в самый разгар конфронтации не боялся выражать свое мнение. Он порицал всевозможные злоупотребления, такие как конфискации «брошенного» имущества, хаотичные передислокации и аресты арабского населения, и утверждал, что военные нужды зачастую не оправдывают столь жестких мер. Б.Ш. Шитрит не ограничивался одной лишь критикой правительственных действий, его отчеты в большинстве случаев завершались внесением конструктивных предложений. Основные расходы министерства в первые шесть месяцев его существования были направлены на проекты, имевшие непосредственную значимость для арабского населения, такие как выпуск газеты «эль-Яум» [«al-Yawm»] на арабском языке и основание арабской национальной библиотеки²¹⁴.

Как справедливо отмечает тель-авивский востоковед Эли Рекхес (Elie Rekhess), Министерство по делам национальных меньшинств «поставило перед собой цель убедить еврейское население в том, что израильские арабы заслуживают более позитивного отношения»²¹⁵. Б.Ш. Шитрит утверждал, что «за-

дача министерства – это помочь евреям, как в диаспоре, так и в самом Израиле, понять сложную ситуацию арабского меньшинства и привести их к принятию справедливой и основанной на принципе равноправия позиции по отношению к израильским арабам. Это тем более важно по той причине, что многие евреи, и в особенности новые репатрианты, не знают арабов и их стиля жизни и движимы в основном предрассудками»²¹⁶.

Наиболее значимые достижения Б.Ш. Шитрита как министра по делам национальных меньшинств были достигнуты в области обеспечения религиозных свобод, охраны святых для ислама мест, а также предоставления определенной общинной автономии израильским мусульманам. Следует отметить, что еще в 1948 г. государственная политика по отношению к исламским институтам стала предметом серьезных дебатов.

Вследствие разграбления мечети в Яффском порту, между военной администрацией, Министерством по делам национальных меньшинств и Министерством обороны развернулась дискуссия по поводу того, как выработать эффективный набор правил с целью предотвратить повторение подобных инцидентов в будущем²¹⁷. Расследование этого частного случая, проведенное арамейской администрацией, обнаружило, что воры проникли только в хранилище мечети, и мусульманские святыни, вероятнее всего, не являлись их изначальной целью. Как бы там ни было, Б.Ш. Шитрит обратил внимание военных властей, что охрана святых мест является задачей чрезвычайной важности, и что подобные инциденты могут быть использованы для антиизраильской пропаганды и подстрекательства к насильственным действиям против евреев²¹⁸.

Важно подчеркнуть, что даже в период военных действий и затишья между боями Б.Ш. Шитрит и сотрудники возглавляемого им министерства прикладывали значительные усилия к налаживанию отношений с местным арабским населением. В Хайфе мусульманская община проявила инициативу и организовала Временный филантропический комитет с целью упорядочить проведение религиозных мероприятий и гарантировать сбор необходимых для этого средств. Члены комитета получили официальное разрешение на ведение этой деятельности как от военных властей, так и от Министерства по делам национальных меньшинств. Более того: хайфское отделение министерства установило постоянную охрану святых для ислама мест, наняв в качестве охранников представителей арабской общи-

ны, труд которых оплачивался из государственного бюджета Израиля²¹⁹. Созданный мусульманской общиной Временный филантропический комитет получил ограниченную автономию, и ему была выделена определенная сумма денег с тем, чтобы восстановить мечети и организовать религиозную жизнь мусульманской общины так, как его члены считают нужным.

Однако деятельность Б.Ш. Шитрита не ограничивалась вопросами религиозной жизни. В ходе Войны за независимость министр по делам национальных меньшинств неоднократно вступал в конфликт с военным командованием и отстаивал перед лицом правительственных и армейских органов интересы арабского населения оккупированных городов и деревень.

После массового бегства большинства арабов из Хайфы и Яффо, город Акко на несколько месяцев стал самым большим в Израиле населенным пунктом по количеству арабских жителей. К концу первого перемирия (как указывалось выше, оно продолжалось с 11 июня до 9 июля 1948 г.) командование Северного округа, испытывавшее большие сложности в связи с необходимостью контролировать город и обеспечивать базовые потребности его жителей весьма скудными средствами, обратилось к правительству за разрешением изгнать оставшихся арабов Акко и переправить их в Яффо, или же вовсе выдворить их за пределы территории Израиля. Армейское командование было заинтересовано в том, чтобы избавиться от такого большого скопления арабского населения на расстоянии менее десяти километров от линии фронта. Однако, как пишет Бенни Моррис, «эти намерения натолкнулись на решительное сопротивление различных гражданских органов власти»²²⁰.

В начале июля военное командование обратилось к Якову Шимони (Ya'acov Shimoni, 1915–1998), арабисту, который в то время фактически руководил ближневосточным департаментом Министерства иностранных дел, чтобы выяснить его мнение по данному вопросу. 13 июля Я. Шимони представил эту проблему на рассмотрение министра по делам меньшинств, который отреагировал крайне возмущенно. До этого момента Б.Ш. Шитрит ничего не слышал о плане депортации каких-либо арабских жителей из районов их компактного проживания. 19 июля Б.Ш. Шитрит напомнил Я. Шимони, что по данному вопросу остается в силе четкое и недвусмысленное постановление Генерального штаба от 6 июля, которое гласит: «Запрещается изгонять жителей с их мест проживания без

особого письменного распоряжения министра обороны» (в то время – и до 1953 г. – этот пост занимал Д. Бен-Гурион). Б.Ш. Шитрит заявил, что, по его мнению, «пока министр обороны не занял принципиальную позицию по этому вопросу и не отдал в письменном виде распоряжение местным военным властям, совершенно очевидно, что не следует эвакуировать целый город и причинять страдания, связанные с вынужденным перемещением, женщинам, старикам и детям». Кроме того, он добавил, что «Яффо не может и не должно служить тем тестом, в которое будет стекаться вся арабская диаспора»²²¹. Для того, чтобы придать дополнительный вес своей позиции, Б.Ш. Шитрит попросил министра финансов Элиэзера Каплана (Eliezer Kaplan, 1891–1952) поддержать его в противодействии этому плану, согласно которому жители Акко подлежали депортации. Э. Каплан и в самом деле поддержал его, заявив, что, с его точки зрения, этот план «крайне сомнителен»²²². Таким образом, эвакуация арабского населения Акко сорвалась благодаря решительному сопротивлению Б.Ш. Шитрита.

Спустя примерно неделю после завершения операции «Хирам», в начале ноября 1948 г., командующий войсками Северного округа Моше Кармель (Moshe Carmel, 1911–2003) принял решение «очистить» от арабского населения территорию шириной от пяти до пятнадцати километров с израильской стороны границы с Ливаном. Вначале израильская армия эвакуировала население тех деревень, которые вплотную примыкали к ливанской границе. Жителям таких деревень как Наби-Рубин (Nabi Rubin), Тарбиха (Tarbikha), Сурух (Suruh), Эль-Манцура (Al Mansura), Икрит (Iqrit), Бирим (Kafr Birim) и Жиш (Jish) было приказано покинуть свои дома. Жителям Наби-Рубина и Тарбихи, в большинстве своем мусульманам, было сказано отправляться в Ливан. Аналогичное распоряжение было отдано жителям деревни Бирим, христианам-маронитам, хотя им было разрешено остаться на территории страны, переместившись в более отдаленные от границы деревни. Жителям деревни Бирим, также как и жителям деревни Икрит (тоже христианам), было сказано, что эвакуация носит временный характер, и что вскоре они смогут вернуться (несмотря на то, что Верховный суд Израиля на протяжении многих лет принимал соответствующие вердикты, право на возвращение жителей этих деревень в свои дома так и не было реализовано)²²³. В отношении деревни Жиш приказ об эвакуации не был выполнен

из-за своевременного вмешательства Б.Ш. Шитрита. Жители деревни обратились к Эммануэлю Фридману (Emmanuel Friedman), местному представителю Министерства по делам национальных меньшинств, с просьбой вступить за них. Тот обратился к Ицхаку Бен-Цви (Yitzhak Ben-Zvi, 1884–1963), известному историку и публицисту, одному из руководителей Рабочей партии (четыре года спустя он будет избран президентом Израиля). И. Бен-Цви связался с Б.Ш. Шитритом, который убедил армейские власти отменить приказ об эвакуации жителей деревни²²⁴.

Б.Ш. Шитрит подал Д. Бен-Гуриону жалобу на то, что глава военной администрации генерал Элимелех Авнер (Elimelekh Avner, 1897–1957), который в силу своей должности был ответственен за положение арабов, проживающих на вверенной ему территории, не пошевелил и пальцем, чтобы остановить эвакуацию, и что эта акция была выполнена без его ведома, хотя именно он, министр по делам национальных меньшинств, должен быть ответственен за возможное принятие подобных решений²²⁵. Как пишет Б. Моррис, «изгнания и перемещения местных жителей в начале ноября не привели к полному освобождению приграничной полосы от арабских жителей. Благодаря вмешательству Б.Ш. Шитрита и протестам партии МАПАМ, а также, возможно, благодаря «снисходительному» отношению некоторых командиров, полдюжины деревень в этом районе сохранились»²²⁶. Командование Северного округа продолжало требовать полной эвакуации всех деревень приграничной полосы; основное внимание уделялось деревне Таршиха, которая насчитывала изначально около четырех с половиной тысяч жителей (80% из них – мусульмане). К концу операции «Хирам» в ней оставалось лишь около семисот жителей, которые находились под перманентной угрозой изгнания, поскольку поселенческие учреждения планировали заселить покинутые арабами дома новыми репатриантами²²⁷. Кроме того, исходя из соображений военного характера, армейское командование предлагало выселить оставшихся в деревне арабов. Полная эвакуация наверняка предотвратила бы и возвращение тех, кто уже покинул деревню. Из-за перманентной угрозы выселения местные жители раз за разом посылали своих представителей к различным государственным деятелям с просьбой вступить за них. Во многом благодаря стараниям Б.Ш. Шитрита, обращавшегося по этому вопросу к

главе правительства, оставшиеся в деревне жители так и не были эвакуированы.

Таким образом, сравнительно малоизвестная история работы руководимого Б.Ш. Шитритом Министерства по делам национальных меньшинств является убедительным свидетельством того, что израильская политика по отношению к арабским гражданам страны не была predetermined неким «генеральным планом» «этнических чисток», и ставит под сомнение утверждения «новых историков» о том, что еврейскими государственными лидерами руководило стремление изгнать палестинских арабов с их земель²²⁸. Как пишет Эли Рекхес, «первоначальная линия, которой придерживалось израильское правительство [в отношении арабов], являлась неким промежуточным решением, попыткой найти компромисс между двумя противоречащими друг другу подходами. Один подход, ориентированный на нужды безопасности, рассматривал арабов как «пятую колонну», тогда как другой, основанный на либеральных и демократических принципах, требовал равноправия всех граждан и их интеграции в единое израильское общество»²²⁹. Либеральный подход часто проявлялся в высказываниях и действиях, предпринимаемых еврейскими политическими деятелями того времени. Так, в сентябре 1948 г. первый министр внутренних дел Израиля Ицхак Гринбойм (Yitzhak Greenboim, в других источниках – Gruenbaum, 1879–1970) посетил Хайфу и встретился с представителями местной арабской общины. Он обратился к возглавлявшему арабскую делегацию Хаджи Тахе Караману (Hajj Taha Karaman), бывшему в то время вице-мэром города, со следующими словами: «На протяжении многих лет я вынужден был говорить как представитель меньшинства. Поэтому мне чрезвычайно тяжело выступать сейчас перед вами в качестве посланника большинства, обращаясь к делегации, представляющей этническое меньшинство в Государстве Израиль». И. Гринбойм заверил арабских представителей в том, что «в Израиле будет единый закон для всех граждан. Евреи слишком много страдали, чтобы позволить себе проявить несправедливость по отношению к арабским гражданам»²³⁰.

Дипломатические усилия епископа Хакима являлись практически единственной инициативой, поступившей от арабской стороны в ходе войны. Все остальные усилия, основной движущей силой большинства из которых был Элияху Сассон, инициировались израильской стороной²³¹. В середине марта

1948 г. Э. Сассон подготовил меморандум, в котором выдвигал различные идеи разрешения конфликта. В этом документе, в частности, говорилось: «Мы должны проводить такую политику, которая оставит арабам отдушину и позволит нам отыскать точки соприкосновения... Мы должны создать благоприятные условия для налаживания контактов с неприятелем». Э. Сассон предложил создание палестинского государства бок о бок с еврейским государством в качестве возможной основы мирного урегулирования. Он полагал, что обе страны должны подписать долгосрочное соглашение об экономическом, политическом и военном сотрудничестве²³².

Уже в марте 1948 г. Э. Сассон планировал поездку в Европу для того, чтобы возобновить контакты с арабскими представителями. Однако под влиянием обстоятельств ему пришлось задержаться, и он вылетел в Париж только в начале июля. По прибытии он сразу же начал искать прямые контакты с арабскими правительствами, вовлеченными в процессы, происходившие на Ближнем Востоке. В частности, Э. Сассон обратился к премьер-министру Ливана Риаду аль-Сольху (Riad al-Sulh, 1894–1951) и пригласил его на проведение серии неформальных бесед во французской столице. Э. Сассон, уроженец Дамаска, также направил письмо своему старому сирийскому знакомому Лутфи аль-Кхафару (Lutfi al-Khafar), в котором предложил попытаться найти способ положить конец войне путем прямых контактов между израильскими и арабскими руководителями. Л. Кхафар показал это письмо премьер-министру Сирии Джамилю Мардам-бею (Djamil Mardam Bey, 1895–1960) и президенту Шукри аль-Куатли (Shukri al-Quwatli, 1891–1967), которые предпочли проигнорировать данное обращение²³³.

Однако основные усилия Э. Сассона были направлены на то, чтобы наладить контакты с королем Иордании Абдаллой. Через частных посредников он вошел в контакт с послом Иордании в Лондоне Абд аль-Маджидом Хайдаром (Abd al-Majid Haidar), которым мог бы вывести на самого Абдаллу. В начале августа 1948 г. инициатива Э. Сассона начала приносить плоды, когда Абдалла отдал распоряжение А.М. Хайдару встретиться с израильским эмиссаром. Надо сказать, что король Абдалла по складу характера и мировоззрению был не фанатиком, а прагматиком. Он не имел национальных и религиозных предрассудков и с самого начала своего правления готов был учитывать «сионистский фактор».

Историки часто подчеркивают сходства между предложениями, выдвинутыми Комиссией Пиля в 1937 г., и решением Генеральной Ассамблеи ООН, принятым десять лет спустя. Действительно, эти документы включают ряд похожих положений. Во-первых, и в отчете Комиссии Пиля, и в резолюции № 181 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. предлагается разделить (пусть и в разных пропорциях) Палестину/Эрец-Исраэль между двумя населяющими страну народами, основываясь на убеждении, что их совместное существование в рамках единого политического образования невозможно. (Постановление Лиги Наций о мандатном правлении основывалось, как указывалось выше, на совершенно иных предпосылках). Во-вторых, и в отчете Комиссии Пиля, и в резолюции № 181 Генеральной Ассамблеи ООН наиболее важный город страны – Иерусалим – оказывался за границами как арабского, так и еврейского государств. В отчете Комиссии Пиля Иерусалимский анклав, который включал в себя также и Вифлеем (Бейт-Лехем), предполагалось оставить под контролем Великобритании; Генеральная Ассамблея ООН постановила перевести этот анклав (в несколько урезанных границах) под международный контроль – в обоих случаях Иерусалим не доставался ни Израилю, ни государству палестинских арабов, ни Трансиордании. Однако, несмотря на очевидные сходства, между этими двумя документами была крайне существенная разница: в 1937 г. предполагалось объединить передаваемые арабам земли Палестины/Эрец-Исраэль с Трансиорданией, объявив Абдаллу правителем также и этих территорий. Десять лет спустя речь шла уже о независимом государстве палестинских арабов – идее, очень и очень не близкой королю Абдалле. С его точки зрения, предложения Комиссии Пиля были хоть и не идеальным вариантом (он все же получал не всю Палестину, а лишь чуть более 80% от нее, и эти территории не включали Иерусалим), но явно более предпочтительным, чем другие рассматривавшиеся альтернативы. Еще в начале августа 1937 г. Абдалла обратился к представителям Еврейского агентства с предложением выработать согласованную позицию касательно рекомендаций, содержащихся в отчете Королевской комиссии, для чего делегировал Мухаммеда аль-Анси в Иерусалим на встречу с сотрудниками Политического отдела Еврейского агентства Элиягу Сассоном и Бернардом Джозефом (Довом Йосефом, Bernard Joseph, 1899–1980) – будущим

депутатом Кнессета и членом правительства Израиля. Хотя Абдалле было известно о том, что его постоянный конфидент, глава Политического отдела Моше Шарет находится в Цюрихе, где принимает участие в работе Двадцатого Сионистского конгресса, он предпочел не терять время и делегировать Мухаммеда аль-Анси для переговоров с теми сотрудниками Еврейского агентства, которые оставались в Иерусалиме²³⁴. Король Абдалла был фактически единственным арабским лидером, который поддержал выдвинутый британцами план раздела Палестины/Эрец-Исраэль, согласившись, таким образом, на создание еврейского государства. Странники муфтия были возмущены подобной позицией, на жизнь Абдаллы было совершено несколько (в то время неудачных) покушений (Абдалла был убит палестинским арабским радикалом в 1951 г.), предпринимались попытки дестабилизировать социально-политическое положение в Трансиордании. Фактически, единственным влиятельным среди палестинских арабов кланом, поддержавшим Абдаллу, был клан Нашашиви; впоследствии (в 1949–1951 гг.) экс-мэр Иерусалима Рагхиб Нашашиви последовательно займет посты генерал-губернатора Западного берега, министра сельского хозяйства, а также транспорта и связи в правительстве Иордании и будет ответственным за святыне места в Иерусалиме. Другой представитель клана, Анвар Нашашиви (Anwar Nashashibi), также уроженец Иерусалима, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. занимал посты министра обороны, юстиции и связи в нескольких иорданских правительственных кабинетах. Остальные влиятельные палестинские кланы весьма скептически относились к возможности попасть под юрисдикцию Абдаллы, который, конечно же, знал об этом и пытался с помощью британских властей и еврейских лидеров добиться контроля над всеми территориями Палестины/Эрец-Исраэль, которые должны были быть переданы арабам. Абдалла требовал от британцев признать его единственным законным представителем палестинских арабов (они, со своей стороны, не были склонны удовлетворять это требование), а также крайне болезненно относился к переговорам о судьбе Палестины/Эрец-Исраэль, которые сионистские лидеры, например, Хаим Вейцман, Иехуда Лейб Магнес, Хаим Калвариски (Haim Kalwarisky, 1868–1947) и другие вели с другими арабскими лидерами (при том, что и Х. Вейцман, и пацифистски настроенный Х. Калвариски неоднократно встречались и с

самим королем, и с его приближенными). При этом Абдалла понимал то, чего не хотели осознавать остальные арабские правители и местная палестинская знать: евреи в Эрец-Исраэль – не случайные гости, они не покинут страну, и без их участия невозможно решить ее судьбу. Однако муфтий и его сторонники категорически отвергли саму возможность создания еврейского государства в какой бы то ни было части Палестины/Эрец-Исраэль, вынудив британцев объявить о том, что в сложившейся ситуации раздел страны провести невозможно. Эта измененная позиция мандатных властей, сформулированная в обнародованном 9 ноября 1938 г. отчете Комиссии Вудхэда, своего рода правопреемнице Комиссии Пиля, очень огорчила Абдаллу, уже видевшего себя властителем большей части Палестины/Эрец-Исраэль.

Хотя контакты между представителями Еврейского агентства и Абдаллой продолжались, их интенсивность и значимость после 1938 г. снизились. Ситуация изменилась лишь в декабре 1943 г., когда из переговоров, которые провел в Лондоне с У. Черчиллем и членами его кабинета правитель Ирака Абдул Иллах (Abd ul-Ilah, в некоторых источниках – Abd al-Ilah, 1913–1958), и о которых он подробно информировал короля Трансиордании, стало ясно: британские власти вновь вернулись к идее раздела Палестины/Эрец-Исраэль. Абдалла немедленно делегировал Мухаммеда аль-Анси на встречу с представителем Политического отдела Еврейского агентства Элиягу Сассоном, которая состоялась 17 декабря 1943 г.²³⁵ Эта встреча была, однако, не особенно плодотворной: сионистские лидеры еще не получили никакой информации из Лондона, и Э. Сассон не считал себя вправе брать какие-либо конкретные обязательства по отношению к королю Абдалле. Когда же лидеры ишува и сионистских кругов Великобритании получили всю необходимую информацию, их заинтересованность в поиске точек соприкосновения с Абдаллой значительно возросла.

На каком-то этапе казалось, что долгая история контактов сионистского движения и короля Абдаллы, начавшаяся еще в 1921 г., привела (в 1946 г.) к заключению негласного соглашения между сторонами. Король согласился поддержать раздел Палестины/Эрец-Исраэль как наиболее приемлемое решение региональной проблемы. Сионистское руководство, в свою очередь, выразило свое предпочтение разделить страну имен-

но с Абдаллой (а не с, к примеру, кем-либо из лидеров палестинских арабов), а также готовность предоставить финансовую помощь для укрепления позиций короля в среде палестинцев и в Сирии. Как указывалось выше, как минимум, с середины 1930-х гг. Абдалла рассматривался руководством ишува и Всемирной Сионистской организации как единственная альтернатива жесткой палестинской оппозиции, которую поддерживал и весь остальной арабский мир. Абдалла, в свою очередь, нуждался в поддержке сионистского руководства для реализации своих политических и территориальных амбиций как в самой Палестине, так и за ее пределами, прежде всего – в Сирии²³⁶.

Однако с фактическим началом гражданской войны в Палестине/Эрец-Исраэль король Абдалла стал постепенно отходить от обязательств, данных сионистскому руководству ранее. Несмотря на то, что встречи посредников продолжались, а Элияху Сассон поддерживал постоянные контакты с королевской канцелярией, согласованная позиция перестала отвечать чаяниям Абдаллы, и он фактически дезавуировал достигнутые договоренности. Снижение интенсивности и уровня контактов между лидерами сионистского движения и королем Трансиордании во многом объяснялось тем, что в феврале 1948 г. в ходе визита премьер-министра Трансиордании в Лондон, Абдалла фактически получил молчаливое согласие Великобритании на оккупацию – по завершении мандата – той части Палестины/Эрец-Исраэль, на которой должно было быть создано арабское государство²³⁷. В связи с упорным нежеланием палестинцев принять выдвинутый ООН план раздела и их фактической неспособностью установить реальный контроль над теми территориями, на которые они могли претендовать, британцы считали иорданскую оккупацию арабской части Палестины оптимальным решением проблемы.

Военные неудачи Арабской армии спасения в ходе боев первой половины 1948 г. привели к тому, что трансйорданский Арабский легион стал восприниматься палестинскими арабами как единственный возможный «избавитель» страны от «сионистской оккупации». Хаос и анархия, охватившие палестинское общество в переходный период «самоликвидации» органов власти британского мандата, заметно облегчали королю Абдалле путь к овладению территориями, на которые он, с точки зрения международного права, претендовать не мог. Мо-

нарх Трансиордании в полной мере воспользовался сложившейся ситуацией, став, с молчаливого согласия Израиля и Великобритании, «могильщиком» палестинской государственности.

Единственной силой, пытавшейся противостоять подобному развитию событий, было египетское руководство во главе с королем Фаруком. Анализируя динамику региональных отношений на протяжении прошедших с тех пор десятилетий, трудно не обратить внимание на то, что даже революция «свободных офицеров», свержение Фарука и приход к власти Г.А. Насера не привели к изменению антииорданской и пропалестинской политики Египта. Подобно тому, как в середине 1960-х гг. под покровительством Г.А. Насера была создана Организация освобождения Палестины, оспорившая право Хашимитской династии на Западный берег Иордана, в ноябре 1948 г. в Газе под покровительством короля Фарука было создано так называемое «Общепалестинское правительство» (All-Palestine government), состоявшее преимущественно из сторонников иерусалимского муфтия. Не признавая право Израиля на существование, это марионеточное образование, созданное и контролируемое египтянами, могло явиться серьезной помехой на пути к осуществлению главной цели короля Абдаллы – присоединению арабской Палестины к Трансиорданскому Хашимитскому королевству. Израильское молчание по этому поводу серьезно беспокоило Абдаллу, и он поспешил направить к М. Шарету своего доверенного представителя. Король был заинтересован в израильской поддержке с целью не допустить установления контроля «Общепалестинского правительства» над территориями Западного берега. Для того, чтобы укрепить свои позиции в глазах палестинских арабов, Абдалла в середине сентября 1948 г. попросил Израиль разрешить беженцам Лода и Рамле, не являющимся партизанами Армии спасения, вернуться в свои дома. Однако М. Шарет заявил, что израильская сторона не готова на данном этапе обсуждать этот вопрос²³⁸.

Беженцы превратились в реальную угрозу власти короля Абдаллы на Западном берегу Иордана. Военные власти не могли предотвратить проникновение масс беженцев на собственно иорданскую территорию. В августе 1948 г. командующий войсками Арабского легиона генерал Джон Глабб (John Bagot Glubb, 1897–1986) направился в Британию с отчетом о положении в Палестине и в Трансиордании. Проблема бежен-

цев занимала значительную часть его отчета, в котором сообщалось, что большинство беженцев не имеет средств к существованию и живет исключительно на те скудные средства, которые предоставляет иорданское правительство, и которых с трудом хватает на то, чтобы выжить. Дж. Глабб также информировал правительство Великобритании, что число беженцев в Аммане превысило число местных жителей и является постоянным источником беспорядков, угрожая стабильности режима. Генерал Дж. Глабб предложил разработать план помощи беженцам, который бы включал три компонента: во-первых, с учетом скорого наступления зимы, обеспечить немедленные поставки продовольствия, палаток, одеял и медикаментов; во-вторых, инициировать проведение общественных работ, направленных на обеспечение занятости беженцев и одновременно – на улучшение инфраструктуры страны, как например, строительство современного порта в Газе; в-третьих, расселить большую часть беженцев на постоянной основе в Газе, Иорданской долине и Вади Араба (Wadi Araba), а остальных – в других арабских странах. Так как более или менее состоятельные беженцы с течением времени перебирались из Трансиордании в Ливан, Сирию и Египет, на Западном и Восточном берегу Иордана остались наиболее незащищенные из них. Предполагая, что они не смогут вернуться на территорию еврейского государства в границах 1947 г., Дж. Глабб считал, что около двухсот тысяч беженцев оказались в положении «изгнанников»²³⁹. Сами палестинские беженцы обвиняли Арабский легион и его командование в том, что они не выполнили своих обещаний и не защитили их от израильских сил, а местную администрацию – в бездушном бюрократизме и нежелании реально облегчить страдания вынужденных переселенцев.

В сложившейся ситуации в израильском руководстве не было согласия касательно оптимальной политической позиции. Израильские лидеры понимали, что в ситуации, когда во главе его армии стоят сорок британских офицеров, Абдалла полностью зависит от Великобритании, относительно дружественности отношения которой к Израилю имелись весьма и весьма серьезные сомнения. Израильские руководители стояли перед принципиальным выбором: содействовать включению арабской части Палестины/Эрец-Исраэль в границы Трансиордании или же высказаться в пользу создания независимого Палестинского государства. Моше Шарет полагал, что следует предпочесть

местных палестинских лидеров королю Абдалле: «Учитывая возможность присоединения арабской части Эрец-Исраэль к Трансиордании, мы, тем не менее, должны содействовать созданию независимого арабского государства на территории восточной части Эрец-Исраэль... Мы должны подчеркнуть желательность подобного решения и постараться убедить заинтересованных лиц в том, что такой вариант предпочтительнее, нежели объединение Палестины с Трансиорданией»²⁴⁰. Данная позиция М. Шарета была основана на убежденности в том, что престиж Абдаллы в глазах палестинских арабов после падения Лода и Рамле, которое Арабский легион не смог предотвратить, был весьма низок. В противовес этому, иерусалимский муфтий, пользовавшийся поддержкой египтян, продолжал укреплять свои позиции среди палестинцев на территориях, контролировавшихся арабами. Однако представители Министерства иностранных дел серьезно сомневались в том, что есть какой-либо шанс создать готовое к мирным переговорам палестинское правительство, вдохновляемое или возглавляемое Хадж-Амином аль-Хусейни. Тем не менее, они продолжали поиски «арабов, способных создать правительство, пользующееся широкой поддержкой в арабском секторе»²⁴¹. С этой целью были предприняты усилия по установлению прямых контактов с палестинскими арабами, которые, в конечном итоге, принесли плоды. Среди тех, кто выразил готовность к переговорам, были и активисты находившихся в оппозиции к иерусалимскому муфтию партий Сулейман Тукан (Sulayman Tuqan) из Шхема и Хафаз Хамдулла (Hafaz Hamdullah) из Анабты. Однако Яков Шимони утверждал, что С. Тукан и Х. Хамдулла не обладают достаточными возможностями для создания устойчивого правительства, способного бросить вызов Арабской Лиге, королю Абдалле и муфтию одновременно. Поэтому он считал, что Израилю, прежде всего, следует достичь соглашения с соседними арабскими странами. Я. Шимони настаивал на необходимости подписания договора с Абдаллой, однако М. Шарет придерживался иного мнения: он опасался того, что рано или поздно Ирак поглотит Трансиорданию и, в этом случае, Израилю придется иметь с ним общую границу. И хотя министр иностранных дел соглашался с тем, что в палестинской среде отсутствовали достаточно сильные и влиятельные лидеры, способные учредить независимое правительство, ведение переговоров с палестинскими арабами могло бы служить,

по его мнению, подспорьем в «торге» с Трансиорданией и Египтом.

Между тем, в августе 1948 г., Э. Сассон преуспел в установлении прямых контактов с египетскими представителями. Он встретился с бывшим главой египетского правительства, Исмаилом Сидки (Ismail Sidqi), который возражал против участия Египта в войне против Израиля. И. Сидки заверил Э. Сассона в том, что он поддерживает раздел Палестины/Эрец-Исраэль и согласен на создание на части этой территории еврейского государства. 21 сентября 1948 г. Э. Сассон встретился с Кемалем Риадом (Kemal Riad), доверенным лицом самого короля Фарука, прибывшим в Париж для того, чтобы выслушать предложения израильской стороны. Э. Сассон передал ему черновой вариант возможного израильско-египетского соглашения о перемирии. Основные пункты этого соглашения состояли в следующем: Египет обязуется прекратить военные действия и, таким образом, «де-факто» признать Израиль. Израиль, со своей стороны, обещает воздержаться от прямого или косвенного содействия любого рода деятельности, направленной против существующего египетского режима. Египетская армия должна отступить с территории Палестины/Эрец-Исраэль. Израиль обязуется не оккупировать освобожденный от присутствия арабских войск регион. Арабы также воздержатся от проникновения в этот регион, гарантируя, тем самым, безопасность близлежащих еврейских поселений. Израиль обязуется согласиться с любым решением, которое примут палестинцы, по поводу будущей судьбы той части Палестины/Эрец-Исраэль, которая, согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, должна отойти к арабам. Египет, в свою очередь, должен расселить палестинских беженцев на территориях, удерживаемых его армией, в арабской части Палестины, либо в соседней стране; Израиль поможет Египту мобилизовать все необходимые для этого денежные и материальные ресурсы. Обе страны обязуются развивать добрососедские отношения, основывающиеся на взаимовыгодном сотрудничестве²⁴². Ответ египтян последовал незамедлительно. Они были готовы отступить только с той территории, которая отводилась ООН под создание Государства Израиль, но не с той, на которой планировалось создание Палестинского государства. Египет, как было заявлено, планирует аннексировать эту территорию, и поэтому египетская армия и администрация останутся там для того, чтобы подгото-

вить данную территорию к слиянию с Египтом; впоследствии, впрочем, Египет не аннексировал занятый им сектор Газа. Египетский представитель также согласился взять ответственность за расселение беженцев при условии, что Израиль окажет необходимое для этого содействие.

Начало военной кампании в Негеве в середине октября 1948 г. прервало израильско-египетские переговоры. Однако после того, как было объявлено о прекращении огня, Э. Сассон обратился к К. Риаду с предложением возобновить прерванный политический диалог. В начале ноября К. Риад объявил о согласии Египта на полное прекращение военных действий при условии, что Израиль отступит со всех территорий, которые, согласно резолюции ООН, должны отойти к арабскому государству, даст свое согласие на аннексию этих территорий Египтом, а также передаст Египту часть южного Негева. К. Риад предложил провести переговоры между полевыми командирами, и лишь когда они увенчаются успехом, начать переговоры на политическом уровне. Показательно, что египетские официальные лица, как и руководители Трансиордании, претендовали на те земли, которые были отведены ООН под независимое Палестинское государство. Однако идея о передаче Египту уже занятого израильскими силами Южного Негева была совершенно неприемлемой для еврейского государства, и переговоры вновь не привели к какому-либо результату. Израильско-египетское соглашение о прекращении огня было подписано лишь в начале 1949 г. на острове Родос, а путь к мирному договору между двумя странами, подписанному Менахемом Бегиним и Ануаром Садатом в Кемп-Дэвиде, занял еще тридцать долгих лет, причем и этот мирный договор фактически не содержал положений, способных привести к решению палестинской проблемы.

Создание «Общепалестинского правительства» в Газе убедило короля Абдаллу в том, что муфтий и арабские страны представляют собой гораздо более серьезную угрозу его планам, нежели Израиль, и это подвигло его на смягчение позиций. Договор о прекращении огня в Иерусалиме стал первым официальным соглашением между Израилем и арабским государством. Будучи обеспокоен угрозой, исходящей от иерусалимского муфтия и его сторонников, король Абдалла стремился договориться о контроле над частью Иерусалима и Западным берегом с Израилем, и договор о прекращении огня пред-

ставлялся ему первым шагом на пути к мирному урегулированию. Израильская сторона также была заинтересована в скорейшем подписании мирного соглашения. В ходе правительственного заседания, на котором было утверждено проведение операции «Хорев», направленной против дислоцированных в Негеве египетских войск, Д. Бен-Гурион произнес следующие слова: «Мы слишком опьянены триумфом. Иммиграция требует прекращения войны. Поэтому я всячески поддерживаю переговоры с королем Абдаллой, хотя и сомневаюсь в том, что Британия позволит ему заключить с нами мир»²⁴³. Пророческий дар не подвел Д. Бен-Гуриона: путь от договора о прекращении огня к полноценному мирному соглашению между Израилем и Иорданией оказался очень долгим, хотя черновой проект мирного соглашения, который тогдашний глава Хашимитского королевства подписал инициалами, был составлен и обсужден еще в ходе переговоров короля Абдаллы с Моше Даяном и Ревуеном Шилоахом в декабре 1949 г. Британцы, имевшие сильное влияние на политику Иордании, возражали против этого договора, и в итоге Абдалла так и не подписал его. Сорок пять лет спустя, в октябре 1994 г., мирное соглашение с Израилем подписал внук Абдаллы – король Хусейн.

Глава VII

ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ: ПОЗИЦИИ ИЗРАИЛЯ И АРАБСКИХ СТРАН

Арабские жители, оставшиеся в Государстве Израиль, получили израильское гражданство сразу же по окончании войны, однако арабские страны повели себя по отношению к оказавшимся на их территории палестинским беженцам абсолютно иначе: Иордания оказалась единственным государством, которое предоставило им гражданство. С 1948 по 1978 гг. Израиль принял свыше 577 тысяч еврейских беженцев/эмигрантов из арабских стран, и более 167 тысяч из них являлись выходцами из тех государств, которые атаковали Израиль в 1948 г., а именно – Сирии, Ливана, Ирака и Египта (в Иордании еврейской общины не существовало)²⁴⁴. Все эти люди также получили израильское гражданство и либо нашли себе работу, либо прибегли к помощи существующей в Израиле системы социального обеспечения. При этом в 1967 г., после восемнадцати лет жизни под властью Иордании и Египта, почти половина жителей сектора Газа (170 тысяч из 350 тысяч человек) и примерно десятая часть жителей Западного берега реки Иордан (около шестидесяти из шестисот тысяч человек) проживали в лагерях беженцев и получали помощь от Управления ООН по делам палестинских беженцев²⁴⁵. Население сектора Газа не получило египетского гражданства, и, как следствие, было лишено элементарных гражданских прав. Примерно две трети палестинских эмигрантов (около двухсот из трехсот тысяч человек), находящихся в Ливане, до сих пор, по прошествии более чем пятидесяти лет с момента их исхода, изолированы в лагерях беженцев²⁴⁶. Не вызывает сомнений тот факт, что речь идет о продолжительных страданиях сотен тысяч людей, однако ответственность за эти страдания ложится на арабские страны, которые своим вторжением в Палестину/Эрец-Исраэль в мае 1948 г. превратили этих людей в беженцев, и отказались от участия в их дальнейшей судьбе после того, как потеряли

поражение в войне с Израилем. Более того, даже на тех территориях, которые, согласно резолюции ООН, должны были отойти к независимому палестинскому государству, и которые были оккупированы в ходе войны Иорданией и Египтом, сотни тысяч людей содержались в лагерях беженцев на протяжении почти двух десятилетий. Финансовое, социальное и даже политическое положение оставшихся в Израиле арабов было значительно лучшим.

Управление ООН по делам палестинских беженцев, которое было создано специально для этой категории вынужденных переселенцев (проблемами всех остальных беженцев в ста двадцати странах мира занимается отдельное Ведомство Верховного комиссара ООН по делам беженцев), ввело особое правило, которое не применяется ни к одной другой категории вынужденных мигрантов: потомки беженцев, родившиеся в изгнании (то есть, за пределами Палестины/Эрец-Исраэль), также получают статус беженцев²⁴⁷. Таким образом, арабским странам предоставляется право не брать на себя ответственность за судьбу сотен тысяч людей, проживающих на их территории, а также создается и культивируется коллективное самосознание этих людей, воспринимающих себя как «беженцев». Вместо того, чтобы способствовать их интеграции, Управление ООН удерживает их на периферии общественной жизни тех стран, в которых они проживают на протяжении многих лет.

Палестинские арабы – не единственные вынужденные переселенцы в результате передела мира в двадцатом веке, но проблема их во многом уникальна. В большинстве случаев беженцам помогали правительства государств, в которых они искали убежища: решение находилось либо в возвращении беженцев на историческую родину, либо в интеграции в сообщества тех стран, в которых они оказались в результате вынужденного переселения. Составляя всего два процента от общего числа беженцев, перемещавшихся по миру после второй мировой войны, палестинские арабы, в значительной части, до сих пор не получили реальной помощи и не изменили свой статус. Они стали единственной общиной, чьей судьбой распоряжалась международная общественность, затянув решение их проблемы на долгие годы. ООН пыталась создать условия для нормальной жизни и трудоустройства беженцев, способствуя ирригации новых земель, созданию фермерских хозяйств и сельских поселений аграрного и промышленного типа с целью

уменьшения числа безработных палестинцев. Интеграция палестинцев в арабских странах была по политическим соображениям искусственно усложнена – и это несмотря на то, что международные организации и сменявшие друг друга правительства Израиля неоднократно выдвигали всевозможные конструктивные инициативы, которые могли бы стать основой достойного решения этой тяжелой человеческой проблемы.

Парадокс этот тем более удивителен, поскольку палестинские арабы обладали сходством языка, религии, уровня социального развития и частично – национального самосознания с народами большинства государств, в которые они прибыли. Однако единственной страной, согласившейся обеспечить натурализацию палестинских беженцев, была Иордания. Остальные арабские страны на протяжении десятилетий продолжали держать палестинских эмигрантов на бесправном положении в лагерях беженцев.

Проблема палестинцев всегда осложнялась различием в подходах к причинам ее возникновения, нежеланием ни одной из сторон взять на себя ответственность за произошедшее, отсутствием единой статистики числа беженцев и единого мнения, кого ими считать. При этом если израильская сторона была готова пойти на определенные уступки ради урегулирования вопроса, то арабские представители были непреклонны и сознательно его затягивали, получая от этого определенные политические выгоды.

Организация Объединенных Наций, которая не сумела предотвратить первую арабо-израильскую войну, столкнулась по ее окончании с широкомасштабной проблемой гуманитарного и социального толка. Надежды на быстрое урегулирование в скором времени развеялись, проблема палестинских беженцев со всей остротой раз за разом вставала на повестку дня, а поиск ее решения растянулся на долгие годы. Споры, основанные на идеологических разногласиях, только запутывали ситуацию, осложняя поиск практического решения проблемы.

Одним из самых острых был вопрос, кто виноват в изгнании палестинцев. Проблема заключалась в том, чтобы установить, по какой причине палестинцы оставили свои дома, и кто несет за это ответственность. Попытке ответа на этот вопрос посвящены многочисленные исследования израильских, арабских и американских исследователей. Произошло ли это из-за умышленных действий израильских военных и политических

структур, либо же массовое бегство палестинских арабов с насиженных мест было спровоцировано арабскими политическими лидерами, видевшими в этом предлог для обеспечения легитимации ведущейся ими против Израиля войны? Ответ на этот историографический вопрос имел – и имеет – далеко идущие оперативные и геополитические последствия.

«Палестинская национальность» арабских беженцев также стала предметом дискуссий. Требования беженцев (либо арабских лидеров, говоривших как бы от их имени) основывались на том, что они – палестинцы. Следовательно, своей целью они ставили возвращение на родину, т. е. в Палестину, как правило, подразумевая свои дома на территориях, на которых было создано Государство Израиль или которые отошли к нему впоследствии в результате победы в развязанной против него арабскими странами войне. Представители Израиля в ответ на это утверждали, что арабский беженец из «израильской части» Палестины/Эрец-Исраэль практически «вернулся на родину», если он находится в тех частях бывшего британского мандата, которые по заключенным в 1949 г. соглашениям о прекращении огня отошли к арабским странам – Египту и Иордании. По данным Организации Объединенных Наций, из 725 тысяч палестинцев, покинувших свои дома, 470 тысяч (почти 65%) остались на территории бывшей подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль: 280 тысяч человек – на отошедшем к Иордании так называемом Западном берегу реки Иордан, а 190 тысяч – в занятом Египтом секторе Газа. В этой связи вопрос о том, насколько этих людей правомерно считать беженцами, представляется весьма непростым.

Собственно говоря, вопрос об общем количестве палестинских арабов, оставивших свои дома и имущество в период между 29 ноября 1947 г. (дата принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181 о разделе Палестины/Эрец-Исраэль) и 20 июля 1949 г. (дата подписания последнего из соглашений о прекращении огня после войны – между Израилем и Сирией), также вызывает горячие споры. Управление ООН по делам палестинских беженцев (Ближневосточное агентство ООН по оказанию помощи палестинским беженцам и организации работ, БАПОР; United Nations Relief and Works Agency for Palestinian Refugees in the Near East, сокращенно – UNRWA), Израиль и арабские государства оперировали весьма противоречивыми данными по этому вопросу. Израильские

представители официально заявили, что в 1948 г. территорию еврейского государства покинули 520 тысяч человек. ООН оценила число беженцев в 726 тысяч человек, а арабские страны настаивали на числе в 900 тысяч человек, утверждая, что данные ООН не учитывают тех палестинских арабов, которые в 1948 г. находились за пределами Палестины/Эрец-Израэль в связи с работой или учебой и не смогли вернуться домой из-за военных действий²⁴⁸. Эти данные были подвергнуты сомнению независимыми исследователями. Согласно проведенной британцами в декабре 1944 г. переписи населения, всего в той части Палестины/Эрец-Израэль, на которой было создано Государство Израиль, проживали 525.500 арабов, из них 170.430 человек – в городах, а 355.070 человек – в сельской местности²⁴⁹. Учитывая тот факт, что примерно 150 тысяч человек остались в Израиле, а 35 тысяч вернулись в 1949–1956 годах, общее число беженцев всех возрастов (непосредственно беженцев, не считая их родившихся впоследствии детей) составляет чуть более 340 тысяч человек.

Существовало мнение, что нужно ограничить проблему только теми, кто действительно бежал, бросив свое имущество (а не, скажем, предварительно продал его), из той части Палестины/Эрец-Израэль, которая отошла к Израилю, так как среди беженцев было много выходцев из арабской части Палестины/Эрец-Израэль и эмигрантов, покинувших этот район задолго до начала боевых действий, а также тех, кто получил статус беженца незаконным путем. В списках Управления ООН по делам беженцев находились и люди, которые никогда не были палестинскими беженцами, а объявили себя таковыми, чтобы получить продовольственную и иную помощь, предоставляемую международными организациями. Многие из беженцев приняли гражданство стран, на территории которых они оказались, и активно участвовали во внутренней политике этих государств. Предлагалось считать этих людей мигрантами, интегрировавшимися в местах своего нового проживания, исключив их из числа беженцев.

Разногласия между сторонами, связанные с определением того, по чьей вине возникла проблема беженцев, влияли на подходы к ее решению и усложняли достижение компромисса. Руководство Израиля подчеркивало, что эта проблема является прямым следствием отказа арабов принять план раздела Палестины/Эрец-Израэль, что лишило палестинцев возможно-

сти мирно жить в собственном государстве. Арабские лидеры занимали противоположную позицию, утверждая, что еврейские переселенцы заняли земли палестинских арабов.

Арабы требовали для беженцев абсолютного права на возвращение в покинутые ими дома и населенные пункты. Д. Бен-Гурион не без оснований заявлял, что такое предложение делается исключительно из расчета разрушить Израиль изнутри, превратив еврейское государство в двунациональное, с преобладающим арабским большинством. По его мнению, единственно правильным и справедливым решением проблемы беженцев было их расселение «среди своего народа в странах с достаточным запасом воды и земли, нуждающихся в рабочей силе»²⁵⁰.

Право беженцев на возвращение было самым острым из вопросов, затрагиваемых в обсуждениях палестинского вопроса в ООН. 19 ноября 1948 г. на третьей Генеральной Ассамблее ООН была принята резолюция № 194 (III), в параграфе 11 которой содержались основные принципы, отражавшие отношение ООН к вопросу о палестинских беженцах.

В резолюции говорилось, что «беженцы, желающие вернуться в свои дома и жить в мире со своими соседями», должны получить возможность осуществить свои намерения, а тем, кто решит не возвращаться, будет выплачена компенсация за оставленную собственность и возмещен ущерб «в соответствии с принципами международного права», за что будут отвечать правительства государств, затронутых этой проблемой. По мнению Израиля, формулировка «беженцам должно быть разрешено вернуться к ближайшему возможному сроку» («the refugees ... should be permitted [to return] at the earliest practicable date») означала, что только суверенное Государство Израиль может дать разрешение на возвращение и определить его сроки. Арабские страны категорически отвергали подобное толкование.

Вне всякого сомнения, подобная интерпретация является ошибочной. Параграф 11 не предоставляет беженцам каких-либо неограниченных «прав на репатриацию», и даже не использует данной формулировки. В действительности ООН, согласно вверенным ей полномочиям, не имеет ни малейшего права по своему усмотрению предоставить тому или иному лицу возможность въезда на территорию какого-либо суверенного государства. Хотя такой термин как «права» и содержался в

первоначальном проекте резолюции (UN Doc. A/C1/394, Rev. 2), в конечном итоге он был отвергнут большинством голосов и вычеркнут из текста. Вместо этого была использована фраза «следует разрешить» – разумеется, разрешение может быть предоставлено исключительно тем правительством, которое стоит во главе упомянутого в резолюции государства. Что же касается вопроса о принятии беженцев и их расселении на своей территории, то Израиль должен принимать во внимание ситуацию в целом, и, что особенно важно, руководствоваться соображениями безопасности, которые учитывают характер взаимодействия между еврейским государством и его арабскими соседями, а также позицию самих беженцев в отношении Израиля. В резолюции говорилось о беженцах, желающих «жить в мире с соседями» («the refugees wishing to ... live at peace with their neighbors»); таким образом, самой Организацией Объединенных Наций возвращение палестинских арабов было напрямую увязано с установлением мира в Палестине/Эрец-Исраэль.

Право беженцев на возвращение в международном законодательстве имеет достаточно проблематичный характер. По словам Дона Переца, «когда подобное право оговаривается, оно обычно относится к возвращению беженцев в государства, национальная идентичность которых соответствует национальности самих беженцев. Однако, поскольку подавляющее большинство палестинцев никогда не были гражданами Израиля, это “право”, как правило, не рассматривается применительно к ним. Значительно в большей степени внимание в международном законодательстве уделяется отсутствию давления на беженцев со стороны местных властей, с целью заставить последних вернуться в те страны, из которых они бежали»²⁵¹. Следует отметить, что подобное давление методично оказывается со стороны арабских стран, и во многом благодаря вышеозначенному давлению палестинские беженцы, даже те, которые ни разу не были на своей «исторической родине», ощущают себя именно палестинцами, а не египетскими или иорданскими подданными.

Более того, следует упомянуть тот факт, что Резолюция № 194 содержит четырнадцать взаимосвязанных параграфов, основная цель которых состоит в том, чтобы способствовать достижению «окончательного соглашения по всем спорным вопросам» между Израилем и соседними арабскими государ-

ствами. Таким образом, ни один из параграфов – также как и параграф одиннадцатый, касающийся проблемы беженцев – не может рассматриваться в отрыве от общего контекста резолюции. Попытки арабских лидеров обособить проблему беженцев от всех остальных вопросов, упоминаемых в резолюции, были решительно пресечены Комиссией по примирению, которая постоянно подчеркивала наличие взаимосвязи между всеми выносимыми ею постановлениями. «Комиссия по примирению признает чрезвычайную значимость проблемы беженцев как с общечеловеческой, так и с политической точки зрения, и настаивает на ее безотлагательном решении. Тем не менее, Комиссия не считает целесообразным рассматривать какой-либо вопрос вне зависимости от общего контекста мирных переговоров и не готова вывести его за рамки окончательного урегулирования конфликта»²⁵².

Арабские лидеры категорически отказывались принять эти условия. Так, 20 сентября 1955 г. премьер-министр Сирии заявил: «Израиль – заклятый враг Сирии. Арабы не успокоятся, пока этот бесчестный враг находится на святой земле в самом сердце арабского мира». В свою очередь тогдашний премьер-министр (а впоследствии президент) Египта Г.А. Насер 14 октября 1955 г. сказал в своем интервью одной из американских газет, что «ненависть арабов очень сильна и нет никакого смысла говорить о мире с Израилем». По его словам, «нет даже малейшей возможности на ведение мирных переговоров между арабами и Израилем». За кулисами подобных воинственных деклараций переговоры между сторонами все же происходили, правда, через посредников. Так, на протяжении полутора месяцев – с 23 января по 9 марта 1956 г. – специальный представитель президента США Д. Эйзенхауэра Роберт Андерсон провел серию встреч с Д. Бен-Гурионом и Г.А. Насером с целью добиться снижения напряженности в отношениях между сторонами. Однако эти переговоры не привели к достижению желаемого результата: Г.А. Насер отклонил все предложения Р. Андерсона об организации прямых контактов между израильскими и египетскими представителями, недвусмысленно заявив, что после убийства короля Иордании Абдаллы опасается, что контакты с израильтянами могут стоить ему жизни. Именно неготовность Г.А. Насера к прямым (пусть даже и тайным) контактам с израильтянами привела к срыву миссии Р. Андерсона²⁵³. Как отмечал тогда в своем до-

кладе, представленном Генеральной Ассамблее ООН, чрезвычайный и полномочный посол Израиля в ООН (а впоследствии – министр иностранных дел) Абба Эвен, подобное отношение арабских стран к еврейскому государству сделало невозможным возвращение палестинских беженцев в Израиль. Израиль не мог принять требования о расселении на своей территории сотен тысяч людей, ни в коей мере не готовых проявлять лояльность к провозглашенному согласно решению ООН еврейскому государству, а, напротив, готовых на вооруженную борьбу с ним²⁵⁴. Кстати сказать, в ходе своей первой беседы с Р. Андерсоном, состоявшейся 23 января 1956 г., Г.А. Насер утверждал, что столь беспокоившие Израиль проникновения арабских боевиков из сектора Газы не выражают заинтересованность египетского руководства в накаливании обстановки на границе, а являются результатом враждебности, которую питают к Израилю живущие в Газе палестинские беженцы. Вероятно, таким образом Г.А. Насер хотел снять с себя ответственность за происходившие на границе инциденты и террористические акты, однако обращение к враждебности, питаемой живущими в Газе палестинскими арабами по отношению к Израилю, представляется в высшей степени показательным. Египетское руководство ничего не сделало ни для абсорбции живших в Газе палестинских беженцев (по состоянию на июнь 1955 г. их численность оценивалась в 214.600 человек, из коих 124.100 человек проживали в лагерях беженцев²⁵⁵), ни для снижения уровня ненависти к Израилю в их среде.

Резолюция № 194 (III), принятая 11 декабря 1948 г., ограничивала возвращение палестинских арабов в места их довоенного проживания двумя условиями: во-первых, возможностью практического осуществления массового возвращения, и, во-вторых, способностью арабов и евреев сосуществовать в мире. С каждым годом надежда на выполнение этих условий уменьшалась.

15 июня 1949 г., выступая с трибуны Кнессета, министр иностранных дел Израиля Моше Шарет сказал: «Поток возвращающихся арабов может взорвать нашу страну изнутри. Даже на тех людей, которые вернутся сейчас, может быть, и в поисках мира, нельзя будет положиться в случае нового взрыва; напротив, не приходится сомневаться, что они будут повторно охвачены вихрем. Массовая репатриация беженцев в условиях отсутствия мира с соседними государствами будет

самоубийством Израиля. Ни одно государство мира на нашем месте не стало бы думать ни о чем подобном»²⁵⁶.

Подобным же образом аргументировал позднее свою позицию сменивший М. Шарета на посту главы МИДа А. Эвен: «Разве теперь, когда Израиль блокирован с суши, когда он находится в состоянии войны с арабскими странами, когда ему угрожает опасность развязанной арабами беспрецедентной гонки вооружений, он может допустить на свою территорию людей, проникнутых к нему ненавистью? Я не верю, что такая идея может найти поддержку у здравомыслящих руководителей. Да и самих арабов было бы несправедливо заставлять играть в ту же самую игру, которая в свое время превратила их в изгнанников»²⁵⁷.

Говоря о причинах, препятствующих возвращению палестинских арабов в Израиль, А. Эвен ссылался на конкретные примеры интеграции беженцев в Иордании и Сирии, подчеркивая абсурдность предоставления израильского гражданства людям, которые призываются на военную службу в государствах, находящихся в состоянии войны с Израилем, и фактически являются их гражданами. Массовое возвращение палестинцев привело бы к тому, что сотни тысяч людей оказались в государстве, чьему существованию они противятся, «чей флаг презирают и к чьему разрушению они стремятся»²⁵⁸.

В своей полемике с арабскими лидерами А. Эвен выдвигал следующие аргументы против идеи возвращения (репатриации) палестинских беженцев в Израиль. Во-первых, он подчеркивал, что сам термин «репатриация» (от латинского «patria» – родина), употребляется в этой связи некорректно, так как прибытие арабских беженцев из арабских земель на неарабские не является возвращением на родину. Он говорил: «Патриа» – не просто географическое понятие. Расселение беженцев в Израиле будет не репатриацией, а их отчуждением из арабского общества; только процесс объединения с людьми, которые разделяют их национальные чувства, культурное наследие и языковое своеобразие стал бы настоящей репатриацией арабского беженца»²⁵⁹. С точки зрения руководства Израиля, в ходе репатриации палестинцы были бы вырваны из привычной среды и оказались бы на территории чужого народа, которому они враждебны. «Израилю, чьему суверенитету и безопасности угрожают окружающие его государства, предлагается увеличить число источников опасности наплывом с враждебных тер-

риторий массы людей, воспитанных в ненависти к нему», – с удивлением и горечью отмечал А. Эвен²⁶⁰.

В своем выступлении перед Кнессетом М. Шарет заявил: «Правительство Израиля остается твердым в своем убеждении, что расселение арабских беженцев в соседних странах не только необходимо и справедливо относительно ко всем обстоятельствам произошедшего, прошлым и настоящим, но что в долгосрочной перспективе это лучший исход как для самих беженцев, так и для стран, в которых они будут расселены, и их отношений с Израилем»²⁶¹. Фактически, едва ли не все израильские лидеры делали акцент на принадлежности палестинцев к арабской нации, но стремились ли сами арабские государства открыть объятия навстречу палестинским беженцам? Проблема палестинских беженцев искусственно раздувалась ими из политических соображений, несмотря на все социальные, экономические и культурные факторы, которые в иных условиях давно бы привели к ее решению. По словам Д. Бен-Гуриона, арабские страны относились к палестинцам не как к людям и представителям своего народа, а лишь как к оружию, с помощью которого можно нанести удар по Израилю²⁶².

Эта позиция разделялась и представителем Управления ООН по делам беженцев в Иордании Ральфом Галлоуэем (Ralph Galloway), который заявил: «Очевидно, что арабские государства не хотят решать проблему беженцев. Они стремятся сохранить ее как открытую рану, в качестве вызова ООН и оружия против Израиля. При этом арабским лидерам наплевать, выживут палестинцы или умрут»²⁶³. Подобную весьма критичную позицию занял и король Иордании Хусейн, заявивший в интервью агентству «Associated Press» в январе 1960 г.: «Начиная с 1948 г. арабские лидеры проявили известную безответственность при решении палестинской проблемы. ... Они использовали палестинцев для достижения собственных политических целей. Это – безобразие, граничащее с преступлением»²⁶⁴. Тот факт, что король Хусейн был единственным арабским лидером, предоставившим палестинским беженцам гражданство своей страны, давал ему полное право на подобный критицизм.

В 1950-е годы арабские режимы рассматривали различные планы по расселению палестинских беженцев. В 1949 г. сирийский лидер Хусни аль-Заим (Husni al-Za'im) утвердил план по расселению трехсот тысяч палестинских беженцев в районе

аль-Джазира, расположенном в северо-западной части Сирии (этот план был с энтузиазмом поддержан Джорджем МакГи (George McGhee), специальным помощником госсекретаря США)²⁶⁵. В 1954 г. египетское правительство приняло к рассмотрению план, составленный США совместно с Управлением ООН по делам палестинских беженцев, по расселению беженцев из Газы в районе Синайского полуострова. Однако оба этих плана не были претворены в жизнь.

Израильские дипломаты подчеркивали, что, начиная с 1948 г., в сущности, происходил обмен населением между Израилем и арабскими странами. Израиль предоставил гражданство 800 тысячам иммигрантов, большая часть из которых (570 тысяч) прибыла из арабских стран, причем их число было примерно равным количеству арабов, покинувших Палестину. Евреи, прибывшие в Израиль из Ирака (125 тысяч человек), Египта (38 тысяч человек), Йемена (50 тысяч человек), Марокко (253 тысячи человек), Туниса (46 тысяч человек), Ливии (34 тысячи человек) и других арабских государств, так же, как и палестинцы, оставили в странах исхода свои дома и имущество. Израиль принял их, предоставил им гражданство, а с течением времени – жилье и возможность трудоустройства, опираясь преимущественно на собственные силы. По мнению Израиля, в этих условиях существовали все объективные предпосылки для абсорбции палестинцев в арабских странах. Арабский мир обладает территориями в два с половиной миллиона квадратных километров, богатыми природными ресурсами, в то время как Израиль представляет собой маленькую страну с ограниченными природными ресурсами, территория которой в границах 1949–1967 гг. – всего лишь двадцать с половиной тысяч квадратных километров. По сравнению с интеграцией выходцев из мусульманских стран в Израиле, которая наталкивалась на значительные социальные и культурные трудности, интеграция палестинцев в арабских странах могла проходить проще, так как в этом случае не было таких сильных различий в социальной и культурной среде страны исхода и нового места жительства. Как отмечал А. Эвен, этот же вывод содержится в отчете Исследовательской группы по вопросам европейской миграции, в котором говорилось: «Палестинские арабы обладают значительным сходством национального самосознания, языка, религии и социальной организации с арабами других стран, а

жизненные стандарты большинства беженцев немногим отличаются от стандартов жителей государств, которые уже предоставили им убежище или предоставят его в будущем»²⁶⁶. Сходная точка зрения была выражена и в докладе Специальной рабочей группы по вопросам Ближнего Востока и Африки Комитета по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США: «В отличие от беженцев в других частях мира, палестинские беженцы не отличаются от других арабов языком или социальной организацией. Расселение, таким образом, будет проходить в знакомом им окружении»²⁶⁷.

Принятая в декабре 1948 г. резолюция № 194 (III) является первым, и вплоть до сегодняшнего дня – основным, юридическим документом, принятым ООН, на который ссылаются палестинские и иные арабские организации, утверждающие, что арабы, покинувшие территорию Палестины/Эрец-Исраэль в 1947–1949 гг., а также их потомки, имеют право вернуться в свои дома, расположенные на территории Государства Израиль. Показательно при этом, что все без исключения арабские страны голосовали в ООН против той самой резолюции № 194 (III), на которую они постоянно ссылаются в настоящее время.

Согласно параграфу 3 этой резолюции была создана Комиссия по примирению в Палестине (The Palestine Conciliation Commission) из представителей Франции, Турции и США, на которую ООН возлагала, согласно параграфу 11 той же резолюции, «ответственность за облегчение репатриации, расселения и экономической и социальной реабилитации беженцев и выплаты компенсаций»²⁶⁸. Комиссия пыталась найти конструктивное решение проблемы, сформировав рабочую группу по анализу экономической ситуации в странах Ближнего Востока во главе с американским экономистом Гордоном Клеппом (Gordon R. Clapp).

Аннексия Западного берега Иорданией предполагала выработку ею четкой политики в отношении проблемы беженцев. Большинство из них оказалось на иорданской территории, в надежде обеспечить сколько-нибудь приемлемый уровень жизни, они стремились в столицу, из-за чего население Аммана выросло в течение пяти лет (с 1946 г. по 1951 г.) с сорока до ста двадцати тысяч человек. Осенью 1949 г. Миссия Клеппа оценила их численность на обоих берегах Иордана в триста

пятьдесят тысяч человек. Когда в мае 1950 г. Управление ООН по делам палестинских беженцев развернуло свою деятельность, полный пакет гуманитарной помощи предоставлялся 463 тысячам жителей Иордании. Кроме того, частично помощь от Управления получали еще двадцать тысяч человек, не бывших беженцами, но чьи земли после заключения соглашения о перемирии и проведения новых демаркационных линий оказались на израильской стороне, а также неимущие жители Восточного Иерусалима.

Согласно принятым в Иордании законам, каждый палестинский араб обретал право на получение гражданства страны и имел равные права на рынке труда. К апрелю 1951 г. иорданское подданство приняли сто пятьдесят тысяч палестинских беженцев. Однако из-за ограниченных возможностей иорданской экономики, лишь не более половины из них смогли устроиться на работу, хотя еще весной 1949 г. иорданские власти собрали информацию в лагерях беженцев на восточном берегу о профессиональной квалификации их жителей с тем, чтобы наиболее эффективно решить вопрос об их трудоустройстве. Те, кто не сумели устроиться на работу, жили на помощь, предоставляемую Управлением по делам палестинских беженцев, функции которого вышли далеко за собственно гуманитарную деятельность. Эта организация превратилась в реальную экономическую силу, которая в те сложные годы во многом спасла Иорданию от гиперинфляции и тяжелого экономического кризиса.

Интеграция беженцев в Иордании была тесно связана с проектами по увеличению площади обрабатываемых земель. Расселение беженцев по иорданской территории происходило медленными темпами, так как, несмотря на то, что земельных ресурсов было вполне достаточно, ирригационные системы были развиты далеко не везде. Британские специалисты разработали специальные схемы расселения с учетом использования вод рек Иордан и Ярмук. Предполагалось, что озеро Кинерет будет использоваться для сбора воды в зимний период с тем, чтобы за этот дождливый период в нем набралось достаточно воды для орошения иорданской долины летом. Однако реализация проекта по строительству дамбы на реке Ярмук началась только в 1953 г. Одновременно с планированием расселения палестинских беженцев в Иорданской долине Управлением ООН по делам палестин-

ских беженцев разрабатывались планы по заселению юга страны, однако их реализация зависела от обнаружения там источников грунтовых вод.

Иордания оказалась единственной из стран-членов Лиги арабских государств (ЛАГ), которая готова была абсорбировать палестинских беженцев и не настаивала на их возвращении в оставленные ими дома. Так, хотя в марте 1949 г. премьер-министр Иордании Тауфик Абу аль-Худа (Abu al-Huda, 1889–1956) от имени своей страны поддержал коллективное требование ЛАГ о репатриации беженцев, на отдельных переговорах с членами Палестинской комиссии по примирению он выразил готовность согласиться с их расселением в арабских странах. При этом по внутривнутриполитическим соображениям и ввиду внутриарабских политических игр Иордания всячески избегала публичных заявлений на этот счет. Король Абдалла, однако, пошел еще дальше своего верного премьер-министра (с 1938 по 1955 г. Т. Абу аль-Худа возглавлял двенадцать составов правительственного кабинета), и в разговоре с американским представителем в Аммане У. Стэблером (Wells Stabler), он выразил твердую убежденность, что все беженцы должны быть абсорбированы в тех местах, где они оказались после окончания войны. Массовое возвращение, по словам короля, создаст постоянный очаг напряженности в отношениях между арабскими странами и Израилем²⁶⁹.

В связи с проблемой беженцев король Абдалла в каком-то смысле оказался в ловушке: с одной стороны, он хотел выглядеть в глазах палестинских арабов защитником, героем и подлинным лидером, но с другой, открытая поддержка принципа абсорбции и интеграции беженцев за пределами мест их исторического проживания означала бы, что король не только действует вразрез с недвусмысленной волей большинства из них, но и фактически признает свою неспособность освободить Палестину и заявляет о том, что они навсегда потеряли свои дома. Активное сопротивление палестинских беженцев в Иордании аннексии ею Западного берега объяснялось среди прочего и тем, что они опасались окончательно потерять свое право на возвращение, а также лишиться помощи, предоставляемой гуманитарными структурами ООН.

Миссия Г. Клеппа предложила несколько широкомасштабных проектов развития арабских стран для проведения работы по расселению беженцев в Сирии, на северо-западе принад-

лежавшего Египту Синайского полуострова, в долинах рек Ярмук и Иордан в Иордании. Именно основываясь на предложениях, содержащихся в поданном 28 декабря 1949 г. докладе Г. Клеппа, Генеральная Ассамблея ООН приняла решение о создании Управления по делам беженцев. Группа Г. Клеппа предлагала широкую программу действий для обеспечения трудоустройства палестинских беженцев²⁷⁰. Суть ее сводилась к тому, что мир и стабильность на Ближнем Востоке не могут быть достигнуты, пока огромная часть людей не достигнет более высокого жизненного уровня. Это было возможно лишь при всестороннем развитии экономических ресурсов Ближнего Востока, которое должно было начаться с развития сельского хозяйства. Предполагалось, что предлагаемые программы трудоустройства палестинских беженцев будут способствовать повышению уровня экономического развития стран, на территории которых они оказались. Ответственность за проведение в жизнь этой программы возлагалась на правительства государств, участвующих в ней. В частности, на правительство Ливана возлагалась ответственность за проект развития региона реки Литани; на Иорданское Хашимитское королевство – за развитие районов вади Зерка и вади Кельт; сирийское правительство должно было проследить за осуществлением проекта развития бассейна реки Оронт и за обеспечением жильем людей, которые будут там работать.

На словах арабские лидеры выражали готовность участвовать в реализации этих и им подобных проектов, но на деле затягивали их обсуждение, сводя на нет заинтересованность ООН в их финансировании. В реальности ни один из этих проектов, в финансировании которых ООН готова была принять значительное участие, так и не был реализован. Парадоксально, но факт: многие из них были отклонены правительствами арабских стран именно потому, что их реализация способствовала бы решению проблемы палестинских беженцев, которая в результате должна была сойти с повестки дня. Именно это больше, чем судьба самих беженцев, пугало арабских правителей.

В 1950-е гг. палестинские беженцы были в основном заняты на строительстве дорог и посадке лесонасаждений. При этом они продолжали жить в лагерях, созданных под эгидой ООН, а их заработная плата была крайне низкой. Ввиду неопределенности их будущего сильно пошатнулось и моральное

состояние палестинских беженцев. В разных местах происходили стихийные волнения, в Ливане и Сирии даже звучали призывы организовать массовое шествие палестинских беженцев назад, на израильскую территорию.

В своем докладе Гордон Клепп подчеркнул, что все предлагаемые его группой проекты могут привести к «более полному развитию ресурсов стран Ближнего Востока, ... но так как экономика и политика всегда смешиваются в человеческой деятельности, одно только экономическое развитие не может привести к миру и прогрессу, если отсутствует политическая воля установить мир»²⁷¹. Эти слова во многом оказались пророческими: именно отсутствие воли к установлению мира с Израилем привело к тому, что подавляющее большинство рекомендаций группы Г. Клеппа так и не были реализованы. Исследовательская группа по вопросам европейской миграции пришла в своей работе к следующему заключению: «Официальное отношение арабских стран хорошо известно. Это стремление предотвратить адаптацию или интеграцию любого вида, так как беженцы рассматриваются как средство политического давления, чтобы стереть Израиль с лица земли или добиться от него как можно большего числа уступок»²⁷².

Более того: в отличие от арабских стран, не признававших еврейских эмигрантов беженцами и отказывавшихся обсуждать вопрос выплаты им каких-либо компенсаций, Израиль выразил готовность выплатить палестинским беженцам компенсации за оставленную ими собственность и сотрудничать по этому вопросу с международными организациями. Общая стоимость покинутой палестинскими арабами собственности, включая земельные угодья, в ноябре 1951 г. была оценена Отделом по делам беженцев Комиссии ООН по примирению в Палестине (The Refugee Office of the Palestine Conciliation Commission) в 100 миллионов 383 тысячи палестинских фунтов (280 миллионов долларов в ценах того времени)²⁷³. Израиль, с определенными ограничениями, был готов к переговорам о размерах материальной компенсации, настаивая, со своей стороны, на следующих четырех условиях:

Во-первых, соглашение о компенсациях приведет к миру или, по крайней мере, к прекращению арабского бойкота Израиля.

Во-вторых, выплаты будут производиться в соответствии с финансовыми возможностями страны. Темпы выплат будут

ускоряться при предоставлении Израилю международными организациями экономической помощи.

В-третьих, беженцы, получившие компенсации, должны будут отказаться от требования вернуться в Израиль, равно как и от последующих финансовых претензий.

В-четвертых, соглашение должно включать удовлетворение встречных требований Израиля о возмещении ущерба еврейским беженцам из арабских стран.

Хотя израильское руководство предпочитало решать проблему арабских беженцев в рамках полномасштабного мирного урегулирования, оно также выразило готовность рассматривать этот вопрос обособленно. Арабские же страны (по крайней мере, официально – неофициально Р. Андерсон обсуждал с Г.А. Насером программы расселения палестинских беженцев, находившихся в Газе, в Сирии и в Ираке) требовали от Израиля безоговорочно согласиться на возвращение всех палестинских беженцев как предварительное условие для начала каких-либо переговоров о мирном урегулировании. Такую позицию Израиль принять, конечно же, не мог.

Начиная с декабря 1949 г. – именно тогда была принята резолюция № 302 (IV) – Генеральная Ассамблея ООН ежегодно обращалась к арабским государствам, на территориях которых находились палестинские беженцы, с призывами облегчить их экономическую и политическую интеграцию, предоставить им возможности трудоустройства, свободного передвижения, получения образования и использования экономических возможностей арабских государств для их успешной абсорбции. Если бы эти рекомендации были выполнены, палестинские беженцы были бы сейчас полноценными членами общества в арабских государствах, с которыми они связаны религией, языком и культурой. Руководители этих стран (за исключением Иордании), однако, предпочли оставить беженцев на бесправном положении, ничего не предпринимая для облегчения их положения из соображений политического противостояния с Израилем. Нерешенная проблема, в которой всегда можно было обвинить Израиль, выглядела в их глазах важным политическим капиталом, от которого они не собирались отказываться.

Неготовность арабских стран к какому-либо конструктивному сотрудничеству с целью решения этого вопроса десять лет спустя привела к провалу инициатив, выдвинутых тогдаш-

ним Генеральным секретарем ООН шведским дипломатом Дагом Хаммаршельдом (Dag Hammarskjöld, 1905–1961). В своем видении проблемы Д. Хаммаршельд также выдвигал на первый план ее экономический аспект: интеграцию палестинских беженцев в экономическую жизнь Ближнего Востока он оценивал как неотъемлемую часть развития всего региона. По его мнению, перспективы выглядели довольно обнадеживающе, так как мировое сообщество было готово способствовать экономическому развитию арабских стран, а в дальнейшем экономические условия позволили бы «устранить политические и психологические препятствия в созидательной атмосфере, с чувством справедливости и реализма»²⁷⁴. В своих предложениях Д. Хаммаршельд охарактеризовал палестинских беженцев как «резервуар человеческого капитала, который при желательном общем экономическом развитии будет способствовать созданию более высоких жизненных стандартов для всего населения региона»²⁷⁵. Предложения Д. Хаммаршельда были, однако, подвергнуты резкой критике арабскими странами, а после его гибели в авиационной катастрофе в 1961 г. – преданы забвению.

Представляется очевидным, что нефтедобывающие страны Персидского залива могли предоставить палестинским беженцам широкие возможности для трудоустройства, а благодаря их значительной языковой и культурной общности с местными жителями их интеграция в сфере экономических и производственных отношений происходила бы достаточно успешно. Рост экономического потенциала суверенных арабских государств создал такие перспективы для занятости, которых не существовало в колониальный период. Если бы палестинцам была предоставлена в арабских странах возможность свободного перемещения, проблема во многом могла бы решиться сама собой в ходе спонтанной абсорбции палестинцев в развивающихся хозяйственных системах арабских государств. Однако правительства большинства арабских стран предотвратили подобное развитие событий. Парадоксально, но факт: по данным ООН, на всем протяжении периода с 1950 по 1956 гг. процент палестинских беженцев, проживавших в специально отведенных для них лагерях, не только не уменьшался, но постоянно рос: от 29,3% (менее 268 тысяч человек) от общего числа беженцев в 1950 г. до 38,6% (более 358 тысяч человек) – в 1956 г.²⁷⁶ Арабские страны на протяжении многих

лет продолжали отторгать палестинских беженцев, только на словах защищая их интересы в международных организациях, саботируя проекты, которые могли бы привести к реальному облегчению их положения.

Структуры Организации Объединенных Наций так и не смогли выработать реально осуществимую и приемлемую как для самих палестинских беженцев и их потомков, так и для Израиля и соседних арабских стран модель урегулирования данной проблемы. В резолюции № 242 от 22 ноября 1967 г. – едва ли не самом известном постановлении Совета Безопасности ООН по арабо-израильскому конфликту – данному вопросу посвящено лишь одно предложение, сформулированное в весьма расплывчатой форме: «Совет Безопасности ... констатирует далее необходимость ... достичь справедливого урегулирования проблемы беженцев»²⁷⁷. О том, какое именно урегулирование данного вопроса можно считать «справедливым», равно как и о том, как именно его достичь, в документе не говорится ни слова. Показательно, что в подробной телеграмме, отправленной в тот же день советскими дипломатами руководству МИД СССР, в которой подробно описывается не только суть данной резолюции (принятой по инициативе Великобритании), но и процесс выдвижения ее проекта и голосования по нему, тема беженцев не поднимается вообще²⁷⁸. В чуть менее, но также очень известной в контексте арабо-израильского конфликта резолюции Совета Безопасности № 338 от 22 октября 1973 г. (равно как и в принятых в последующие дни резолюциях № 339 и № 340) вопрос о беженцах не упоминается²⁷⁹.

Фактически, вопрос о палестинских беженцах скольконибудь конкретно не обсуждается ни в одной из резолюций Совета Безопасности ООН. Регулярное обсуждение этого вопроса на заседаниях Четвертого комитета Генеральной Ассамблеи ООН, занимающегося, согласно определению его статуса, специальными политическими проблемами и вопросами деколонизации, не имеет какого-либо практического значения, ибо обязывающими нормами международного права считаются не решения тех или иных комитетов ООН и даже не резолюции Генеральной Ассамблеи, а только и исключительно утвержденные резолюции Совета Безопасности. Однако даже и в этих документах не предлагается конкретных путей разрешения ситуации, а лишь раз за разом повторяется положение подробно рассматривавшегося выше пункта 11 резолюции № 194

(III) от 11 декабря 1948 г. о «репатриации беженцев или выплата им компенсации»²⁸⁰. В принимаемых год за годом документах (последний раз – на пятьдесят девятой сессии Генеральной Ассамблеи, в резолюции № 59/117 от 10 декабря 2004 г.) «с сожалением отмечает[ся]..., что Согласительная комиссия Организации Объединенных Наций для Палестины не смогла найти способ добиться прогресса в выполнении пункта 11 резолюции № 194 (III) Генеральной Ассамблеи». Дальше сожалений дело не идет: «Генеральная Ассамблея» всего лишь «просит Комиссию прилагать непрестанные усилия к выполнению этого пункта и в надлежащие сроки [которые каждый раз сдвигаются еще на год, и еще на год] представить Ассамблее доклад»²⁸¹. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что за почти шестьдесят лет, прошедших с момента возникновения этой проблемы, структуры ООН продемонстрировали полную неспособность предложить ее разумное и реализуемое решение. Сказанное, однако, ни в коей мере не означает недооценки той большой роли, которое играет Управление ООН по делам палестинских беженцев в развитии системы образования и медицинских учреждений в лагерях (прежде всего, в Ливане и в Газе) и за их пределами.

Описывая обсуждение проблемы палестинских беженцев израильскими и арабскими представителями, невозможно обойти вниманием те международные конференции, на которых поднималась эта проблема. Таких конференций было три: первая прошла в 1949 г. в Лозанне, вторая – в 1950 г. в Женеве, а третья – в 1951 г. в Париже. Впоследствии тема палестинских беженцев поднималась в декабре 1973 г. на конференции в Женеве после Войны Судного дня, в ходе израильско-египетских переговоров в сентябре 1978 г. и на Мадридской конференции в октябре–ноябре 1991 г.²⁸² Если первые три конференции, пусть и не приведшие к каким-либо конкретным результатам, были организованы с надеждой достичь некоего значительного прогресса в решении вопроса о беженцах, то упоминание этой темы на конференциях и переговорах 1970-х – 1990-х гг. имело преимущественно церемониальное значение, и ни одна из сторон не рассчитывала всерьез на изменение сложившегося к тому времени status-quo. Фактически, серьезно эта тема не обсуждалась сторонами полвека. Перелом наступил в ходе переговоров в Кемп-Дэвиде в июле 2000 г. и в Табе в январе 2001 г., когда правительство Эхуда Барака

(Ehud Barak) выразило готовность на беспрецедентные уступки израильской стороны по вопросу о праве палестинских беженцев и их потомков на возвращение. Показательно, что арабские представители отклонили все израильские предложения по этому вопросу – как полвека назад, так и в ходе недавних переговоров.

Наиболее многообещающей была конференция в швейцарском городе Лозанна, проходившая под патронажем состоявшей из представителей Франции, Турции и США Комиссии по примирению в Палестине с 27 апреля по конец августа 1949 г. В конференции принимали участие представители Израиля, Египта, Сирии, Иордании и Ливана. Примечательно, что хотя вопрос о палестинских беженцах был одним из трех основных пунктов повестки дня конференции (наряду с вопросами о достижении мирных соглашений между Израилем и арабскими странами и о разработке системы правления в Иерусалиме), представители палестинских арабов не были приглашены на нее. Когда же группа из пяти человек, называвших себя «представителями лагерей беженцев», во главе с Мухамедом Нимером аль-Хавари (Muḥamed Nimer al-Hawari) прибыла на конференцию, единственная делегация, которая согласилась с ней встретиться, была делегация Израиля. Как представители стран-организаторов конференции, так и участвовавшие в ней делегации арабских стран отказались встретиться с палестинскими представителями и уж тем более – признать их равноправными партнерами за столом переговоров. После нескольких встреч с израильским дипломатом Элиягу Сассоном, занимавшим в то время пост руководителя ближневосточного отдела МИДа Израиля (впоследствии он был послом Израиля в Италии и Швейцарии, а также членом правительства страны), палестинские представители провели десятки встреч с его сыном, также работавшем во внешнеполитическом ведомстве²⁸³. Эти переговоры, однако, не привели к решению проблемы в целом, хотя Израиль согласился на значительные уступки. Во-первых, было объявлено о размораживании денежных вкладов палестинских арабов в банках, оказавшихся на территориях и под юрисдикцией Израиля. Во-вторых, Израиль согласился на возвращение ста тысяч палестинских беженцев по гуманитарным соображениям в рамках воссоединения семей. Несмотря на то, что согласно отчету госдепартамента США, утвержденному 27 февраля 1950 г., арабские страны «были вынуждены

признать тот факт, что возвращение большинства беженцев в их дома является физически невозможным»²⁸⁴, арабские представители, тем не менее, отвергли предложения, поступившие от Израиля²⁸⁵. Мухамед Нимер аль-Хавари, заклеенный как предатель и пособник сионистского врага, с женой и десятью детьми был вынужден стать беженцем во второй раз, ибо боевики муфтия Хаджа-Амина аль-Хусейни угрожали ему смертью. В 1950 г. он попросил политическое убежище в Израиле, которое и было предоставлено ему и его семье. После этого Мухамед Нимер аль-Хавари открыл адвокатскую контору в Назарете, в 1955 г. издал книгу, а впоследствии был избран судьей. Несмотря на то, что арабские страны отвергли израильские компромиссные предложения, они были частично реализованы как жест доброй воли в одностороннем порядке. К 1956 г. общее число палестинских беженцев, объединившихся со своими семьями в Израиле, приближалось к тридцати пяти тысячам человек²⁸⁶.

Провал конференции в Лозанне (ее участники не смогли договориться между собой ни по одному из обсуждавшихся вопросов) преопределил и неудачу переговоров в Женеве и в Париже, ход которых фактически ничем не отличался от повестки дня первой подобной конференции. После этого работа Комиссии ООН по примирению в Палестине была свернута, и на протяжении многих лет тема палестинских беженцев не рассматривалась всерьез в рамках каких-либо международных дипломатических форумов. Решение проблемы беженцев требовало понимания и сотрудничества между Израилем и арабскими государствами. Если бы арабские лидеры на самом деле стремились к улучшению положения палестинских беженцев, было бы возможным найти взаимоприемлемые компромиссы, которые бы значительно облегчили их положение. Однако подобной доброй воли арабскими странами проявлено не было.

Главными жертвами политики арабских государств в ООН стали сами палестинские беженцы. «Вместо того, чтобы помогать им в строительстве их судеб, – говорил в 1972 г. представитель Израиля в ООН Йосеф Текоа, – лидеры арабских стран кормили их из года в год резолюциями ООН...»²⁸⁷. Вместо того, чтобы дать беженцам надежду на решение их проблем, арабские правительства снова и снова предлагали им избитые лозунги ненависти и вражды. Фактически, игнорируя интересы беженцев, арабские лидеры представляли в ООН интересы не

палестинских беженцев, а террористических организаций, созданных, поддерживаемых и контролируемых ими.

В той или иной степени вопрос о беженцах фигурировал и в израильско-египетском, и в израильско-иорданском соглашениях. Как известно, подписанному 26 марта 1979 года в Вашингтоне мирному договору между Израилем и Египтом (в котором как раз проблема беженцев не упоминается) предшествовали подписанное в Кемп-Дэвиде 17 сентября 1978 года Соглашение об основах мирного договора между двумя странами (The Framework for Peace in the Middle East). Статья A(4) этого документа гласит, что «Египет и Израиль будут работать совместно и с другими заинтересованными сторонами с целью выработать согласованные процедуры быстрого (prompt), справедливого (just) и постоянного (permanent) разрешения проблемы беженцев»²⁸⁸. Фактического развития это положение, однако, не получило.

В мирном договоре между Израилем и Иорданией вопросу о беженцах посвящена целая статья, в которой, в частности, говорится:

«Признавая, что масштабные гуманитарные проблемы для обеих сторон, вызванные конфликтом на Ближнем Востоке, не могут быть полностью разрешены на уровне двусторонних отношений, стороны будут стремиться разрешить их в соответствующих форумах, исходя из норм международного права:

в том, что касается перемещенных лиц, в четырехсторонней комиссии с участием представителей Египта и палестинцев;

в том, что касается беженцев, в рамках международной рабочей группы по проблемам беженцев и в ходе контактов, формат которых, двусторонний или какой-либо другой, будет согласован позднее, одновременно с переговорами об окончательном урегулировании [арабо-израильского конфликта];

путем реализации согласованных программ ООН и других согласованных экономических проектов, касающихся беженцев и перемещенных лиц, включая содействие их расселению»²⁸⁹.

На практике, однако, и этот договор не привел к какому-либо продвижению к решению вопроса о палестинских беженцах. Руководители Египта и Иордании ограничились тем, что на декларативном уровне зафиксировали свое стремление к разрешению ситуации, однако ни они сами, ни Израиль, ни в этих договорах, ни впоследствии, не взяли на себя никаких

конкретных обязательств, ограничившись общими словами о «быстром и справедливом» урегулировании «в рамках международной рабочей группы», «четырёхсторонней комиссии» «и в ходе контактов, формат которых, двусторонний или какой-либо другой, будет согласован позднее». Этот «формат» не согласован до сих пор, и, скорее всего, высокие договаривающиеся стороны именно на это и рассчитывали, не желая превращать свои двусторонние отношения в заложника «вечной» проблемы палестинских беженцев. Когда президент Египта Ануар Садат и король Иордании Хусейн, стремясь установить «особые» отношения с США, решили (каждый в свое время) пойти на мирное урегулирование с еврейским государством²⁹⁰, они были меньше всего заинтересованы в том, чтобы оказаться в плену конфликта Израиля с палестинскими арабами. Вопреки всей панарабской пропалестинской риторике, в критические моменты, когда, желая получить полноценные мирные договора с арабскими соседями, израильские лидеры демонстрировали готовность пойти на масштабные уступки, руководители Египта и Иордании отстаивали исключительно интересы своих стран, не требуя от Израиля никаких сколько-нибудь реальных обязательств по облегчению проблемы палестинских беженцев и их потомков. Очевидно, что ни в израильско-египетском, ни в израильско-иорданском мирных договорах не оговорены никакие механизмы возможного возвращения арабских беженцев и их потомков в Палестину/Эрец-Исраэль.

Не стали прорывом и многосторонние переговоры по проблеме беженцев, проходившие в 1992–1996 годах, в которых участвовали и представители палестинцев (хотя и не официальные лица ООП – таким было непреклонное требование премьер-министра Израиля Ицхака Шамира). Как известно, 30 октября 1991 года представители Израиля, Сирии, Ливана, Иордании и палестинцев Западного берега и Газы собрались в Мадриде на международную конференцию, инициатором которой фактически была администрация США, а номинальным ко-спонсором – Советский Союз. Среди прочего, конференция образовала и многостороннюю рабочую группу для обсуждения проблемы беженцев, которая включала в себя делегатов от Израиля, Иордании, палестинцев (во главе с Ильясом Санбаром), Европы, Северной Америки и Азии.

Палестинцы и израильтяне начали с повторения своих давно известных позиций, из-за чего переговоры забуксовали с

самого начала. Израильские представители выдвинули также и процедурное возражение, утверждая, что решение проблемы беженцев не может быть достигнуто в рамках многосторонних переговоров, ибо палестинцы, находясь в окружении представителей многих правительств, арабских и неарабских, будут просто повторять заведомо невыполнимые требования, а также будут использовать эти переговоры для того, чтобы привлечь на свою сторону международное общественное мнение, а не для того, чтобы достичь соглашения. В частности, израильских дипломатов беспокоило то, что палестинцы будут стремиться получить формальное подтверждение крайне спорного с точки зрения юриспруденции «права на возвращение». Израильская делегация потребовала, чтобы группа сосредоточилась на обсуждении гуманитарных аспектов проблемы палестинских беженцев (их экономическом и социальном положении), а не политических («право на возвращение» и компенсации). И действительно, в ходе первых двух встреч в мае и ноябре 1992 года было решено первоначально сосредоточиться на гуманитарных проблемах, а также на вопросе, имеющем и политический оттенок – объединении семей. Идея, лежащая в основе обсуждения этого вопроса, заключалась в создании в Израиле формальной процедуры, которая могла бы в отдельных случаях разрешать палестинцам, проживающим вне территорий Западного Берега и Газы, объединяться с их родственниками, живущими на контролируемых территориях. Израиль был не очень доволен решением включить вопрос объединения семей в повестку дня переговоров, так как боялся, что это будет использовано для возрождения темы «права на возвращение» в собственно Израиль, но, тем не менее, согласился включить его в круг обсуждаемых тем²⁹¹.

Рабочая группа, после детального обсуждения вопроса объединения семей, предложила, чтобы Израиль согласился увеличить число палестинцев, которые могут быть включены в эту программу, а также попросила его упростить процедуру выдачи разрешений. Эти предложения были выдвинуты как раз в тот момент, когда Израиль и ООП сделали решительные шаги к заключению соглашения, кульминацией которых было подписание в Вашингтоне в сентябре 1993 года совместной Декларации о принципах. Посреди охватившей всех эйфории Израиль решил сделать «широкий жест»: Йосси Бейлин, заместитель министра иностранных дел Израиля, объявил о согласии

его правительства увеличить вдвое число выдаваемых ежегодно разрешений на объединение семей – с тысячи до двух. Это решение давало право возвращения на территории более чем пяти тысячам палестинцев. Израиль согласился также предоставить право постоянного проживания на территориях шести тысячам палестинцев, которые находились там нелегально²⁹².

В Декларации о принципах Израиль и ООП объявляли о совместном признании друг друга и о создании прямого канала для переговоров между ними. В соглашении говорилось, что переговоры о политических аспектах проблемы беженцев 1948 года будут проводиться позже, в рамках прямых переговоров между Израилем и палестинцами о постоянном урегулировании. С этого момента многосторонняя группа по проблеме беженцев вернулась к обсуждению гуманитарных аспектов проблемы и рассмотрению путей улучшения условий жизни тех из них, кто продолжал оставаться в лагерях. Между маем 1992 года и маем 1996 года рабочая группа провела восемь встреч в разных городах Ближнего Востока, Европы и Канады. Однако в марте 1997 года Лига арабских государств, в знак протеста против строительства Израилем жилых домов в городах и поселениях на Западном берегу и в Газе, а также ввиду того, что весь процесс переговоров зашел в тупик, решила бойкотировать все многосторонние переговоры, включая и те, которые вела рабочая группа по беженцам. Переговоры закончились, так и не приведя к каким-либо результатам.

Парадоксальным образом, начало прямых переговоров между Израилем и Организацией освобождения Палестины (значительная часть руководителей которой – беженцы 1948 г.) в 1993 г. также не привело к какому-либо прорыву. В третьем параграфе статьи пятой Соглашения о принципах внутреннего самоуправления (так называемого соглашения «Осло-1») говорилось, что вопросы, касающиеся проблемы беженцев, как и остальные наиболее сложные вопросы (о статусе Иерусалима, о будущем еврейских населенных пунктов на территориях Иудеи, Самарии и Газы, о границах будущего Палестинского государства и т.д.), будут обсуждаться только в рамках переговоров об окончательном урегулировании. Иными словами, эта тема, как и некоторые другие, была выведена за рамки переговоров по модели Осло и в подписанных в 1990-е гг. соглашениях не затрагивалась.

В то время как официальные соглашения вновь откладывали обсуждение проблемы беженцев (впрочем, сейчас уже речь идет не столько о беженцах, сколько об их потомках) на достаточно долгий срок, в не имеющем признанного юридического статуса договоре, детали которого были согласованы бывшим министром юстиции в правительстве Э. Барака Йосси Бейлиным и одним из виднейших палестинских лидеров Махмудом Аббасом (Абу-Мазеном), была сделана попытка прийти к какому-либо конкретному решению этого вопроса. Статья седьмая данного соглашения, подписанного 31 октября 1993 г., хотя и включала в себя взаимное признание тех трудностей, которые испытывает каждая из сторон в отношении так называемого «права на возвращение», тем не менее, не требовала от участников переговоров отказываться от своих принципиальных позиций по данному вопросу. Основная часть статьи была посвящена компенсациям и реабилитационным работам, благодаря которым «право на возвращение» должно было обрести менее привлекательный характер в глазах самих беженцев (а также их потомков), нежели программам по их обустройству в нынешних местах проживания. Соглашение не включало в себя никаких конкретных цифр или временных рамок, касавшихся проблемы беженцев. Другими словами, относящаяся к данной проблеме статья имела скорее символическую, чем реальную значимость. Вместе с тем, необходимо отметить, что документ Бейлина – Абу-Мазена гласит: «Палестинская сторона считает, что право палестинских беженцев на возвращение в свои дома согласуется как с международным законодательством, так и с принципами естественной справедливости. Тем не менее, она признает тот факт, что предпосылки для воцарения новой эры мирного сосуществования, а также реалии, сформировавшиеся в регионе с 1948 г., делают осуществление этого права невыполнимым»²⁹³. Об этом, кстати, Абу-Мазен написал и в своей книге «Путь в Осло», в которой он характеризует вопрос о беженцах как «проблему, ... решить которую в обозримом будущем, скорее всего, не удастся»²⁹⁴.

Переговоры в Кемп-Дэвиде в 2000 г. стали первым конкретным обсуждением лидерами Израиля и палестинцев проблем беженцев и других вопросов, отнесенных к сфере так называемого «окончательного урегулирования». Президент США Б. Клинтон, принимавший активное участие в переговорах на всех их этапах, изложил свои мысли по поводу решения

проблемы палестинских беженцев. На встрече с палестинской делегацией в Белом Доме он заявил, что по историческим причинам палестинским лидерам будет сложно отказаться от претензий на право на возвращение, но с другой стороны, что понимает и причины отказа Израиля признать право палестинцев на возвращение, расценивая его как угрозу еврейскому характеру государства. Б. Клинтон выразил надежду, что «разногласия в большей степени касаются формулировок, нежели того, что произойдет на практике. Я верю, что Израиль готов признать моральный и материальный ущерб, причиненный палестинскому народу в результате войны 1948 г. и необходимость содействовать международному сообществу в решении этой проблемы»²⁹⁵. Американский президент предложил определенные рамки для решения проблемы беженцев, включающие создание международного комитета для проведения в жизнь всех аспектов урегулирования, таких как выплата компенсаций, расселение в других арабских странах, частичная репатриация и т.д. США, тем временем, будут готовы руководить международными усилиями по оказанию помощи беженцам. Любое решение, по мнению Б. Клинтона, должно быть принято на основе взаимного согласия и вести к созданию двух государств для двух народов. Б. Клинтон предложил две формулировки решения, чтобы избежать трудностей при его интерпретации: либо «Обе стороны признают право палестинцев на возвращение в «историческую Палестину», либо «Обе стороны признают право палестинцев вернуться на родину». При этом «родиной» может считаться не только Израиль, но и территории, находящиеся под контролем Палестинской администрации.

Впервые в истории израильской дипломатии члены руководимой Э. Бараком делегации фактически приняли предложения, согласно которым сотни тысяч палестинцев, большая часть из которых родилась за пределами Палестины/Эрец-Исраэль, получали право на иммиграцию в Израиль. Хотя Э. Барак отказался признать какую бы то ни было ответственность Израиля, юридическую или моральную, за создание проблемы беженцев, и продолжал возражать против признания «права на возвращение», он согласился принять десятки тысяч беженцев в рамках принципа воссоединения семей и сделать финансовый взнос в международную организацию, которая будет создана для улучшения экономического положения беженцев за пределами Израиля. Несмотря на это, па-

палестинские представители фактически отвергли протянутую им президентом США и премьер-министром Израиля руку, не выдвинув никаких компромиссных предложений со своей стороны. Так, они отметили, что в резолюции № 194 говорится о возвращении беженцев в их дома, где бы они ни находились, а не об их «стране» или «исторической Палестине». Палестинцы также потребовали выплат огромных компенсаций за десятилетия жизни в странах диаспоры. Переговоры продолжались до 25 июля 2000 г. и закончились без подписания какого-либо соглашения.

Провал переговоров в Кемп-Дэвиде, вызванный крайней радикализацией палестинских позиций, парадоксальным образом, не остановил Э. Барака и членов его кабинета. В январе 2001 г. в египетском городе Таба прошли последние на сегодняшний день официальные израильско-палестинские переговоры, причем основной темой, которая обсуждалась на них, было именно декларируемое палестинцами «право на возвращение».

В ходе этих переговоров палестинцы в очередной раз ужесточили свою позицию. 22 января 2001 г. они представили меморандум, в котором настаивали на том, чтобы Израиль не только принял на себя моральную и юридическую ответственность за проблему беженцев, но и ответственность за решение этой проблемы в соответствии с резолюцией № 194 Генеральной Ассамблеи ООН. Израиль, говорилось далее в документе палестинцев, обязан дать разрешение на въезд каждому беженцу, желающему вернуться на его территорию и желающему жить там в мире. Все беженцы, без исключения, должны получить от Израиля компенсацию за оставленное имущество и за перенесенные страдания. Будущему Палестинскому государству должны быть выплачены коллективные компенсации за общественные земли и здания, присвоенные Государством Израиль. Наконец, Израиль должен выплатить арабским странам компенсацию за их расходы, понесенные в связи с размещением и содержанием беженцев. Осуществление и надзор за репатриацией и выплатой компенсаций должно быть возложено на международные организации²⁹⁶. Эти требования шли значительно дальше, чем обычное требование палестинцев о «праве на возвращение». Как ни удивительно, представители Израиля не отвергли с порога этот палестинский документ, составленный со столь крайних позиций. Более того – Йосси Бейлин,

министр юстиции и руководитель израильской группы на переговорах по проблеме беженцев, дал на меморандум палестинцев «личный ответ», в котором он выразил свое «сожаление» по поводу страданий и потерь, обрушившихся на палестинских беженцев, и пообещал играть активную роль в закрытии этой «ужасной главы» в истории взаимоотношений палестинцев и израильтян. Бейлин написал, что «только что появившееся государство Израиль оказалось вовлеченным в войну и кровопролитие 1948–1949 годов» – формулировка, снимавшая с арабов ответственность за развязанную ими войну. Представители Израиля на переговорах, стремящиеся во что бы то ни стало достичь соглашения, были, казалось, готовы признать за Израилем моральную и юридическую ответственность за создание проблемы беженцев.

Когда дело дошло до практических решений, Й. Бейлин построил свою позицию на предложениях Клинтона. Израиль должен будет принять ограниченное число беженцев (несколько десятков тысяч) в течение определенного числа лет, в рамках объединения семей. Предпочтение будет дано беженцам, находящимся в Ливане, в силу «моральной обязанности Израиля как можно быстрее облегчить жизнь беженцев, населяющих лагеря Сабра и Шатила». Израильтяне не возражали против возвращения беженцев в будущее Палестинское государство без всяких ограничений. Й. Бейлин предложил беженцам и их потомкам и три других варианта: получение гражданского статуса в тех странах, где они в настоящее время находятся, эмиграцию в другие страны и возвращение в те районы Израиля, которые могут быть переданы под палестинский суверенитет в рамках обмена территориями. Специально создаваемая международная организация должна была бы заниматься выплатой компенсаций, а также вкладывать средства в общественные проекты, направленные на улучшение положения беженцев, и Израиль будет одним из ее основных инвесторов. Арабские страны, где живут беженцы, также получают компенсацию. Й. Бейлин предложил, чтобы воплощение этих принципов рассматривалось как полное и окончательное выполнение положений резолюции № 194 Генеральной Ассамблеи ООН; после полной реализации этих принципов стороны не будут иметь более претензий в связи с проблемой палестинских беженцев.

Однако эти предложения, которые заходили гораздо дальше того, с чем могло согласиться израильское общественное мнение, не произвели на палестинцев ни малейшего впечатления. Они вновь повторили свое требование, что Израиль должен предоставить самим палестинцам свободу выбора места, где они хотят жить. Самое большее, на что они соглашались – это «пообещать» (не имея никакого формального мандата на подобное обещание), что большинство беженцев предпочтут остаться там, где они живут сейчас. Другими словами, как верно отмечает Я. Тови, Израиль должен был принять судьбоносное решение, не имея никаких гарантий того, что массовая арабская иммиграция не превратит его в государство с доминирующим палестинским большинством²⁹⁷.

Несмотря на новые израильские уступки, встречи посвященной этому вопросу рабочей группы, возглавляемой Йосси Бейлиным и Набилем Шаатом, не привели к подписанию соглашения. Обе стороны приняли предложение о создании международного комитета, отвечающего за выплату компенсаций, и международного кредитного фонда, который занимался бы оценкой размеров компенсаций и механизмом их выплат. Израиль требовал от палестинцев признания необходимости выплаты компенсаций, причитающихся еврейским беженцам из арабских стран, не настаивая на том, что за это ответственны палестинцы. Палестинские представители считали, что этот вопрос не является частью израильско-палестинских переговоров и отказались обсуждать его. Израиль неофициально предложил план, предполагающий решение проблемы беженцев по трем направлениям и рассчитанный на пятнадцать лет. Одно из направлений урегулирования предполагало абсорбцию некоторого числа беженцев в Израиле, однако без четкого определения их количества (в неофициальном документе говорилось о 25 тысячах человек в год, число «40 тысяч» было упомянуто устно). Кроме того, обсуждалось расселение беженцев на израильских землях, которые должны были перейти под палестинский контроль в результате обсуждавшегося возможного обмена территориями. В дополнение к этому, речь вновь шла о прибытии десятков тысяч беженцев на основе широко трактуемого принципа «воссоединения семей». Палестинцы требовали права на ежегодное прибытие в Израиль 150 тысяч бывших беженцев и их потомков на протяжении десяти лет, что должно было в период жизни всего одного поколения превра-

тить еврейский народ в меньшинство в Государстве Израиль. Израильским представителям ничего не оставалось, как отклонить это предложение, после чего переговоры вновь окончились провалом. Совершенно очевидно, что правоцентристское правительство Ариэля Шарона не только не пойдет дальше, но и не повторит те предложения, которые были сделаны палестинцам Йосси Бейлиным в период правления Эхуда Барака, поэтому шансы на дипломатический прорыв в данном вопросе в обозримом будущем представляются мизерными. О своем категорическом отказе от обсуждения «права на возвращение» палестинских беженцев А. Шарон публично заявил вновь 10 мая 2005 г. Проблема, по всей вероятности, не будет решена еще долгие годы, если вообще когда-нибудь будет решена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленные в настоящей книге свидетельства позволяют опровергнуть утверждения о том, будто сионистские лидеры задолго до провозглашения независимого еврейского государства разрабатывали идею насильственного выселения палестинских арабов с их земель. Что же касается событий периода арабо-израильской войны 1947–1949 гг., то они, как это бывает в ходе любой войны, изобилуют шокирующими моментами. Однако важно подчеркнуть, что трагедия палестинских арабов не была результатом некоего «генерального плана», вынашиваемого еврейскими лидерами – скорее, она являлась следствием череды не всегда связанных друг с другом событий, совокупность которых и привела к столь тяжелым для палестинских арабов последствиям. Среди этих событий нужно выделить: массовую эмиграцию культурно-политической элиты палестинских арабов из Хайфы и других районов, которые, согласно решению ООН, должны были отойти к еврейскому государству; панику, охватившую арабское население, которая частично была вызвана военными операциями, проводимыми «Хаганой» и ЭЦЕЛем, а частично – провокационной пропагандой иерусалимского муфтия и его сторонников в преддверии вторжения армий арабских государств; разобщенность и неподготовленность палестинского руководства; а также «демонизацию» еврейского народа в глазах арабского населения. Кроме того, беженцы были уверены в том, что им довольно скоро предстоит вернуться – но этого, как известно, не случилось.

В результате войн 1948 и 1967 годов, порожденных столкновением претензий на землю Палестины/Эрец-Исраэль, палестинский народ утратил контроль над своей судьбой, а нормальная жизнь палестинцев была нарушена. Никто не может сказать определенно, какова сегодняшняя численность тех, кого можно отнести к палестинским арабам. Разбросанные по самым разным государствам мира и имеющие весьма различный статус (от полных гражданских прав в англосаксонских демократиях до абсолютного гражданского бесправия в лагерях беженцев в

Южном Ливане), палестинские арабы (их общая численность оценивается экспертами ООН от семи до восьми миллионов человек) уже на протяжении почти шестидесяти лет по тем или иным причинам (главная из которых – крайне непримиримая, агрессивная и неадекватная обстоятельствам политика их собственного руководства) не могут добиться возможности воссоединения нации в собственном суверенном государстве.

Со времен тех трагических событий прошло уже более чем полвека, однако проблема палестинских беженцев так и не нашла своего решения. На протяжении многих десятилетий арабские страны используют эту проблему как средство постоянного давления на Израиль и борьбы с ним в международных организациях. Общее число палестинцев, покинувших свои дома в 1947–1949 гг., составило приблизительно семьсот двадцать тысяч человек, хотя сведения, приводимые в различных источниках, не совпадают и колеблются в радиусе от пятисот двадцати (израильская оценка) до девятистот тысяч человек. Из них 350 тысяч человек оказались в Иордании (из них 250 тысяч – на Западном берегу Иордана), почти 200 тысяч – в Египте (из них 190 тысяч – в секторе Газа), около 100 тысяч – в Ливане, 75 тысяч – в Сирии, менее пяти тысяч – в Ираке; более 100 тысяч арабов остались в Израиле. В еврейском государстве палестинским арабам было предоставлено гражданство, а после отмены в 1966 г. режима военных администраций – и более или менее полные гражданские и социальные права²⁹⁸, однако из всех арабских стран лишь Иордания предоставила гражданство оказавшимся на ее территории палестинским беженцам. В остальных арабских странах палестинские беженцы и сегодня с огромным трудом получают разрешения на работу, а большинство правительственных программ в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения на них не распространяются²⁹⁹. До тех пор, пока арабские страны, выражаясь языком египетского официоза эпохи Г.-А. Насера, будут видеть в палестинских беженцах лишь «краеугольный камень борьбы против Израиля» и «боевой авангард арабского национализма», решение проблемы едва ли может быть найдено. Представляется, что Израилю и арабским странам нужно перейти от взаимных обвинений и надежд, что проблема разрешится сама собой, к конструктивному диалогу, в рамках которого была бы урегулирована и проблема беженцев. В настоящее время, к сожалению, собы-

тия развиваются в обратном направлении: первые подлинно серьезные переговоры по этой проблеме в 2000–2001 гг. закончились провалом, и их возобновление в настоящее время практически не стоит на повестке дня. Начавшийся в сентябре 2000 г. новый виток террора и насилия еще более отдалил палестинских беженцев и их потомков (по данным ООН, сегодня их общая численность превышает четыре с четвертью миллиона человек; см. приложение 2 в конце книги) от надежды на поиск справедливого и достойного решения их проблем.

Результаты исследования отношения израильтян (евреев и арабов) и палестинцев к проблеме беженцев, проведенного Центром им. Тами Стейнмец Тель-Авивского университета в октябре 1999 г., то есть, до переговоров в Кемп-Дэвиде и в Табе и до начала второй Интифады, показали, что эта проблема воспринимается как третья по степени сложности (после вопроса о статусе Иерусалима и провозглашении Палестинского государства). Интересно отметить, что когда опрошенных попросили назвать три (а не одну) наиболее сложные для разрешения проблемы, то среди арабов проблему беженцев назвали 57% – 60% опрошенных (в этой связи не были зафиксированы какие-либо значимые расхождения между арабскими гражданами Израиля и палестинцами с Западного берега и Газы), тогда как среди евреев – менее 37%³⁰⁰. Переговоры между представителями правительства Израиля и руководителями Палестинской администрации, состоявшиеся впоследствии, отчетливо продемонстрировали, что израильтяне недооценили остроту восприятия проблемы беженцев палестинской стороной.

Что касается ответственности за появление этой проблемы и причин массового исхода палестинского населения в 1948 г., то от 56% до 63% опрошенных арабов обвиняют израильские вооруженные силы в изгнании палестинцев, и лишь от 3% до 6% считают, что исход был в основном добровольным, либо был спровоцирован призывами лидеров арабских государств (такого мнения придерживаются от 1% до 6% опрошенных); остальные считают причиной исхода сочетание всех вышеперечисленных факторов. Среди евреев 31% возлагают ответственность за возникновение проблемы беженцев на израильскую армию, тогда как 30% считают, что палестинские арабы добровольно эмигрировали в другие страны, а еще 17% убеждены, что ответственность за произошедшую трагедию

несут, прежде всего, лидеры арабских государств, побуждавших палестинских арабов покинуть свои дома и «освободить поле боя» в преддверии войны³⁰¹. На прямой вопрос, какая из двух сторон – Израиль или арабы – несет большую ответственность за возникновение этой проблемы, 43,3% опрошенных евреев ответили, что арабы, и лишь 11,8% – что Израиль (остальные сочли, что обе стороны виновны в равной степени, либо не ответили на вопрос). Ответы респондентов-арабов представляют собой полную противоположность. Подавляющее большинство (73,6%) возлагает ответственность на Израиль, тогда как лишь 5,4% – на арабскую сторону (остальные сочли, что обе стороны виновны в равной степени, либо не ответили на вопрос)³⁰². Совершенно очевидно, что подобное диаметрально противоположное восприятие истоков проблемы не может не повлиять на разную степень их готовности к компромиссам. Палестинцы, воспринимающие Израиль как сторону, ответственную за возникновение проблемы беженцев, ждут от него готовности на максимальные уступки в целях того, что они считают «восстановлением исторической правды», в то время как израильтяне, считающие, что большая часть ответственности лежит на провокационной и экспансионистской политике арабских стран, отказавшихся признать резолюцию ООН о разделе Палестины/Эрец-Исраэль, ждут именно от арабских стран «широких жестов» по отношению к своим «братьям-палестинцам», будучи, со своей стороны, готовыми лишь на уступки гуманитарного характера. При такой огромной разнице в постановке проблемы непреодолимые трудности в ее разрешении неизбежны.

Дело даже не столько в том, что при ответе на вопрос «Какое из приведенных ниже решений проблемы беженцев является наиболее вероятным: предоставление права на возвращение всем палестинским беженцам и выплата компенсаций тем, кто этим правом не воспользуется; возвращение ограниченного количества беженцев в Израиль и компенсация остальным в соответствии с соответствующим палестино-израильским соглашением; или возвращение лишь тех, кому Израиль предоставит такую возможность, при выплате компенсации остальным?», лишь четверть еврейских граждан Израиля (25,5%) выбрало первый или второй варианты, тогда как среди арабов – как жителей Израиля, так и территорий эти варианты считают вероятными около 80% опрошенных (78,8%

арабов – граждан Израиля, 82,2% жителей Газы и 82,5% жителей Западного берега). Еще более важным кажется нам, что лишь менее 20% евреев считают массовое возвращение (варианты 1 и 2) справедливым решением проблемы, в то время как среди арабов эти варианты считают справедливыми от 83% (среди граждан Израиля) до 95% (среди жителей Газы) опрошенных³⁰³.

В этом же ключе респонденты отвечали на вопросы о будущем палестинских беженцев: «Сколько из них будет дано право на возвращение в Израиль?», «Где они будут расселены в рамках урегулирования палестино-израильского конфликта?», «Кто должен выплатить им компенсацию?». Большинство евреев (42,7%) считают, что никому не должно быть предоставлено право на возвращение, 21,9% считают, что лишь несколько сотен палестинцев могут вернуться, тогда как среди арабов абсолютное большинство (от 77% до 82% в каждой из трех выборок) считают, что право на возвращение должно быть предоставлено каждому желающему, без ограничений. 57,2% евреев полагают, что палестинские беженцы должны быть расселены либо в местах своего нынешнего проживания на Ближнем Востоке или где-нибудь в другом месте; 32,3% – в основном в пределах Палестинского государства; лишь 5,3% опрошенных считают, что они должны вернуться собственно в Израиль. Арабы, напротив, считают, что палестинские беженцы в основном должны быть расселены на территории Израиля (от 53% до 59% в каждой из трех выборок)³⁰⁴.

Похожий опрос, как среди израильтян (евреев и арабов), так и среди палестинских беженцев и их потомков (на Западном берегу и в Газе; в Иордании; и в Ливане) был проведен в 2003 году. Опрос показал, что в то время как лишь 20,4% израильтян готовы согласиться на возвращение палестинских беженцев в пределы подмандатной Палестины (из них 2,0% согласны на массовое возвращение беженцев в Израиль, а 18,4% – на территории, подконтрольные Палестинской администрации)³⁰⁵, среди палестинских беженцев в Иордании вернуться в Израиль или на территорию Палестинской администрации желают 42,2% опрошенных, а среди палестинских беженцев в Ливане – 62,3%³⁰⁶. Как это ни парадоксально, наиболее радикальные взгляды высказывают арабы, имеющие израильское гражданство (70,4% среди них высказались за массовое возвращение палестинских беженцев именно в Израиль, еще 5,6% – на территорию буду-

щего Палестинского государства)³⁰⁷, а также беженцы, живущие в секторе Газа. Можно предположить, что если беженцы, живущие в Иордании и в Ливане, обеспокоены, прежде всего, обустройством своей судьбы (среди беженцев, живущих в Иордании, 32,9% хотели бы в любом случае остаться в этой стране, даже если станет возможным массовое возвращение в Израиль или Палестинское государство), то арабы, живущие на территории подмандатной Палестины (в том числе, и имеющие израильское гражданство), рассматривают проблему беженцев как средство добиться демографического превосходства над евреями, а на следующем этапе – исчезновения Государства Израиль (подробные данные опроса см. в приложении 3 в конце книги).

Совокупность всех представленных выше данных позволяет сделать вывод, что проблема палестинских беженцев является крайне сложной для разрешения – вероятно, даже более сложной, чем проблема Иерусалима. Обе стороны адекватно отдают себе отчет в том, что вопрос о статусе Святого города крайне важен для них обеих; даже отказываясь признать многовековую связь еврейского народа с Иерусалимом, арабы вполне понимают, что сами евреи убеждены в том, что такая связь существует. Со своей стороны, израильтяне, категорически не желая передавать палестинцам суверенитет над какими-либо частями Старого города, вполне осознают, что мечети на Храмовой горе – третья по важности святыня исламского мира. В том же, что касается проблемы беженцев, ситуация значительно более сложная: стороны совершенно по-разному толкуют и причину возникновения проблемы, и степень своей ответственности, и то, насколько справедливо и реализуемо то или иное решение. Точек соприкосновения между сторонами в этом вопросе практически нет никаких, и это позволяет предположить, что данная проблема еще многие годы (если не десятилетия) не позволит сторонам достичь взаимоприемлемого урегулирования.

Палестинская делегация в Кемп-Дэвиде и в Табе действовала строго в духе бескомпромиссных традиций арабских делегаций в международных организациях. Приходится констатировать, что до тех пор, пока палестинцы и арабские страны не проявят минимальную готовность признать насущные нужды Израиля как еврейского демократического государства, проблема палестинских беженцев едва ли сможет быть хоть

как-то решена. Подавляющее большинство палестинских арабов, оставивших свое имущество и бежавших из страны в ходе войны 1947–1949 г.г., умерли, так и не увидев «света в конце туннеля», а проблема, и без того страдавшая от чрезмерной политизации, становится в настоящее время грубым политическим фарсом.

Руководство Палестинской администрации настаивает на том, что возвращение беженцев в Яффо и Хайфу является непременным условием любого мирного соглашения с Израилем, и преследует каждого, кто предлагает альтернативное решение этой проблемы, в частности, Сари Нуссейбу (Sari Nusseiba) и Халилиа Шикаки (Halil Shikaki), возглавляющего палестинский центр по изучению общественного мнения. Х. Шикаки, прибывший в июле 2003 г. в Рамаллу для проведения пресс-конференции, посвященной исследованию, которое он провел по данной теме (данные этого исследования цитировались выше и приведены в приложении 3), не смог сделать этого из-за того, что подвергся нападению. Он был избит и доставлен в местную больницу для получения медицинской помощи³⁰⁸. Проведенное им исследование показало, что большинство палестинцев предпочитают остаться в тех государствах, в которых они проживают на данный момент, или получить либо палестинское, либо иорданское гражданство, а не вернуться в Израиль, даже в том случае, если он признает их право на возвращение. «Идея, что четыре миллиона палестинцев столпяты у ворот Израиля, является не более чем фантазией. Число палестинцев, которые захотят вернуться, будет крайне низким», – отметил Х. Шикаки в ходе пресс-конференции, состоявшейся в Оттаве, столице Канады³⁰⁹. На территории Иордании, например, по состоянию на лето 2003 г. было зарегистрировано 1.639.718 палестинских беженцев, причем 287.951 из них проживали в лагерях. При этом, согласно имеющимся данным, у 97% живущих в Иордании беженцев есть иорданский паспорт, у 48% – свое жилье (вне лагерей беженцев), у 17% – участок земли, у 25% – машина. 52% беженцев хотели бы принять участие в строительстве Палестинского государства, однако только 25% готовы переехать на территорию, контролируруемую Палестинской администрацией, пока это государство не создано. Только каждый двадцатый хотел бы вернуться на территорию Израиля и получить израильское гражданство, треть ни на какое возвращение не надеется и хочет лишь де-

нежной компенсации³¹⁰. Эти данные неудобны палестинскому руководству, и оно упорно их игнорирует, запутывая, тем самым, и без того сложную ситуацию.

Проблема палестинской диаспоры крайне сложна, и все, без исключения, страны региона должны заняться поисками ее решения в сотрудничестве с мировыми державами и различными международными организациями. При этом важно, чтобы поиски решения осуществлялись на основе признания реальных исторических фактов, поскольку целенаправленное искажение действительности вряд ли способствует нахождению реалистичных путей решения одной из наиболее сложных проблем в истории современной дипломатии.

Приложение 1

**Численность беженцев, проживающих в лагерях,
в процентах от общего количества лиц, зарегистрированных
в Управлении ООН по делам палестинских беженцев
(1953–2004 гг.)³¹¹**

Год	Общее количество беженцев, зарегистрированных в Управлении ООН	Численность беженцев, проживающих в лагерях	
		Количество	В процентах от общего числа беженцев
1953	870.158	300.758	34,6%
1955	912.425	351.532	38,5%
1960	1.136.487	409.223	36,0%
1965	1.300.117	508.042	39,1%
1970	1.445.022	500.985	34,7%
1975	1.652.436	551.643	33,4%
1980	1.863.162	613.149	32,9%
1985	2.119.862	805.482	38,0%
1990	2.466.516	697.709	28,3%
1995	3.246.044	1.007.375	31,0%
2000	3.737.494	1.211.480	32,4%
2004	4.232.510	1.253.681	29,6%

Приложение 2

**Общая численность лиц, зарегистрированных
в Управлении ООН по делам палестинских беженцев
(по данным на 31 марта 2005 г.)³¹²**

Место жительства беженцев	Крупнейшие центры скопления беженцев в данном регионе	Общее количество беженцев в данном регионе	Процент от общего числа беженцев
Западный берег Иордана (Иудея и Самария), включая Иерусалим	Наблус (Шжем) – 292.361 Иерусалим – 203.082 Хеврон – 158.953	678.542 (из них беженцы, жившие в Газе и покинувшие сектор – 15.570)	15,9%
Сектор Газы	Джебалия – 172.945 Хан-Юнес – 162.212 Рафиях – 155.791 Нуссейрат – 112.717 Дир эль-Балах – 80.086	961.645	22,6%
Ливан	Сур (Тир) – 102.124 Сайда – 97.168 Триполи – 56.523 Бейрут – 49.064	400.582	9,4%
Сирия	Дамаск – 332.979	424.650	10,0%
Иордания	Амман – 971.755 Ирбид – 311.859 Зарка – 497.087	1.780.701 (из них беженцы, жившие в Газе и покинувшие ее – 122.556; беженцы, покинувшие Западный берег – 705.133)	41,8%
Общая численность лиц, зарегистрированных в Управлении ООН по делам палестинских беженцев		4.255.120	100,0%

Приложение 3

**Результаты опросов общественного мнения граждан
Израиля (евреев и арабов) и палестинских беженцев
и их потомков о желаемом разрешении проблемы
(опросы были проведены в 2003 г.)³¹³**

Предлагаемое решение	Граждане Израиля		Палестинские беженцы и их потомки		
	Евреи	Арабы, живущие на территории бывшей подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль		Арабы, живущие за пределами территории бывшей подмандатной Палестины/Эрец-Исраэль	
	Евреи – граждане Израиля	Арабы – граждане Израиля	Жители Западного берега и Газы	Жители Иордании (97% из них имеют гражданство)	Жители Ливана
Возвращение в Израиль	2,0%	70,4%	12,6%	5,2%	23,2%
Возвращение на территории, подконтрольные Палестинской администрации	18,4%	5,6%	37,9%	26,6%	18,6%
Возвращение на территории в Израиле, которые в будущем отойдут Палестинскому государству в рамках обмена территориями	–	–	36,5%	10,4%	20,5%
Остаться в месте нынешнего проживания	52,6%	4,2%	–	32,9%	11,0%
Уехать в США, Канаду, Австралию или одну из стран Европы	16,2%	4,2%	1,0%	1,7%	9,3%
Нет конкретного мнения	10,8%	15,5%	11,0%	23,7%	17,4%

Примечания

¹ См. интервью бывшего министра юстиции Израиля Йосси Бейлина и министра планирования и международного сотрудничества Палестинской администрации Набиля Шаата в специальном выпуске «*Palestine–Israel Journal of Politics, Economics and Culture*», vol. 9, no. 2 (2002), полностью посвященном этой теме (стр. 12–23).

² Negotiations Affairs Department, «Camp David Peace Proposal of July 2000. Frequently Asked Questions». See <http://www.nad-plo.org/ncampdavid1.php>. Перевод на русский язык: Палестинская национальная администрация, «Израильские мирные предложения в Кемп-Дэвиде, июль 2000 года. Наиболее часто задаваемые вопросы и ответы на них» // «*Время искать*» (Иерусалим), № 7 (2002), стр. 86.

³ PLO Negotiations Support Unit, «Fact Sheets and Frequently Asked Questions. Palestinian Refugees». См. на сайте: <http://www.nad-plo.org/faq2.php>.

⁴ Арнон Регулер, Алуф Бен и Мазаль Муалем, «Набиль Шаат поднимает бурю: право беженцев на возвращение – также и в Хайфу» // «*Ха'арец*», 17 августа 2003 года, стр. 1 [на иврите]; Джек Хуги, Эяль Шахар и Надав Эяль, «Хайфа приравнивается к Шхему. Право на возвращение в любой город Израиля» // «*Маарив*», 17 августа 2003 года, стр. 1 [на иврите].

⁵ См. интервью, взятое Акивой Эльдаром у Йосси Бейлина и Набиля Шаата: «The Refugee Problem at Taba» // «*Palestine-Israel Journal of Politics, Economics and Culture*» (Special Issue: Right of Return), vol. 9, no 2 (2002), pp. 12–23.

⁶ См.: Гилад Шер, «*На расстоянии вытянутой руки. Мирные переговоры 1999–2001: свидетельство очевидца*» (Тель-Авив: издательство «Едиот Ахронот», 2001), стр. 392 [на иврите].

⁷ Акива Эльдар, «Когда говорят о праве на возвращение?» // «*Ха'арец*», 12 мая 2003 года, стр. 1 [на иврите].

⁸ Редакционная статья «Нет права на возвращение» // «*Ха'арец*», 18 августа 2003 года, стр. 1 [на иврите].

⁹ См. Диана Бахур-Нир, «Бейлин в ответ на заявление Шаата: решение проблемы беженцев – расселить их в палестинском государстве» // Интернет-сайт газеты «*Едиот Ахронот*», 16 августа 2003 года [на иврите].

¹⁰ Гилад Шер, «*На расстоянии вытянутой руки*», стр. 376.

¹¹ См. цитируемую выше статью «Нет права на возвращение».

¹² Алуф Бен, «Прежде всего, право на возвращение» // «Ха'арец», 10 апреля 2003 года, стр. Б1 [на иврите].

¹³ См.: Michael Palumbo, «*The Palestinian Catastrophe. The 1948 Expulsion of a People from Their Homeland*» (London: Faber and Faber, 1987), pp. 1–33; Nur Masalha, «*Expulsion of the Palestinians: The Concept of “Transfer” in Zionist Political Thought, 1882–1948*» (Washington: Institute for Palestine Studies, 1992), pp. 5–48.

¹⁴ См.: Leonard Stein, «*The Balfour Declaration*» (New York: Simon and Schuster, 1961); Авива Халамиш, «*От “национального очага” – к государству. Еврейская община Эрец-Исраэль в 1917–1939 гг.*» (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 2004), том 1, стр. 117 [на иврите].

¹⁵ См.: Howard Sachar, «*The Emergence of the Middle East, 1914–1924*» (London: The Penguin Press, 1970), p. 221.

¹⁶ См.: J. Marlowe, «*The Seat of Pilate: An Account of the Palestine Mandate*» (London, 1959), p. 75.

¹⁷ Приводимый ниже анализ базируется на книге Авивы Халамиш «*От “национального очага” – к государству*», том 1, стр. 112–113 [на иврите].

¹⁸ См.: Michael Palumbo, «*The Palestinian Catastrophe*», цитируется выше; Nur Masalha, «*Expulsion of the Palestinians*», цитируется выше; Israel Shahak, «A History of the Concept of Transfer in Zionism» // «*Journal of Palestine Studies*», vol. 17, no. 3 (1989), pp. 22–37; Norman G. Finkelstein, «*Image and Reality of the Israel-Palestine Conflict*» (London: Verso, 1995), pp. 21–87; Бенни Моррис, «Замечания по поводу сионистской историографии и идеи трансфера в 1937–1944 годах», в книге «*Между видением и ревизией. Сто лет сионистской историографии*» под ред. Йехиама Вайца (Иерусалим: издательство Центра имени Залмана Шазара, 1997), стр. 195–208 [на иврите]. См. также: Пэн Рарре, «*The Making of the Arab-Israeli Conflict*» (London: Tauris, 1992), pp. 87–101.

¹⁹ Анита Шапира, «Герцль и историческая ирония», в книге «*Век сионизма*» под ред. Аниты Шапира, Йехуды Рейнхарца и Якова Хариса (Иерусалим: издательство Центра имени Залмана Шазара по изучению Израиля, 2000), стр. 14 [на иврите].

²⁰ См.: Шабтай Тевет, «*Сокрытые годы и черная дыра*» (Тель-Авив: издательство «Двир, 1999), стр. 247–248 [на иврите].

²¹ См.: Michael Palumbo, «*The Palestinian Catastrophe*», p. 11; Nur Masalha, «*Expulsion of the Palestinians*», pp. 5–6 and 13–14.

²² Йосеф Горный, «*Арабский вопрос и еврейская проблема. Государственные и идеологические течения в сионизме через призму их*

отношения к арабской общине в Эрец-Исраэль в 1882–1948 годах» (Тель-Авив: издательство «Ам Овед», 1985), стр. 347 [на иврите].

²³ Высказывание И. Зангвиля от 1916 г. приводится З. Жаботинским в его статье «Беседа с Исраэлем Зангвилем» // газета «Ха'машикф» [«Наблюдатель»], 31 июля 1939 г.; приводится по книге Йосефа Горного «Арабский вопрос и еврейская проблема», стр. 347 [на иврите].

²⁴ Гидеон Шимони, «Сионистская идеология» (Иерусалим: издательство им. Магнеса, 2001), стр. 310 [на иврите].

²⁵ Чартер (charter) – хартия, грамота, устав. В сионистском движении под словом «чартер» подразумевалось право на заселение евреями какой-либо территории при согласии и под защитой местных властей.

²⁶ «Еврейская энциклопедия» (Санкт-Петербург: издание Общества для научных еврейских изданий и издательства «Брокгауз – Эфрон», 1910), т. 7, стр. 674–675. Статья написана Я. Клебановым.

²⁷ Бенни Моррис, «Замечания по поводу сионистской историографии...», стр. 195 [на иврите].

²⁸ Там же.

²⁹ Амнон Рубинштейн, «От Герцля до Рабина и дальше» (Минск: издательство «Мет», 2000), перевод с иврита, стр. 307.

³⁰ Бенни Моррис, «Замечания по поводу сионистской историографии...», стр. 195 [на иврите].

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 196.

³³ Приводится по книге: Шабтай Тевет, «Сокрытые годы и черная дыра», стр. 268 [на иврите].

³⁴ Письмо председателю Мандатной комиссии Лиги Наций // «Letters and Papers of Chaim Weitzmann», general editor Meyer Weisgal. Vol. XVIII, January 1937 – December 1938 (London and Jerusalem: Oxford University Press, 1968–1980), pp. 186–187.

³⁵ Давид Бен-Гурион, «Мои встречи с арабскими лидерами» (Тель-Авив: издательство «Ам Овед», 1967), стр. 25 [на иврите].

³⁶ Эфраим Карш, «Фабрикация израильской истории. “Новые историки”» (Тель-Авив: издательство «Ха'кибуц ха'меухад», 1999), стр. 47–48 [на иврите].

³⁷ См.: Shabtai Teveth, «The Palestine Arab Refugee Problem and its Origins» // «Middle Eastern Studies», vol. 26, no. 2 (1990), pp. 232–233.

³⁸ См.: «Report of the Palestine Partition Commission» (London, 1938), p. 52.

³⁹ См., в частности: Nur Masalha, «Expulsion of the Palestinians», p. 29; Palumbo, «The Palestinian Catastrophe», pp. 12–13; Валид Халиди даже утверждает, что ревизионисты «единственные во всем

сионистском движении осмеливались открыто говорить о выдворении арабского населения за пределы Палестины»; Walid Khalidi, «Plan Dalet: Master Plan for the Conquest of Palestine» // «*Journal of Palestine Studies*», vol. 17, no. 1 (1988), p. 10.

⁴⁰ См.: Ицхак Галь-Нура, «*“И вернулись сыновья к своим границам”*. *Позиции сионистского движения по территориальным и государственным вопросам*» (Иерусалим: издательство им. Магнаса, 1994), стр. 171 [на иврите].

⁴¹ Зеев Жаботинский, «От плана по разделу – к десятилетнему плану»; приводится в книге Ицхака Галь-Нура «*И вернулись сыновья к своим границам*», стр. 202 [на иврите].

⁴² Цитируется по изданию: Владимир Жаботинский, «*Избранное*» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990), стр. 230.

⁴³ Шломо Авинери, «*Основные направления в еврейской политической мысли*» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1983), стр. 256.

⁴⁴ Цитируется по: Nur Masalha, «*Expulsion of the Palestinians*», p. 29.

⁴⁵ См. там же, pp. 148–149.

⁴⁶ См.: Шабтай Тевет, «*Скрытые годы и черная дыра*», стр. 267.

⁴⁷ Согласно результатам переписи населения 1931 г., в Иерусалиме проживали около 90.500 человек, из которых 51.200 были евреями (то есть, 56.7%). См.: Михаэль Роман, «Перемещение демографического и экономического центра из Иерусалима в Тель-Авив в период британского мандата», в книге «*Иерусалим в сионистском сознании и деятельности*» под ред. Хагит Лавски (Иерусалим: издательство Центра имени Залмана Шазара по изучению Израиля, 1989) стр. 220 [на иврите].

⁴⁸ См.: Аарон Клайман, «*Разделяй или властвуй. Политическая линия Британии и раздел Эрец-Исраэль – упущенная возможность? 1936–1939*» (Иерусалим: издательство Института им. И. Бен-Цви, 1983), стр. 48–51 [на иврите].

⁴⁹ Статья Зеева Жаботинского была опубликована в газете «*Ха'Ярден*» 13 августа 1937 г.; фрагмент из нее приводится в цитируемой выше книге Ицхака Галь-Нура «*И вернулись сыновья к своим границам*», стр. 171 [на иврите].

⁵⁰ Протокол XX Сионистского конгресса (1937), с. 37; цитируется в книге Ицхака Галь-Нура «*И вернулись сыновья к своим границам*», стр. 201 [на иврите].

⁵¹ Цитируется по книге Шабтая Тевета «*Сокрытые годы и черная дыра*», стр. 271 [на иврите].

⁵² Цитируется там же, стр. 272 [на иврите].

⁵³ Цитируется там же, стр. 273 [на иврите].

- ⁵⁴ Цитируется там же, стр. 274 [на иврите].
- ⁵⁵ См.: Walid Khalidi, «Plan Dalet: Master Plan for the Conquest of Palestine», p. 11 («It was left to the Royal Peel Commission of 1937 to articulate Zionist thoughts»); см. также: Nur Masalha, «*Expulsion of the Palestinians*», pp. 54–60.
- ⁵⁶ См.: Nur Masalha, «*Expulsion of the Palestinians*», p. 107.
- ⁵⁷ См.: Benny Morris, «*1948 and After: Israel and the Palestinians*» (Oxford: Clarendon Press, 1994), p. 17.
- ⁵⁸ Давид Бен-Гурион, «*Мы и наши соседи*» (Тель-Авив, 1931), стр. 31–33 [на иврите].
- ⁵⁹ Гидеон Шимони, «*Сионистская идеология*», стр. 358 [на иврите].
- ⁶⁰ Йосеф Горный, «*Арабский вопрос и еврейская проблема*», стр. 279 [на иврите].
- ⁶¹ Протокол заседания руководства Еврейского агентства, 7 июня 1938 г., Центральный сионистский архив, Иерусалим; цитируется по упомянутой выше книге: Эфраим Карш, «*Фабрикация израильской истории*», стр. 50 [на иврите].
- ⁶² Протокол заседания руководства Еврейского агентства, 21 октября 1936 г., Центральный сионистский архив, Иерусалим; приводится по книге Шабтая Тевета «*Сокрытые годы и черная дыра*», стр. 266 [на иврите].
- ⁶³ Цитируется там же, стр. 267 [на иврите].
- ⁶⁴ Там же, стр. 268 [на иврите].
- ⁶⁵ Цитируется там же, стр. 266 [на иврите].
- ⁶⁶ См. обсуждение данной темы в книге: Йосеф Горный, «*Арабский вопрос и еврейская проблема*», стр. 335 [на иврите].
- ⁶⁷ Письмо Д. Бен-Гуриона М. Шарету от 3 июля 1937 г. приводится по книге Шабтая Тевета «*Сокрытые годы и черная дыра*», стр. 268 [на иврите].
- ⁶⁸ Там же, стр. 268–269 [на иврите].
- ⁶⁹ Отрывок из письма Д. Бен-Гуриона своему сыну Амосу приводится по книге: Эфраима Карша «*Фабрикация израильской истории*», стр. 51 [на иврите].
- ⁷⁰ Протокол заседания руководства Еврейского агентства от 7 июня 1938 г.; приводится по книге: Эфраима Карша «*Фабрикация израильской истории*», стр. 55 [на иврите].
- ⁷¹ Лейбористская партия получила 393 места в парламенте, консерваторы – 199 мест, тогда как представители остальных партий – 48 мандатов.
- ⁷² Цитируется по книге: Йосеф Горный, «*Арабский вопрос и еврейская проблема*», стр. 383–384 [на иврите]; более подробно данная

тема анализируется в другой книге того же автора: Йосеф Горный, «Двуумысленная связь: Лейбористская партия Великобритании и ее отношение к сионизму, 1917–1947» (Тель-Авив, 1982), стр. 264–270 [на иврите].

⁷³ Цитируется по книге Бенни Морриса «Возникновение проблемы палестинских беженцев, 1947–1949» (Тель-Авив: издательство «Ам овед», 1991), стр. 48–49 [на иврите].

⁷⁴ См.: Шабтай Тевет, «Сокрытые годы и черная дыра», стр. 262 [на иврите].

⁷⁵ См.: Эфраим Карш, «Фабрикация израильской истории», стр. 46–49 [на иврите].

⁷⁶ По словам В. Халиди, «выразителем идеи трансфера стала комиссия Пиля в 1937 году»; см.: Walid Khalidi, «Plan Dalet: Master Plan for the Conquest of Palestine», p. 11.

⁷⁷ «*Jewish Chronicle*», 13 August 1937.

⁷⁸ См. предложенную Комиссией Пиля карту раздела Палестины/Эрец-Исраэль в книге Мартина Гилберта «Атлас по истории еврейского народа» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1997), стр. 132.

⁷⁹ См.: Itzhak Galnoor, «*The Partition of Palestine: Decision Crossroads in the Zionist Movement*» (Albany: State University of New York Press, 1995), pp. 179–180.

⁸⁰ W. Khalidi, «Plan Dalet: Master Plan for the Conquest of Palestine», p. 11.

⁸¹ Вальтер Лакер, «История сионизма» (Москва: «Крон-Пресс», 2000), стр. 144–145.

⁸² Там же, стр. 167.

⁸³ Говард Сакер, «История Израиля: от возникновения сионизма до создания государства Израиль» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1994), том 1, стр. 90–91.

⁸⁴ Там же, стр. 102–103.

⁸⁵ Вальтер Лакер, «История сионизма», стр. 167.

⁸⁶ Там же, стр. 290.

⁸⁷ Там же, стр. 291.

⁸⁸ Эльяким Рубинштейн, «Вехи в становлении сионистской позиции по вопросу еврейско-арабского конфликта в период до 1936 года», в сборнике статей «Сионизм и арабский вопрос» (Иерусалим: издательство Центра им. Залмана Шазара, 1983), стр. 45 [на иврите].

⁸⁹ Исраэль Колат, «Сионистское движение и арабы», в сборнике статей «Сионизм и арабский вопрос», стр. 15 [на иврите].

⁹⁰ См.: Говард Сакер, «История Израиля», том 2, стр. 27.

⁹¹ См. там же.

⁹² См.: Itzhak Galnoor, «*The Partition of Palestine*», p. 247.

⁹³ См.: Говард Сакер, «*История Израиля*», том 2, стр. 18–19.

⁹⁴ См. текст этого договора в переводе на русский язык в приложении к книге Бениamina Нетаниягу «*Место под солнцем*» (Иерусалим: Ассоциация «Алия за Эрец-Исраэль», 1996), стр. 599–601; другой перевод опубликован как приложение к книге Шмуэля Каца «*Земля раздора*» (Тель-Авив: издательство «Карни», 1992), стр. 317–319.

⁹⁵ См.: Лев Данилов [А.Р. Аганин], «*Кто есть кто в Иорданском Хашимитском королевстве*» (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998), стр. 185–186.

⁹⁶ См.: Mary Wilson, «*King Abdullah, Britain and the Making of Jordan*» (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), pp. 104–105.

⁹⁷ Абдалла был провозглашен королем Трансиордании 25 мая 1946 г. С целью избежать путаницы в описании событий до и после 1946 г., здесь и далее Абдалла упоминается как «король» Трансиордании (после декабря 1948 г. – Иордании), а не «эмир» Трансиордании.

⁹⁸ См.: Yoav Gelber, «*Jewish–Transjordanian Relations, 1921–1948*» (London: Frank Cass, 1997), pp. 17–18.

⁹⁹ Там же, p. 32.

¹⁰⁰ Там же, p. 40.

¹⁰¹ Там же, pp. 61–62.

¹⁰² Там же, p. 64 and p. 78, note 15.

¹⁰³ Там же, p. 66.

¹⁰⁴ Там же, p. 52 and p. 70.

¹⁰⁵ Там же, p. 72 and p. 80, note 59; p. 107.

¹⁰⁶ Там же, p. 22, note 64.

¹⁰⁷ Там же, p. 44 and p. 55, note 35.

¹⁰⁸ О предложении Й. Абилеа о создании еврейско-арабской конфедерации под покровительством эмира Абдаллы см.: Anthony G. Bing, «*Israeli Pacifist. The Life of Joseph Abileah*» (Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1990), pp. 50–57. См. также семейный Интернет-сайт потомков Й. Абилеа: <http://www.abileah.com/>.

¹⁰⁹ Цитируется по изданию: Susan Lee Hattis, «*The Bi-National Idea in Palestine During Mandatory Times*» (Haifa: Shikmona Publishing Company, 1970), p. 241.

¹¹⁰ См.: Yoav Gelber, «*Jewish–Transjordanian Relations, 1921–1948*», p. 75 and 151.

¹¹¹ См.: А.Р. Аганин и З.А. Соловьева, «*Современная Иордания*» (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998), стр. 268–271.

¹¹² Itzhak Galnoor, «*The Partition of Palestine*», p. 252.

¹¹³ См.: Ицхак Галь-Нур, «*И вернулись сыновья к своим границам*», стр. 153 [на иврите].

¹¹⁴ См.: Вальтер Лакер, «*История сионизма*», стр. 327.

¹¹⁵ См.: Йосеф Горный, «*Арабский вопрос и еврейская проблема*», стр. 143–145 [на иврите].

¹¹⁶ См.: Эльяким Рубинштейн, «*Вехи в становлении сионистской позиции...*», стр. 53 [на иврите].

¹¹⁷ См.: Йосеф Горный, «*Арабский вопрос и еврейская проблема*», стр. 326–327 [на иврите].

¹¹⁸ Авива Халамиш, «*Иерусалим в период британского мандата*», часть десятая курса «*Иерусалим в веках*» (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998), стр. 81–82.

¹¹⁹ См.: Ольга Зайцева, «*Проблема Иерусалима в палестино-израильском конфликте и в международных отношениях*», в книге «*Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии*» под ред. Алека Эпштейна (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004), стр. 68–145.

¹²⁰ См.: *Security Council Official Records*, Third Year, No. 62, 287th Meeting, 23 April 1948, p. 14.

¹²¹ См.: The United Nation Palestine Commission, *Second Report to the Second Special Session of the General Assembly*, UN document A/532, chapter 6, paragraph 2.

¹²² Приведенный ниже анализ отчасти основывается на исследовании Мордехая Лахава «*Палестинские беженцы на протяжении пятидесяти лет, 1948–1999*» (Хайфа, 2000) [на иврите].

¹²³ Benny Morris, «*Righteous Victims. A History of the Zionist–Arab Conflict, 1881–1999*» (New-York: Alfred Knopf, 1999), p. 193.

¹²⁴ См.: Бенни Моррис, «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 53 [на иврите].

¹²⁵ См.: Benny Morris, «*The Birth of the Palestinian Refugee Problem*» (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), p. 33.

¹²⁶ Д. Бен-Гурион, «*Военный дневник*», запись от 25 декабря 1947 г.; подготовка текста к печати Г. Ривлина и Э. Орена (Тель-Авив: Издательство Министерства обороны Израиля, 1982), т. 1, стр. 97 [на иврите].

¹²⁷ См.: Benny Morris, «*The Birth of the Palestinian Refugee Problem*», p. 34.

¹²⁸ См.: Shabtai Teveth, «*The Palestine Arab Refugee Problem and its Origins*», p. 221.

¹²⁹ См.: Б. Моррис, «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 63 [на иврите].

¹³⁰ Rashid Khalidi, «The Palestinians and 1948: the Underlying Causes of Failure», in E. L. Rogan and A. Shlaim (eds.), «*The War for Palestine: Rewriting the History of 1948*» (Cambridge: Cambridge University Press, 2001), p. 28.

¹³¹ Двадцать пять из семидесяти тысяч арабов, населявших Хайфу, покинули город между декабрем 1947 г. и второй половиной марта 1948 г.; еще двадцать тысяч человек бежали в первые восемнадцать дней апреля, еще до того, как отряды «Хаганы» успели начать наступательную операцию. Большая же часть оставшегося населения бежала в первый день операции – 22 апреля 1948 г. См.: Yoav Gelber, «Palestine 1948: War, Escape and the Emergence of the Palestinian Refugee Problem» (Brighton and Portland: Sussex Academic Press, 2001), p. 102.

¹³² Письмо Д. Бен-Гуриона к М. Шарету от 12 февраля 1948 г. Приводится в книге: Benny Morris, «*The Birth of the Palestinian Refugee Problem*», p. 47. Тель-Авив и Яффо находятся рядом друг с другом, и на сегодняшний день составляют единый мегаполис.

¹³³ См.: Бенни Моррис, «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 98 [на иврите].

¹³⁴ Отчет штаба ПАЛЬМАХа Генеральному штабу «Хаганы», 3 мая 1948 г., архив движения «Ха'киббуц Ха'меухад». Приводится в книге Бенни Морриса «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 99 [на иврите].

¹³⁵ Цитируется там же.

¹³⁶ Книга Б. Н. аль-Хат вышла в Бейруте на арабском языке в 1981 году; цитируется по: Shabtai Teveth, «The Palestine Arab Refugee and its Origins», p. 248.

¹³⁷ См. об этом в книге Дана Хоровица и Моше Лиссака «*От ишува – к государству*» (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1998).

¹³⁸ Don Peretz, «*The Palestine Arab Refugee Problem*» (Santa Monica, California: Rand Corporation, 1969), p. 7.

¹³⁹ Henry Cattan, «*Palestine, the Arabs and Israel. The Search for Justice*» (London: Longmans, 1969), p. 47.

¹⁴⁰ Don Peretz, «*Israel and the Palestine Arabs*» (Washington: Middle East Institute, 1958), p. 7.

¹⁴¹ Howard Sachar, «*Europe Leaves Middle East*» (New York: Alfred Knopf, 1972), p. 523.

¹⁴² Том Сегев, «*Дни дикорастущих цветов. Эрец-Исраэль в период британского мандата*» (Иерусалим: издательство «Кетер», 1999), стр. 412 [на иврите].

¹⁴³ Fred Khouri, «*The Arab–Israeli Dilemma*» (Syracuse: Syracuse University Press, 1968), p. 164.

¹⁴⁴ Фрагмент из книги: Constantine Zurayk, «*The Meaning of Disaster*» (Beirut, 1956) приводится в переводе на иврит в книге Мордехая Лахава «*Палестинские беженцы на протяжении пятидесяти лет*», стр. 232.

¹⁴⁵ Yoav Gelber, «*Palestine 1948*», p. 74.

¹⁴⁶ Воззвание от имени Комитета еврейской общины в Хайфе «Нашим арабским соседям» цитируется по книге: Тамир Горен, «*Израильские власти и арабские жители Хайфы, 1948–1950. Исторический и географический анализ*» (Хайфский университет: Институт изучения Ближнего Востока, 1996), стр. 140 [на иврите].

¹⁴⁷ Подборка радиопередач «Голоса “Хаганы”» и «Голоса Израиля», посвященных массовому бегству арабских жителей между 28 марта и 14 мая 1948 г., подготовленных Арабским отделом Министерства иностранных дел Израиля 4 сентября 1951 г. (Государственный архив Израиля, документы МИДа, папка 2564/1). Цитируется по: Yoav Gelber, «*Palestine 1948*», pp. 107–108.

¹⁴⁸ См.: Avi Shlaim, «*Collusion Across the Jordan: King Abdullah, the Zionist Movement and the Partition of Palestine*» (New-York: Columbia University Press, 1988), pp. 110–117.

¹⁴⁹ См.: Benny Morris, «*Righteous Victims*», p. 196.

¹⁵⁰ См. справку Ближневосточного отдела Министерства иностранных дел СССР «Положение в Палестине после решения ООН о разделе страны» от 13 апреля 1948 г., опубликованную в книге «*Советско-израильские отношения. Сборник документов*», т. 1 (1941–1953), книга 1 (Москва: «Международные отношения», 2000), стр. 292–299.

¹⁵¹ См.: Николай Злобин, «Белый дом и создание Государства Израиль» // «*Континент. Литературный, публицистический и религиозный журнал*», № 111 (2002), стр. 275–287.

¹⁵² Цитируется там же, стр. 280.

¹⁵³ См.: Clark Clifford, «*Counsel to the President*» (New-York: Random House, 1991), pp. 13–15.

¹⁵⁴ См. Натанель Лорх, «*История Войны за независимость*» (Тель-Авив: издательство «Масада», 1989), стр. 195 [на иврите].

¹⁵⁵ См. детальное рассмотрение операции «Нахшон» в книге «*Иерусалим в 1948 году*» под редакцией Мордехая Наора (Иерусалим: Институт им. Ицхака Бен-Цви, 1983), стр. 61–71 [на иврите].

¹⁵⁶ Из большого числа книг, посвященных событиям, произошедшим в ходе Войны за независимость Израиля, важнейшими можно считать вышедшие на иврите четырехтомник Ури Мильштейна «*История Войны за независимость*» (Тель-Авив: издательство «Змо-

ра Бейтан», 1989–1991) и фундаментальную книгу Йоава Гелбера «Независимость или катастрофа. Израиль, палестинцы и арабские страны, 1948» (Ор-Иегуда: издательство «Двир», 2004). На эти работы опирался и автор настоящей монографии.

¹⁵⁷ См.: Rony Gabbay, «*A Political Study of the Arab-Jewish Conflict. The Arab Refugee Problem*» (Geneva – Paris: Librairie E. Droz, 1959), pp. 78–84.

¹⁵⁸ См.: Walid Khalidi, «Plan Dalet: Master Plan for the Conquest of Palestine», p. 26.

¹⁵⁹ См.: Барух Киммерлинг и Йоэль Мигдаль, «*Палестинцы. Создание нации*», стр. 140 [на иврите].

¹⁶⁰ См.: Yoav Gelber, «*Palestine 1948*», p. 82.

¹⁶¹ См. там же.

¹⁶² См. там же, pp. 82–83.

¹⁶³ См. там же, p. 100.

¹⁶⁴ См.: Бенни Моррис, «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 95 [на иврите].

¹⁶⁵ Walid Khalidi, «Plan Dalet: Master Plan for the Conquest of Palestine», p. 17.

¹⁶⁶ См.: Бенни Моррис, «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 116 [на иврите].

¹⁶⁷ Дневниковые записи Йосефа Вайца от 22 и 23 апреля 1948 г. приводятся в книге Бенни Морриса «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 95 [на иврите].

¹⁶⁸ «Отчет Гарри Бейлина (Harry Beilin) об оккупации Хайфы» от 25 апреля 1948 г. (Центральный сионистский архив, Иерусалим, документ S25/10.584) приводится в книге Бенни Морриса «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 118 [на иврите].

¹⁶⁹ Выступление Д. Бен-Гуриона от 4 мая 1948 г. приводится в его книге «*Военный дневник*», т. 1, стр. 387 [на иврите].

¹⁷⁰ Коннор О'Брайен, «*Осада*» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1990), книга 1, стр. 95.

¹⁷¹ Хаим Герцог, «*Арабо-израильские войны*» (Лондон: издательство «Нина Карсов», 1986), т. 1, стр. 48.

¹⁷² Барух Киммерлинг и Йоэль Мигдаль, «*Палестинцы: создание нации*», стр. 138 [на иврите].

¹⁷³ См. интервью Амоса Кейнана в субботнем приложении к газете «*Маарив*», 12 июня 1998 г., стр. 23 [на иврите]. Перевод на английский язык: «Leading Israeli Dove Says Claim of “Massacre” of Arabs in Deir Yassin 48 Was “A Lie”» на сайте <http://www.zoa.org/pressrel/19980623a.htm>.

¹⁷⁴ Ури Мильштейн, «*Рабин: рождение мифа*» (Иерусалим: издательство «Сридут», 1997), стр. 237.

¹⁷⁵ Цитируется в книге Коннора О'Брайена «*Осада*», стр. 96.

¹⁷⁶ Отрывок из воспоминаний Хальда аль-Азма (том 1, стр. 386–387) приводится в переводе на иврит в книге Мордехая Лахава «*Палестинские беженцы на протяжении пятидесяти лет*», стр. 267.

¹⁷⁷ Михаэль Асаф, «*Формирование национального самосознания палестинских арабов и их последующее бегство*» (Тель-Авив: издательство «Культура и образование», 1967), стр. 180–182 [на иврите].

¹⁷⁸ «*Аль-Худа*» [газета выходцев из Ливана, выходившая в Детройте, США], 8 июня 1951 г.; цитируется по изданию: «*The Arab Refugees: Arab Statements and Facts*» (Israel: Ministry for Foreign Affairs, 1961), p. 11.

¹⁷⁹ «*Фалястин*» [газета, выходившая в Восточном Иерусалиме], 19 февраля 1949 г.; цитируется там же, p. 10.

¹⁸⁰ «*Фалястин*», 30 мая 1955 г.; цитируется там же, pp. 10–11.

¹⁸¹ Edward Selim Atiyah, «*The Arabs*» (Harmondsworth: Penguin Books, 1955), p. 183.

¹⁸² Цитируется по: Бенни Моррис, «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 480, примечание 110 [на иврите].

¹⁸³ Там же, стр. 99 [на иврите]. Эта информация основывается на доносении разведывательной службы израильской армии от 30 июня 1948 г.

¹⁸⁴ Christopher Sykes, «*Cross Roads to Israel. Palestine from Balfour to Bevin*» (London: Collins, 1965), pp. 68–69.

¹⁸⁵ Бенни Моррис, «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 99 [на иврите].

¹⁸⁶ Этот приказ, изданный от имени начальника Генерального штаба израильской армии, цитируется там же, стр. 266 [на иврите].

¹⁸⁷ Газета «*Аль ха'мишмар*», 12 июля 1948 г. [на иврите]; цитируется по книге: Мордехай Бар-Он, «*“Память в книге”. Начальные этапы развития израильской историографии, посвященной Войне за независимость*» (Тель-Авив: издательство Министерства обороны, 2001), стр. 76 [на иврите].

¹⁸⁸ Голда Меир, «*Моя жизнь*» (Тель-Авив: «Маарив», 1975), стр. 204 [на иврите].

¹⁸⁹ Эльханан Орен, «От отражения атаки – к окончательной победе», в сборнике «*Первый год независимости, 1948–1949*» под ред. Мордехая Наора (Иерусалим: Институт им. Ицхака Бен-Цви, 1988), стр. 33–34 [на иврите].

¹⁹⁰ См.: Барух Киммерлинг и Йозель Мигдаль, «*Палестинцы: создание нации*», стр. 117–142 [на иврите].

¹⁹¹ Подробнее об этом см.: Benny Morris, «1948 and After», pp. 1–4.

¹⁹² Мордехай Лахав, «Палестинские беженцы на протяжении пятидесяти лет», стр. 298.

¹⁹³ Интервью Переца Кидрона с Беном Дункельманом // «Ха'олам ха'зе» [«Этот мир»], 9 января 1980 г. [на иврите]; цитируется по: Simha Flapan, «The Palestinian Exodus of 1948» // «*Journal of Palestine Studies*», vol. 16, no. 4 (1987), pp. 14–15.

¹⁹⁴ Дневниковые записи Йосефа Вайца от 25 октября 1948 г. приводятся в книге Бенни Морриса «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 294 [на иврите].

¹⁹⁵ См. там же, стр. 300 [на иврите].

¹⁹⁶ См. там же, стр. 301 [на иврите].

¹⁹⁷ Барух Киммерлинг и Йоэль Мигдаль, «*Палестинцы. Создание нации*», стр. 140 [на иврите].

¹⁹⁸ В различных источниках приводятся цифры, которые варьируются между 520.000 и 900.000 человек, а зачастую даже больше, и по этому поводу, как в академических, так и в политических кругах, имеются существенные разногласия. См. детальный анализ этой темы в книге: Б. Моррис, «*Возникновение проблемы палестинских беженцев*», стр. 397–399 [на иврите]; а также: Walter Pinner, «*How Many Arab Refugees? A Critical Study of UNRWA's Statistics and Reports*» (London: Macgibbon and Kee, 1960); согласно этому источнику, в 1947–1948 годах Палестину/Эрец-Исраэль покинули около 539.000 арабов.

¹⁹⁹ См.: Yoav Gelber, «Jewish–Arab Talks During the War of Independence» // «*Journal of Israeli History*», vol. 15, no. 3 (1994), p. 283.

²⁰⁰ И.А. Генин, «*Палестинская проблема*» (Москва: издательство «Правда», 1948), стр. 16–17.

²⁰¹ Редакционная статья в газете «Правда» от 29 мая 1948 г.

²⁰² См.: Heinz Hoehne, «*The Order of the Death's Head. The Story of Hitler's SS*» (Harmondsworth: Penguin, 2000), p. 336–337; Давид Исраэли, «*Немецкий рейх и Эрец-Исраэль. Проблемы Эрец-Исраэль в германской политике 1889–1945 годов*» (Рамат-Ган: Университет Бар-Илан, 1974), стр. 301–302 [на иврите].

²⁰³ Письмо Ф. Полкеса к М. Асафу, 11 февраля 1948 г., архив Д. Бен-Гуриона [на иврите], а также письмо М. Асафа к Д. Бен-Гуриону, 15 февраля 1948 г. [на иврите], там же. Цитируется по: Yoav Gelber, «Jewish–Arab Talks During the War of Independence», pp. 284.

²⁰⁴ Черновик письма Д. Бен-Гуриона к М. Асафу от 22 февраля 1948 г. [на иврите], архив Д. Бен-Гуриона. См. также окончательный вариант письма, которое было отослано 1 мая 1948 года [на иврите], там же. Цитируется там же.

²⁰⁵ «His Beatitude The Patriarch Maximos V Hakim, Greek Melkite Patriarch of Antioch and all the East and Alexandria and Jerusalem, Patriarchal Head of the Greek Melkite Catholic Church»; см.: <http://www.opuslibani.org.lb/egliseeng/003/patriach.html>.

²⁰⁶ «Patriarch Maximos V»; См.: <http://www.melkite.org/Maximos.html>.

²⁰⁷ Письмо Б.Ш. Шитрита Д. Бен-Гуриону от 6 июля 1948 г. [на иврите], Израильский государственный архив, документы Министерства иностранных дел, папка 2563/21. Цитируется по: Yoav Gelber, «Jewish-Arab Talks During the War of Independence», pp. 285.

²⁰⁸ Меморандум Б.Ш. Шитрита под заголовком «Массовое бегство арабов», поданный М. Шарету 25 февраля 1949 г. [на иврите], Израильский государственный архив, документы Министерства иностранных дел, папка 2563/11. Цитируется по: Y. Gelber, «*Palestine 1948*», pp. 283–284.

²⁰⁹ См.: Alisa Rubin Peled, «The Other Side of 1948: The Forgotten Benevolence of Bechor Shalom Shitrit and the Ministry of Minority Affairs» // «*Israel Affairs*», vol. 8, no. 3 (2002), pp. 84–103.

²¹⁰ См. там же, p. 90.

²¹¹ Там же, pp. 88–89.

²¹² См. «*Правительственный ежегодник, 1950*», стр. 118–119 [на иврите]; цитируется по: Elie Rekhess, «Initial Israeli Policy Guidelines towards the Arab Minority, 1948–1949», in L. J. Silberstein (ed.), «*New Perspectives on Israeli History: The Early Years of the State*» (New York: New York University Press, 1991), p. 113.

²¹³ Цитируется по: Alisa Rubin Peled, «The Other Side of 1948», p. 89.

²¹⁴ «Обобщающий обзор деятельности и функций Министерства по делам национальных меньшинств», 20 декабря 1948 г. [на иврите]; Израильский государственный архив, папка 49/3/307/24. Цитируется там же, p. 90.

²¹⁵ Elie Rekhess, «Initial Israeli Policy Guidelines towards the Arab Minority», p. 112.

²¹⁶ Меморандум, подписанный Б.Ш. Шитритом 27 февраля 1949 г. [на иврите]; Израильский государственный архив, папка 1320/11. Цитируется там же.

²¹⁷ Цитируется по: Alisa Rubin Peled, «The Other Side of 1948», p. 91.

²¹⁸ «Незаконное проникновение в портовую мечеть», 21 июля 1948 г. [на иврите]; Израильский государственный архив, папка 49/3/306/81. Цитируется там же, p. 92.

²¹⁹ «Отчет об условиях жизни и нуждах меньшинств», 27 октября 1948 г. [на иврите]; Израильский государственный архив, папка 49/3/302/65. Цитируется там же.

²²⁰ Бенни Моррис, «Возникновение проблемы палестинских беженцев», стр. 153 [на иврите].

²²¹ Письмо министра по делам меньшинств Б.Ш. Шитрита Я. Шимони от 19 июля 1948 г. [на иврите]; Израильский государственный архив, документы Министерства по делам меньшинств, папка 49/3/307/10. Цитируется там же, стр. 154.

²²² Письмо Э. Каплана к Б.Ш. Шитриту от 20 июля 1948 г. [на иврите], там же. Цитируется там же.

²²³ Подробный анализ данной проблемы см.: Baruch Kimmerling, «Sovereignty, Ownership and 'Presence' in the Jewish-Arab Territorial Conflict: The Case of Bir'im and Ikrit» // «*Comparative Political Studies*», vol. 10, no. 2 (1977), pp. 155–175.

²²⁴ Том Сегев, «1949 – Первые израильтяне» (Иерусалим, 1984), стр. 73 [на иврите].

²²⁵ Д. Бен-Гурион, «Военный дневник», т. 3, стр. 828, запись от 16 ноября 1948 г. [на иврите].

²²⁶ Бенни Моррис, «Возникновение проблемы палестинских беженцев», стр. 319 [на иврите].

²²⁷ См. там же [на иврите].

²²⁸ Alisa Rubin Peled, «The Other Side of 1948», p. 99.

²²⁹ Elie Rekhess, «Initial Israeli Policy Guidelines towards the Arab Minority», p. 103.

²³⁰ Газета «Ха'арец», 6 сентября 1948 г. [на иврите]; цитируется по: Elie Rekhess, «Initial Israeli Policy Guidelines towards the Arab Minority», p. 104.

²³¹ См.: Yoav Gelber, «Jewish–Arab Talks During the War of Independence», p. 285.

²³² Предложения Элияху Сассона, 13 марта 1948 г. [на иврите]; Израильский государственный архив, P/573/1. Цитируются там же.

²³³ См.: Avi Shlaim, «*Collusion Across the Jordan*», pp. 280–281.

²³⁴ См.: Yoav Gelber, «*Jewish–Transjordanian Relations, 1921–1948*», p. 118 and p. 124, note 80.

²³⁵ Там же, p. 187 and 193, note 44.

²³⁶ См.: Yoav Gelber, «*Israel–Jordanian Dialogue, 1948–1953. Cooperation, Conspiracy, or Collusion?*» (Brighton: Sussex Academic Press, 2004), pp. 4–5.

²³⁷ Там же, p. 5.

²³⁸ Письмо М. Шарета Э. Сассону, 19 сентября 1948 г. [на иврите]; Израильский государственный архив, документы Министерства иностранных дел, папка 2344/1. См.: Yoav Gelber, «Jewish–Arab Talks During the War of Independence», p. 292.

²³⁹ См.: Yoav Gelber, «*Israel-Jordanian Dialogue, 1948–1953*», pp. 31–33.

²⁴⁰ Письмо М. Шарета Б.Ш. Шитриту от 8 августа 1948 г. [на иврите]; Израильский государственный архив, документы Министерства иностранных дел, папка 2570/15. Цитируется по: Yoav Gelber, «*Jewish–Arab Talks During the War of Independence*», p. 293.

²⁴¹ Письмо Я. Шимони Э. Сассону от 19 августа 1948 года [на иврите]; Израильский государственный архив, документы Министерства иностранных дел, папка 3749/1. Цитируется там же.

²⁴² Меморандум Э. Сассона от 22 сентября 1948 г., приложенный к его письму, отправленному в канцелярию Министерства иностранных дел 23 сентября того же года [на иврите]; цитируется там же, на стр. 298–299.

²⁴³ Запись в «*Военном дневнике*» Д. Бен-Гуриона от 18 декабря 1948 г., т. 3, стр. 885–887.

²⁴⁴ Atalia Ben-Meir, «*The Palestinian Refugee Issue and the Demographic Aspects*», in Arie Stav (ed.), «*Israel and a Palestinian State: Zero Sum Game?*» (Ariel: Center for Policy Research, 2001), p. 214.

²⁴⁵ См.: Benny Morris, «*Righteous Victims*», p. 336.

²⁴⁶ Ицхак Равид, «*Палестинские беженцы*» (Рамат-Ган: Университет Бар-Илан, Центр стратегических исследований им. М. Бегина и А. Садата, 2001), стр. 4 [на иврите].

²⁴⁷ См.: Avi Bekker, «*UNRWA, Terror and the Refugee Conundrum: Perpetuating the Misery*» (Jerusalem: Institute of the World Jewish Congress – Research report no. 26, 2003), p. 10.

²⁴⁸ См.: Nazmi Ju'beh, «*The Palestinian refugee problem and the final status negotiations*» // «*Palestine-Israel Journal of Politics, Economics and Culture*», vol. 9, no. 2 (2002), pp. 5–11.

²⁴⁹ См.: «*The Palestine Refugee Problem. A New Approach and a Plan for a Solution*» (New York: Institute for Mediterranean Affairs, 1958), pp. 90–91.

²⁵⁰ Заявление Д. Бен-Гуриона в Кнессете, 27 октября 1961 г., пункт 11 [на иврите]; см.: «*Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*» (Jerusalem: Ministry for Foreign Affairs, 1976), p. 427.

²⁵¹ Don Peretz, «*Palestinians, Refugees, and the Middle East Peace Process*» (Washington: United States Institute of Peace Press, 1993), p. 70.

²⁵² Conciliation Commission for Palestine, «*Progress Report to the United Nations General Assembly*», 1951, UN Doc. A/1367/Rev. 1, chapter 1, paragraph 5.

²⁵³ О посреднических усилиях Роберта Андерсона см.: Моше Сассон, «*О мирных переговорах с соседними государствами*», в кни-

ге под ред. М. Ягера, Й. Говрина и А. Одеда «*Министерство иностранных дел. Пятьдесят первых лет*» (Иерусалим: издательство «Кетер», 2002), стр. 121–124 [на иврите].

²⁵⁴ См.: Statement to the Special Political Committee of the United Nations General Assembly by Ambassador Eban, 18 ноября 1955 г.; цитируется по: «*Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*», pp. 398–411.

²⁵⁵ Данные Управления ООН по делам беженцев, «*UNRWA Annual Report, July 1, 1956 – June 30, 1957*», Supplement no. 14. См.: «*The Palestine Refugee Problem. A New Approach and a Plan for a Solution*», pp. 84–85.

²⁵⁶ Заявление М. Шарета в Кнессете, 15 июня 1949 г. [на иврите]; см.: «*Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*», p. 373.

²⁵⁷ См.: Говард Сакер, «*История Израиля. От Войны за независимость до Шестидневной войны*» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1995), стр. 120–121.

²⁵⁸ См.: Statement to the Special Political Committee of the United Nations General Assembly by Ambassador Eban, 17 ноября 1958 г.; цитируется по: «*Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*», p. 420.

²⁵⁹ См. там же, pp. 420–421.

²⁶⁰ См. там же, p. 421.

²⁶¹ Заявление М. Шарета в Кнессете, 15 июня 1949 г. [на иврите]; см.: «*Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*», p. 375.

²⁶² Заявление Д. Бен-Гуриона в Кнессете, 27 октября 1961 г., пункт 10 [на иврите]; см.: «*Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*», pp. 426–427.

²⁶³ Цитируется по: Terence Prittie, «Middle East Refugees», in: Michael Curtis, Joseph Neyer, Chaim Waxman and Allen Pollack (eds.), «*The Palestinians: People. History, Politics*» (New Brunswick: Transaction Books, 1975), p. 71.

²⁶⁴ Цитируется там же.

²⁶⁵ См.: Avi Shlaim, «Husni Zaim and the Plan to Resettle Palestinian Refugees in Syria» // «*Middle East Focus*», vol. 9, no. 2 (1986), pp. 26–31; Itamar Rabinovich, «*The Road Not Taken. Early Arab–Israeli Negotiations*» (New York: Oxford University Press, 1991), pp. 74–75 and pp. 89–91.

²⁶⁶ Цитируется по: Statement to the Special Political Committee of the United Nations General Assembly by Ambassador Eban, 17 ноября

1958 г.; цитируется по: *«Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974»*, p. 418.

²⁶⁷ Цитируется там же.

²⁶⁸ См. полный текст этой резолюции в: *«The Palestine Refugee Problem. A New Approach and a Plan for a Solution»*, pp. 102–105.

²⁶⁹ См.: Yoav Gelber, *«Israel-Jordanian Dialogue, 1948–1953»*, p. 97.

²⁷⁰ См.: United Nations Economic Survey Mission for the Middle East, *«Final Report»*, 28 December 1949.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Цитируется в: Statement to the Special Political Committee of the United Nations General Assembly by Ambassador Eban, 17 ноября 1958 г.; цитируется по: *«Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974»*, p. 415.

²⁷³ Palestine Conciliation Commission, Progress Report to the United Nations General Assembly, A/1985, November 1951, пункт 20. См.: *«Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974»*, p. 390.

²⁷⁴ Proposals of the United Nations Secretary-General on Palestine Refugees, 15 June 1959. См.: *«Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974»*, p. 425.

²⁷⁵ Там же, p. 423.

²⁷⁶ Данные Управления ООН по делам беженцев, *«UNRWA Annual Report, July 1, 1956 – June 30, 1957»*, Supplement no. 14. См.: *«The Palestine Refugee Problem»*, pp. 84–85.

²⁷⁷ Резолюция № 242 Совета Безопасности ООН в переводе на русский язык цитируется по книге: *«Государство Израиль: политика и общество в документах»* под ред. Зеева Каца и Владимира Орла (Иерусалим: Еврейский университет, 1992), стр. 130–131.

²⁷⁸ Телеграмма первого заместителя министра иностранных дел СССР В.В. Кузнецова и постоянного представителя СССР при ООН Н.Т. Федоренко в МИД СССР от 22 ноября 1967 г. цитируется по книге: *«Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации»* под ред. В.В. Наумкина (Москва: международный фонд «Демократия», 2003), т. 2, стр. 664–665.

²⁷⁹ См. тексты этих резолюций на русском языке в сборнике: *«Государство Израиль: политика и общество в документах»*, стр. 140–142.

²⁸⁰ См., например, пункт 1 резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 55/123 «Помощь палестинским беженцам» от 27 февраля 2001 г., пункт 1 одноименной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 59/117 от 10 декабря 2004 г. и многие другие документы, в которых это положение воспроизводится слово в слово, без изменений.

²⁸¹ Пункт 2 тех же резолюций.

²⁸² См. краткий обзор обсуждения темы палестинских беженцев на этих конференциях в статье: Shelly Fried, «The Refugee Issue at the Peace Conferences, 1949–2000» // «*Palestine-Israel Journal of Politics, Economics and Culture*», vol. 9, no. 2 (2002), pp. 24–33.

²⁸³ См.: Моше Сассон, «О мирных переговорах с соседними государствами», стр. 118–121 [на иврите].

²⁸⁴ «*United States Policy toward Israel and the Arab States*». Report to the National Security Council, February 27, 1950; published in: «*Foreign Relations of the United States: The Near East, South Asia and Africa*», vol. 5, 1950 (Washington: U.S. Government, 1978, pp. 763–766); цитируется и обсуждается в книге: Itamar Rabinovich, «*The Road Not Taken*», pp. 163–164.

²⁸⁵ Тем не менее, десятки тысяч арабских беженцев требовали предоставить им разрешение на въезд в Израиль с целью воссоединения семей. К примеру, с июня 1967 по июнь 1994 гг. Израиль принял 22.179 палестинских беженцев (включая и тех, кто поселился на территории Восточного Иерусалима). См.: Shlomo Gazit, «*The Palestinian Refugee Problem*» (Tel-Aviv University: Jaffee Center for Strategic Studies, 1995), p. 9.

²⁸⁶ См.: Говард Сакер, «*История Израиля. От Войны за независимость до Шестидневной войны*», стр. 120.

²⁸⁷ Statement to the United Nations General Assembly by Ambassador Joseph Tekoah, 13 December 1972. См.: «*Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1947–1974*», p. 464.

²⁸⁸ «The Camp David Accords. A Framework for Peace in the Middle East», цитируется по: Laura Zittrain Eisenberg and Neil Caplan (eds.), «*Negotiating Arab–Israeli Peace*» (Bloomington: Indiana University Press, 1998), pp. 169–173, цитируемый фрагмент на стр.172.

²⁸⁹ «Treaty of Peace Between the State of Israel and the Hashemite Kingdom of Jordan» // «*Israel's Foreign Relations*», vol. 13–14 (Jerusalem: The Ministry of Foreign Affairs, 1995), документ 241, статья 8.2; перевод на русский язык автора монографии.

²⁹⁰ О роли отношений с США в решении арабских лидеров пойти на мирное урегулирование с Израилем см.: Алек Эпштейн и Иван Филиппов, «Израиль и арабские страны: надежда на мир умирает последней?» // «*Космополис. Журнал мировой политики*», № 2 (2002), стр. 96–109.

²⁹¹ См.: Rex Brynen, «Much Ado About Nothing? The Refugee Working Group and the Perils of Multilateral Quasi-negotiation» // «*International Negotiations*», vol. 2, no. 2 (1997).

²⁹² См.: Jacob Tov, «Negotiating the Palestinian Refugees» // «*The Middle East Quarterly*», vol. 10, no. 2 (2003); см. на сайте

<http://www.meforum.org/article/543>.

²⁹³ «Framework for the Conclusion of a Final Status Agreement between Israel and the Palestine Liberation Organization» (The Beilin – Abu Mazen Document), article VII, paragraph 1.

²⁹⁴ Махмуд Аббас (Абу-Мазен), *«Путь в Осло»* (Москва: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996), стр. 225.

²⁹⁵ Цитируется по: Nazmi Ju'beh, «The Palestinian Refugee Problem and the Final Status Negotiations», p. 8.

²⁹⁶ См. текст документа «Palestinian Paper on Refugees» от 22 января 2001 г. на сайте:

<http://MondeDiplo.com/focus/mideast/palestinianrefugees200101>.

²⁹⁷ Jacob Tovv, «Negotiating the Palestinian Refugees».

²⁹⁸ Подробнее см.: Бениамин Нойбергер, *«Арабское меньшинство: национальная обособленность и политическая интеграция»* (Тель-Авив: Открытый университет Израиля, 1999).

²⁹⁹ См.: Abbas Shiblak, «Residency Status and Civil Rights of Palestinian Refugees in Arab Countries» // *«Journal of Palestine Studies»*, vol. 25, no. 3 (1996), pp. 36–45.

³⁰⁰ См.: *«On Palestinian–Israeli Attitudes Towards Palestinian Refugees»*. Public Opinion Poll, No. 34 (Jerusalem Media and Communication Center & The Tami Steinmetz Center for Peace Research, 1999), часть I, вопросы 1, 2. Было опрошено 500 израильтян еврейской национальности, 500 арабов – граждан Израиля и 1200 палестинцев, проживающих на Западном берегу (N=762, примерно десятая часть из них – жители Восточного Иерусалима) и в секторе Газа (N=438).

³⁰¹ Там же, вопрос 3.

³⁰² Там же, вопрос 9.

³⁰³ Там же, вопросы 4 и 5.

³⁰⁴ Там же, вопросы 6 и 7.

³⁰⁵ См.: *«Peace Index: August 2003»* (Tel-Aviv University, The Tami Steinmetz Center for Peace Research), p. 7. Опрос был проведен 31 августа – 2 сентября 2003 года. Репрезентативная выборка включала 583 гражданина Израиля, евреев (включая жителей поселений в Иудее, Самарии и Газе) и арабов.

³⁰⁶ См.: *«Results of PSR Refugees' Polls in the West Bank/Gaza Strip, Jordan and Lebanon on Refugees' Preferences and Behavior in a Palestinian – Israeli Permanent Refugee Agreement»* (Palestinian Center for Policy and Survey Research, Ramallah, 2003);

см.: <http://www.pcpsr.org/survey/polls/2003/refugeesjune03.html>.
Выборка включала 4506 человек, треть из которых – жители Запад-

ного берега и Газы, треть – Иордании, а треть – Ливана. Опрос проводился с января по июнь 2003 г. под руководством Халиля Шикаки и Аюба Мустафы (Ayoub Mustafa).

³⁰⁷ См.: *«Peace Index: August 2003»*, p. 8.

³⁰⁸ См.: Али Вакад, «Рамалла: беженцы избили исследователя, который осмелился утверждать, что лишь один процент из них заинтересован вернуться» // Интернет-сайт газеты *«Едиот ахронот»*, 13 июля 2003 г. [на иврите].

³⁰⁹ См.: «Новое исследование: большинство беженцев не желают возвращаться в Израиль» // Интернет-сайт газеты *«Едиот Ахронот»*, 19 июня 2003 г. [на иврите].

³¹⁰ См.: Наташа Мозговая, «Как минимум навсегда» // *«Еженедельный журнал»*, № 108, 25 февраля 2004 г.

³¹¹ Таблица составлена на основе информации Управления ООН по делам палестинских беженцев; см.:

<http://www.un.org/unrwa/publications/pdf/figures.pdf> (данные за 1953–2000 гг.); <http://www.un.org/unrwa/publications/pdf/uif-dec04.pdf> (данные за 2004 г.).

³¹² Таблица составлена на основе информации Управления ООН по делам палестинских беженцев; см.:

http://www.un.org/unrwa/publications/pdf/rr_countryandarea.pdf.

³¹³ Таблица составлена автором монографии на основе информации, собранной Palestinian Center for Policy and Survey Research в январе – июне 2003 г. и The Tami Steinmetz Center for Peace Research в августе – сентябре 2003 г. Данные были представлены на конференции в Тель-Авивском университете 29 декабря 2003 г.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА *

1995 г.

1. **А.З.Егорин:** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко:** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития" (совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас):** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян:** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин:** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко:** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко:** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко:** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина:** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев:** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова**: "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко**: "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов**: "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко**: "Экономика переселенческого общества (совместно с ИВ РАН)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян**: "Военный и военно-экономический потенциал стран Ближнего и Среднего Востока" (информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов**: "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов**: "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин**: "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев**: "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."

34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль:** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии" (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке". Материалы конференции. Москва, 04.02.99 г.
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков:** "Иран и Мусульманский мир".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский:** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян:** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков:** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев:** "Саудовская Аравия: пути эволюции" (совместно с ИВ РАН).
48. **М.А.Сапронова:** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989–1999)" (совместно с ИВ РАН).
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник (совместно с ИВ РАН).

52. **М.Р.Арунова:** "Афганская политика США в 1945–1999 гг." (совместно с ИВ РАН).
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин:** "Движения политического ислама в Северной Африке" (совместно с ИВ РАН).
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад:** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко:** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки". (Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков:** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей (Совместно с Иерусалимским университетом и Открытым университетом Израиля).

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский:** "Израиль в современной мировой политике".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник:** "Султанат Оман" (совместно с ИВ РАН).
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Вирабов:** "Алжир: кризис власти" (Кризис общественного строя Алжира и перспективы его либерализации) (совместно с ИВ РАН).

69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".
Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов:** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков:** "Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века)".
72. **Зезв Гейзель:** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин:** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко:** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)" (совместно с ИВ РАН).
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров:** "Египет в последней трети XX века (Опыт либерализации экономики и политической системы)" (совместно с ИСАА, МГУ).
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев:** "Талибы (религиозно-политический портрет)" (совместно с ИВ РАН).
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.

88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин**: "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский**: "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко**: "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар**: "Выбирая диктатуру. (Ясир Арафат и формирование органов власти палестинской администрации)". Перевод А.Д.Эпштейна.
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей (совместно с ИВ РАН, ИСАА).
96. **Алек Д.Эпштейн**: "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник**: "Кувейт: Контуры экономических перемен" (совместно с ИВ РАН).
98. **О.В.Плешов**: "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане" (совместно с ИВ РАН).
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. **М.З.Ражбадинов**: "Радикальный исламизм в Египте" (совместно с ИВ РАН).
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Материалы "круглого стола" ИСАА. Апрель 2003 г.
103. "Иран и СНГ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.

105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник статей.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян:** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник статей (совместно с РАЕН).
108. **В.М. Ахмедов:** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика" (совместно с ИВ РАН).
109. **В.П.Юрченко:** "Египет: проблемы национальной безопасности".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы" (по материалам круглого стола).
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола).
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы". Сборник статей.
- 114 **Е.И.Уразова:** "Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ" (совместно с ИВ РАН).
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев:** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **А.Р.Аганин, З.А.Соловьева:** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зеэв) Ханин:** "«Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". Сборник статей и документов под редакцией **Алека Д.Эпштейна.**

121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов:** "Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии" (совместно с ИВ РАН).
122. **Е.И.Миронова:** "Алжир: смена приоритетов развития" (совместно с Институтом Африки).
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков:** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке" (совместно с информационно-аналитическим центром "Акцент").
127. "Иран и Россия". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". Сборник.
- 129 "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока. Аналитические записки".
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г. (совместно с ИВ РАН).
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт. Аналитические записки".
137. "Иран. Аналитические записки".
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис:** "Израиль в начале XXI века".
139. **И.А.Матвеев:** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке".

140. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
141. **А.В.Гасратян**: "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. **В.П.Юрченко**: "Сирия: проблемы национальной безопасности. (Военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963–2004 гг.)"
143. "Палестино-израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии". (Сборник статей и документов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
144. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
145. **М.З.Ражбадинов**: "Египетское движение «Братьев-мусульман»" (совместно с ИВ РАН).
146. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 23.
147. «Сирия. Проблемы внутривластной стабильности и внешней безопасности» (материалы круглого стола, 21 сентября 2004 г.).
148. «Ирак: 100 дней переходного правительства».
149. "Востоковедный сборник". Выпуск шестой.
150. "Иран после парламентских выборов" (Круглый стол 27.04.2004 г.). Сборник статей.
151. **Б.В.Долгов**: "Исламистский вызов и алжирское общество" (совместно с ИВ РАН).
152. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 24.

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*

2005 г.

153. М.К.Занбуа, А.О.Филоник: "Формирование производственной инфраструктуры в Сирии (1946–2004)"

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

* Примечание: Институт переименован в 2005 г.

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Rus-
sian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"

29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States"
by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation" by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Uitchenko**

81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.

96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" (collection of essays).
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)

114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. " Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".
124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)

131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays)
Edited by **Alek D. Epstein.**
144. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays)
145. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov**
146. "The Contemporary Middle East" № 23, (collection of essays)
147. "Syria. Problems of Internal Political Stability and External Security" (documents of the Round Table, 21 September 2004)
148. "Iraq: 100 days of transition"

149. "Oriental Records" № 6 (collection of essays)
150. "Iran after Elections" (documents of the Round Table, April 2004)
151. "Islamic challenge and the Algerian society" by **B.Dolgov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
152. "The Contemporary Middle East" № 24, (collection of essays)

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF MIDDLE EASTERN
STUDIES

2005

153. "Creating of productional infrastructure in Syria" by **M.Zanbua and A.Filonik**. In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Алек Д. Эпштейн

ИЗРАИЛЬ И ПРОБЛЕМА ПАЛЕСТИНСКИХ БЕЖЕНЦЕВ:
ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

Подписано в печать 03.08.2005 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 13,5 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 89

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»